

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

Том 18

№ 4 · 2017

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

4-2017

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет

Дизайн обложки: С.Г. Ажгихин, М.Н. Марченко. Оригинал-макет: Д.А. Хрипков

Главный редактор:

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук, проф. (КубГУ, Россия)

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Кубанский государственный университет

Журнал издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации № Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета РФ по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал включен в утвержденный ВАК Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени по следующим отраслям науки: 19.00.00 — психологические науки; 22.00.00 — социологические науки; 23.00.00 — политология.

Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru

Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Подписано в печать 30.12.2017.
Уч.-изд. л. 15,91. Усл. печ. л. 16,83.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Редакционный совет:

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф., МГИМО(У) МИД РФ, Россия; **Бедерханова В.П.**, д-р пед. наук, проф., КубГУ, Россия; **Дёмин А.Н.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; **Дженкинс Р.**, д-р социологии, проф., Университет Шеффилда, Великобритания; **Дмитриев А.В.**, д-р филос. наук, проф., член-корреспондент РАН, Институт социологии РАН, Россия; **Журавлев А.А.**, д-р психол. наук, проф., член-корреспондент РАН, Институт психологии РАН, Россия; **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия; **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф., Институт психологии РАН, Россия; **Мкртчян А.Е.**, д-р филос. наук, Ереванский государственный университет, Армения; **Никовская А.И.**, д-р социол. наук, проф., Институт социологии РАН, Россия; **Оркени А.**, д-р социол. наук, проф., Университет имени Лоранда Этвэша, Венгрия; **Подшивалкина В.И.**, д-р социол. наук, проф., Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина; **Романова А.П.**, д-р филос. наук, проф., Астраханский ГУ, Россия; **Ротт С.**, PhD, проф., Бизнес-школа Ла Рошель, Франция; **Семененко И.С.**, д-р полит. наук, член-корреспондент РАН, ИМЭМО РАН, Россия; **Сморгунов Л.В.**, д-р филос. наук, проф., СПбГУ, Россия; **Шабров О.Ф.**, д-р полит. наук, проф., РАНХиГС, Россия.

Редакционная коллегия:

Жаде З.А., д-р полит. наук, проф., Адыгейский ГУ, Россия; **Кольба А.И.**, д-р полит. наук, доц., КубГУ, Россия (*зам. гл. редактора*); **Нарыков Н.В.**, д-р филос. наук, проф., Краснодарский университет МВД, Россия; **Оберемко О.А.**, канд. социол. наук, доц., НИУ ВШЭ, Россия; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия (*зам. главного редактора*); **Поцелуев С.П.**, д-р полит. наук, проф., ЮФУ, Россия; **Проказина Н.В.**, д-р социол. наук, проф., Среднерусский институт управления РАНХиГС, Россия; **Рябкина З.И.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; **Рябченко Н.А.**, канд. полит. наук, КубГУ, Россия (*тех. директор*); **Фадеева Л.А.**, д-р ист. наук, проф., Пермский ГНИУ, Россия; **Фоменко Г.Ю.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; **Хагуров Т.А.**, д-р социол. наук, КубГУ, Россия.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

- Мирошниченко И. В., Рябченко Н. А.* Экосистема сетевого публичного управления: оценка готовности сетевого окружения к инновационным практикам (на примере субъектов РФ) 6

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

- Давыдов А. А.* Концепция «продвижения демократии» во внешней политике США 22
- Глухова А. В., Кольба А. И., Соколов А. В.* Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса) 44
- Баранов А. В.* Кризис партийной системы Испании в 2010-х гг. и его политические последствия 66

СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

- Мелконян Н. А.* Формирование стереотипизированного образа Европы в картине мира молодёжи Еревана 85

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

- Хлыщева Е. В.* Чужой versus Неочужой: к проблеме трансформации адаптационных практик мигрантов в Европе и России 99
- Михайлова Т. А., Студеникина Е. С.* Проблемы спорта и физической культуры в российских социологических исследованиях: история и перспективы развития 121

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Шлыкова Ю. Б., Ейбоженко В. Ю.* Связь образа партнера с образом родителей в автобиографических воспоминаниях женщин 137
- Григорьев М. В., Макаревская Ю. Э.* Личностные особенности подчинённых и предпочитаемый ими стиль управления 150

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

- Вольвич Ю. К.* Психологические ресурсы регуляции стресс-преодолевающего поведения личности как субъекта организационных процессов 162

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Ковалева Н. В.* Психологические особенности субъектов образовательной среды вуза в условиях международного сотрудничества 179
- Наши авторы 191
- К сведению авторов 195
- Порядок приёма и рецензирования рукописей 201

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Scientific Journal

4-2017

Editor-in-chief:

Prof. **Elena V. Morozova**, Dr. Sci. (Philosophy), Kuban State University; Krasnodar, Russia

Founder:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room κ. 404N, Krasnodar 350040, Russian Federation tel. +7 861 2199563

Founder's Address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Published since March 1999 quarterly Registered under certificate № P2829 of March 16, 1999 issued by the North-Caucasus Regional Board on Registration and Monitoring of the Law on Mass Media and Press of the Russian Federation Committee for Press. Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483.

The position of the editorial board may not coincide with the opinion of the authors.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the list of leading peer-reviewed scientific journals and periodicals. It publishes articles on the following fields of science: 19.00.00 — psychology; 22.00.00 — sociology; 23.00.00 — political science.

Contributions for publication are accepted at chsu1999@yandex.ru

Web-site: <http://chsu.kubsu.ru>

Editorial Council:

Prof. **Tatyana A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO University, Moscow, Russia; Prof. **Vera P. Bederkhanova**, Dr. Sci. (Pedagogy), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Andrey N. Diomin**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Anatoly V. Dmitriev**, Dr. Sci. (Philosophy), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Rus. Acad. Sci. Institute of Sociology, Moscow, Russia; Prof. **Richard Jenkins**, Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Sheffield, Great Britain; Prof. **Anatoly L. Zhuravlev**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Full Member, Moscow, Russia; Prof. **Yuri P. Zinchenko**, Dr. Sci. (Psychology), Moscow State University, Moscow, Russia; Prof. **Viktor V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Institute of Psychology, Moscow, Russia; Prof. **Artur E. Mkrtychyan**, Dr. Sci. (Sociology), Yerevan State University, Yerevan, Armenia; Prof. **Larissa I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad. Sci. Institute of Sociology, Moscow, Russia; Prof. **Antal Orkeny**, DsC, Rolando Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof. **Valentina I. Podshivalkina**, Dr. Sci. (Sociology), Odessa National University, Odessa, Ukraine; Prof. **Anna P. Romanova**, Dr. Sci. (Philosophy), Astrakhan State University, Astrakhan, Russia; Prof. **Steffen Roth**, PhD, La Rochelle Business School, La Rochelle, France; **Irina S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Science), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Rus. Acad. Sci. Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia; Prof. **Leonid V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Prof. **Oleg F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Science), Russian Academy of Economy and Public Service, Moscow, Russia.

Editorial Board:

Prof. **Zuriet A. Zhade**, Dr. Sci. (Political Science), Adyge State University, Maikop, Russia; Assist. Prof. **Aleksey I. Kolba**, Dr. Sci. (Political Science), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Deputy editor-in-chief*); Prof. **Nikolaj V. Narykov**, Dr. Sci. (Philosophy), Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia; **Oleg A. Oberemko**, Cand. Sci. (Sociology), Higher School of Economics National Research University, Moscow, Russia; Prof. **Liudmila N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Deputy editor-in-chief*); Prof. **Sergey P. Potseluyev**, Dr. Sci. (Political Science), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. **Natal'ja V. Prokazina**, Dr. Sci. (Sociology), Central Russian Institute of Management, Branch of Russian Academy of Economy and Public Service, Orel, Russia; Prof. **Zinaida I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; **Natalya A. Ryabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Technical Director*); Prof. **Liubov A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State Research University, Perm, Russia; Prof. **Galina Yu. Fomenko**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; **Temyr A. Khagurov**, Dr. Sci. (Sociology), Kuban State University, Krasnodar, Russia.

POLITICAL MANAGEMENT

- Miroshnichenko I. V., Ryabchenko N. A.* Ecosystem of the network public administration: estimation of network environment reality for the innovative practices (on the example of the subjects of the Russian Federation) 6

POLITICAL INSTITUTES AND PROCESSES

- Davydov A.A.* The U.S. foreign policy concept of democracy promotion. 22
- Glukhova A.V., Kol'ba A.I., Sokolov A.V.* Political-institutional and communicative aspects of interaction of subject of urban conflicts (based on expert survey) 44
- Baranov A. V.* Crisis of the party system of Spain in the 2010s and its political consequences 66

SOCIOLOGY AND PSYCHOLOGY OF POLITICS

- Melkonyan N.A.* The formation of stereotyped image of Europe within the world view of Yerevan youth 85

PROBLEMS OF SOCIAL THEORY

- Khlysheva E.V.* From the stranger to the neo stranger: to a problem of forming the modern immigrant's adaption mechanisms (comparison of Europe and Russia) 99
- Mihailova T.A., Studenikina E.S.* Sociological research of sports and physical education in Russia: history and future development 121

PERSONALITY PSYCHOLOGY

- Shlikova Y.B., Eibozhenko V.* Relation between images of partner with image of parents in women's autobiographical recollections 137
- Grigoriev M.V., Makarevskaya Y.E.* Personal characteristics of subordinates and their preferred management style (on the example of the military personnel) 150

LABOUR PSYCHOLOGY

- Volvich Yu.K.* Psychological resources of person's stress-resistance as a subject of organizational processes 162

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY

- Kovaleva N.V.* Psychological features of subjects of higher education institution medium within the context of the international cooperation. 179

- Our authors 193
- Information for the authors. 200
- Procedure for receiving and reviewing manuscripts. 202

ЭКОСИСТЕМА СЕТЕВОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОЦЕНКА ГОТОВНОСТИ СЕТЕВОГО ОКРУЖЕНИЯ К ИННОВАЦИОННЫМ ПРАКТИКАМ (НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ РФ)¹

.....

Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А.

Мирошниченко Инна Валерьевна, Кубанский государственный университет,
350040, Краснодар, ул. Ставропольская 149, Эл. почта: mirinna78@mail.ru

Рябченко Наталья Анатольевна, Кубанский государственный университет
350040, Краснодар, ул. Ставропольская 149, Эл. почта: rrrnatali@mail.ru

В данной статье авторы обосновывают понятие экосистемы сетевого публичного управления, которое является результатом осмысления политической наукой трансформации пространства публичной политики и управления. Развитие экосистемы публичного управления связано с внедрением и распространением инновационных управленческих практик, продуцирование которых связано с состоянием сетевого окружения. Авторами был разработан аналитический инструментарий, представляющий собой систему индикаторов оценки готовности сетевого окружения к участию в сетевом публичном управлении. На основе данного инструментария было проведено эмпирическое исследование готовности сетевого окружения субъектов РФ к инновационным управленческим практикам. Результаты исследования выявили три кластера субъектов РФ, характеризующих степень готовности их сетевого окружения к участию в сетевом публичном управлении регионов: «сетевое окружение как инфраструктура публичного пространства», «сетевое окружение как сообщество активных граждан» и «сетевое окружение как институциональная основа экосистемы публичного управления». Авторы пришли к выводам, что сетевое окружение в публичном онлайн-пространстве, развивающееся в количественном и качественном формате, является системообразующим компонентом экосистемы сетевого публичного управления. При этом сетевое окружение становится одновременно источником и ресурсом развития структурных, аксиологических и технологических компонентов экосистемы сетевого публичного управления, в которой продуцируются социальные и институциональные инновации. При этом институциональные инновационные изменения возможны при программном подходе, когда государство создает институциональные условия для гражданского участия и со-общественной социально-политической рефлексивности по проблемам, целям и методам развития как в национальных масштабах, так и на уровне локальных сообществ.

Ключевые слова: сетевое публичное управление, экосистема, сетевое окружение, индикаторы готовности граждан к инновационным практикам, субъекты РФ.

¹ Статья подготовлена в рамках Гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук МД-5993.2016.6 «Инновационные практики в многоуровневой системе публичного управления современной России» (2016–2017).

На современном этапе в условиях турбулентных глобальных изменений современная политическая наука постоянно сталкивается как с вызовами трансформационных процессов в системе публичного управления, так и с проблемой их научного осмысления. «Переформатирование» социально-политической реальности и, соответственно, системы публичного управления происходит под воздействием конфликтного взаимодействия традиционных иерархий и постмодернистских организационных структур, влекущих за собой гибридизацию политических институтов и формирование «точек роста» для новых сетевых гражданских, политических и управленческих практик. Развитие в глобальном масштабе сетевой публичной политики способствует расширению круга разнообразных социально-политических субъектов, в том числе и за счет появления новых неинституционализированных акторов, способных и готовых к участию в выработке и реализации решений проблем общественной значимости (Мирошниченко, Морозова, 2017). В данных условиях происходит вынужденная реконструкция режима «непубличности» государственного управления, характерного для российского общества. Государственное управление выходит за жесткие рамки властвования и администрирования, в порядок принятия публичных решений включается множество политических акторов, расположенных на разных уровнях территориальных агрегаций и средах (онлайн и оффлайн) публичного пространства. Создается новая экосистема публичного управления, отражающая потребности различных социально-политических акторов быть включенным в разноуровневые институциональные форматы взаимодействия государственных, частных и общественных структур для выработки и реализации общественно значимых проблем. В данной экосистеме органы государственной власти / управления, местного самоуправления «пронизывают» сети горизонтальных взаимодействий различных акторов (политические элиты / лидеры, бизнес-структуры, институты гражданского общества, самоорганизующиеся сообщества гражданских инициатив и т.д.), а государство, согласно концепции «руководства» (governance) (см.: Kooiman, 1993; Kooiman, 2003; Pierre, 2000; Pierre, Peters, 2000; Hirst, 2000), выполняет функцию «оператора» сотрудничества, становясь партнером или менеджером формирующейся кооперации (Купряшин, 2015).

Институциональный дизайн экосистемы сетевого публичного управления зависит от способности государства обеспечивать политическое влияние через диффузные сети «производителей» решений проблем общественного сектора. Функционирование данной экосистемы обеспечивает развитие публичной политики снизу-вверх как постоянный когнитивный поиск альтернатив: от рефлексивного гражданского общества и системы гражданского партнерства к сетевому публичному управлению, что позволяет современному гражданину «реализовывать свою политическую субъектность в многослойном формате публичной политики» (Семенов, 2012).

Развитие экосистемы сетевого публичного управления в политических системах национальных государств обусловлено, по мнению авторов, «продуцированием»

и распространением сетевых управленческих инноваций. Под ними понимаются механизмы и результаты публичной деятельности разнообразных сетевых структур, обеспечивающих внедрение новых практик выработки и реализации решений публичных проблем общества и соответствие государственной / региональной / локальной политики общественным потребностям. Важно, что ключевой характеристикой сетевых инноваций является внедрение, понимаемое как конечный результат инновационной деятельности (Джолдасбаева, 2006), получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного управленческо-технологического процесса, используемого в публичной практике.

К структурным компонентам сетевых политико-управленческих практик относятся разнообразные по своему содержанию и темпоральному происхождению сетевые структуры, инкорпорированные в многоуровневую систему публичного управления. Среди типичных сетевых структур, продуцирующих инновационные управленческие практики, можно выделить следующие: сетевые сообщества, инкорпорированные в реальные властные политико-административные структуры (экспертные сети, сети гражданского участия, сети межсекторного взаимодействия, проблемные сети и т.д.) и сетевые структуры, инкорпорированные в систему публичного управления посредством интерактивных механизмов (электронного правления, электронной демократии, краудсорсинга, гражданских приложений) (Мирошниченко, 2013).

Процессуальные характеристики развития сетевых политико-управленческих практик обусловлены нелинейным характером их динамики, что проявляется в трансформации сетевых структур под влиянием факторов внешней среды в определенных контекстуальных условиях. Необходимо подчеркнуть, что при разрастании / увеличении сетевых структур главной проблемой становится их координация, рассматриваемая как основной управленческий механизм.

Технологические компоненты сетевых политико-управленческих практик, выстраиваясь на принципах сетевой коммуникации, существование которых невозможно вне технологической платформы сетей передачи данных (мгновенной и непрерывной передачи большого объема данных), нацелены на поиск инноваций в сфере публичной политики и управления (инновационного контента, инновационных форм взаимодействия, инновационных ресурсов и решений общественно значимых проблем).

Воспроизводство, развитие и распространение сетевых политико-управленческих практик происходит на основе культуры консенсуса (аксиологического комплекса), т.е. общих норм и ценностей, согласованных правил, возникающих в процессе сетевых коммуникаций. Аксиологический комплекс сетевых управленческих практик позволяет формировать институциональную среду открытого пространства гражданских коммуникаций, где инкорпорирование новых участников в процесс выработки инновационных способов решения общественно значимых проблем происходит на основе идеи сопричастности.

Важно, что сетевые политико-управленческие практики возникают в сетевом окружении системы публичного управления, под которым понимается совокупность сетевых практик в институциональной среде сетевых коммуникаций разнообразных акторов, способных ориентироваться в растущих объемах публичной информации, адаптироваться под собственные потребности и потребности общественного развития и создавать новые технологии. Сетевое окружение представляет собой сетевой ресурс (сетевые сообщества и структуры, механизмы и технологии), с помощью которого производятся инновационные политико-управленческие практики, а их внедрение определяет трансформацию публичного управления в сетевую систему.

Авторами был разработан аналитический инструментарий, представляющий собой систему индикаторов оценки готовности сетевого окружения к участию в сетевом публичном управлении. Предложенный аналитический инструментарий имеет следующие универсальные параметры, которые могут быть исследованы в разных национальных контекстах на основе открытых данных и результатов мониторинговых глобальных исследований: онлайн-включенность граждан; наличие сетевых сообществ и их содержательная направленность; характер включенности органов власти в online-пространство; доля онлайн-СМИ в масс-медиа; наличие и направленность краудсорсинговых платформ; наличие функционирующих технологических сообществ.

Методологическим основанием эмпирического исследования готовности сетевого окружения к инновационным политико-управленческим практикам является интеграция методов структурного сетевого анализа и реляционной социологии. Структурный сетевой анализ позволяет выявлять устойчивые отношения между социальными объектами (узлами) (Wellman, 1983), а также фиксировать глубинные структуры, определяющие содержание отношений между узлами социального взаимодействия (социальной сети) (Boorman, White, 1976). С помощью методов реляционного анализа, которые получили свое распространение в рамках развития постмодернистской социологии, стало возможным определить в структуре социальных взаимодействий культурно-деятельностные характеристики (Emirbayer, 1997). Методы реляционной социологии дают возможность исследователям выйти за пределы математических моделей, описывающих структуру социальных взаимодействий, изучая их параметры в культурных и интересубъективных контекстах (Mutzel, 2009).

С помощью структурного сетевого анализа были выделены следующие количественные параметры в индикаторах оценки готовности сетевого окружения субъектов РФ:

- онлайн-включенность (In_1) — индикатор, характеризующий долю пользователей Интернетом в соотношении с общей численностью населения государства;
- наличие сетевых сообществ и их содержательная направленность (In_2) — эмпирические данные о сетевых сообществах представляются в виде визуализации

зированных социальных графов, в каждом из которых определяются функционально-ролевые статусы акторов, являющихся узлами графа («лидеры мнений», «сенсоры», «реализаторы», «читатели», «репутационные игроки»), и их социальные связи — ребра графа;

– характер включенности органов власти в онлайн-пространство (In_3) — эмпирические данные о степени развития традиционных электронных ресурсов органов власти (сайтов, порталов).

Перечисленные индикаторы представляют собой структурную основу готовности сетевого окружения субъектов РФ к участию в инновационных управленческих практиках: электронные ресурсы региональных органов власти и местного самоуправления (In_3) создают возможности для интерактивного участия онлайн-пользователей (In_1), включенных в различные по содержанию и функциональной активности практики сетевой коммуникации (In_2).

Совокупные данные представленных индикаторов дают «картину» развития сетевой инфраструктуры информационно-коммуникативного пространства публичной политики, в котором могут происходить качественные «точки» интеграции отдельных онлайн-пользователей в сообщества, способные продуцировать публичные инновации.

Применение методов реляционной социологии к анализу сетевой инфраструктуры информационно-коммуникативного пространства публичной политики позволяет выделить индикаторы, характеризующие качественные параметры оценки готовности сетевого окружения субъектов РФ к участию в инновационных практиках:

– доля онлайн-СМИ в масс-медиа (In_4) — индикатор, демонстрирующий уровень развития практик инновационной журналистики (СМИ в онлайн-формате, видео-блогеры, гражданская журналистика) и уровень востребованности в обществе новых сетевых каналов коммуникации;

– наличие и направленность краудсорсинговых платформ (In_5) — индикатор, оценивающий возможность публичной власти мобилизовать интеллектуальные и экспертные ресурсы граждан в решении публичных проблем различного уровня;

– наличие функционирующих технологических сообществ (In_6) — индикатор, позволяющий оценить степень возможности инициирования и внедрения инноваций, рассматриваемых как направленные изменения тех или иных характеристик публичного пространства системы. Конечный результат деятельности технологических сообществ в публичной практике — институциональные публичные инновации, закрепленные в практиках граждан.

Данные индикаторы характеризуют качество сетевого окружения публичной системы управления, признаки трансформации социальных взаимодействий в гражданские инициативы и социально-политическую деятельность интегрированных вокруг пространства публичных проблем сетевых сообществ. Эмпирические данные по представленным индикаторам позволяют судить о том, как сетевое

окружение «встраивается» в экосистему сетевого публичного управления, реализуя свой потенциал продуцирования публичных инноваций. Качественно измененное сетевое окружение, представленное форматами инновационной журналистики, краудсорсинга и технологических сообществ формирует сетевой этос экосистемы сетевого публичного управления, благодаря которому плюралистические типы культуры мышления разнообразных акторов интегрируются на основе разделяемых ценностей «культуры соучастия» для решения конкретных управленческих задач.

В данной работе представлены адаптированная система оценки готовности сетевого окружения субъектов РФ к участию в инновационных практиках на примере округов Российской Федерации. Система индексов рассчитывалась для Центрального, Северо-Западного, Приволжского, Сибирского, Уральского, Южного, Северо-Кавказского, Дальневосточного, города федерального значения Москвы, города федерального значения Санкт-Петербурга. (Республика Крым и город федерального значения Севастополь не вошли в представленное исследование в виду недостаточно накопленных статистических данных и будут включены в последующие расчеты.)

В качестве эмпирической базы данного исследования авторы использовали доступные в сети Интернет количественные данные аналитических исследований компании «Яндекс», проектного центра «Инфометр», независимого аналитического агентства «РИАБ», аналитической системы «Brand Analytics», общественного образовательного проекта «Теплица социальных технологий», портала «Краудсорсинг.ру».

Эмпирическое исследование проходило в три этапа: на первом этапе был проведен сбор цифровых данных, характеризующих систему выделенных индикаторов; на втором этапе осуществлен кластерный анализ собранных данных; на третьем — математический анализ полученных кластеров эмпирических данных, характеризующих степень готовности сетевого окружения субъектов РФ в инновационных управленческих практиках.

Для построения адаптированной системы оценки готовности сетевого окружения субъектов РФ к участию в инновационных практиках показатели шести индикаторов нормализовались, т.е. переводились в оценку от 0 до 1. Совокупная величина значений всех индикаторов — это показатель готовности сетевого окружения к инновациям, равный сумме оценок индикаторов:

$$\text{Готовность сетевого окружения} = \sum I_n.$$

При оценке каждого из шести индикаторов, составляющих систему оценки сетевого окружения к инновациям, были взяты данные, наиболее полно характеризующие состояние каждого индикатора в России к моменту обработки данных. Значения индикаторов I_{n_2} , I_{n_3} , I_{n_5} , I_{n_6} для федеральных округов рассчитывались как средне-арифметическое эмпирических данных по регионам, характеризующих индикаторы. На основе результирующего индикатора выстраивался рейтинг федеральных округов, который представлен на рис. 1, а его детализация — на рис. 2.

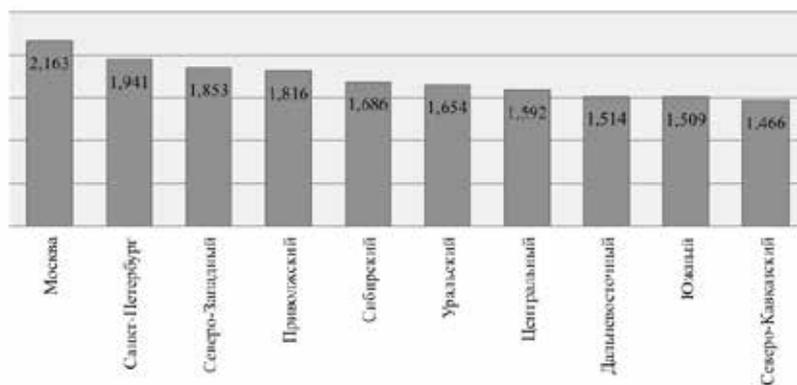

Рис. 1. Рейтинг федеральных округов РФ по показателю готовности сетевого окружения к инновациям

В рейтинге готовности сетевого окружения к инновациям лидирует город федерального значения Москва, второе место занимает город федерального значения Санкт-Петербург, последнее место в рейтинге занимает Северо-Кавказский федеральный округ. Проведенный кластерный анализ, на основе данных системы индикаторов оценки готовности сетевого окружения к участию в инновациях, объединил федеральные округа в три кластера:

- первый кластер — Южный федеральный округ, Северо-Кавказский федеральный округ;
- второй кластер — Северо-Западный федеральный округ, Уральский федеральный округ, Сибирский федеральный округ, Центральный федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ;
- третий кластер объединил города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, а также Приволжский федеральный округ.

Первый кластер «Сетевое окружение как инфраструктура публичного пространства» представлен Южным и Северо-Кавказским федеральными округами. Кластер включает в себя субъекты РФ, находящиеся на стадии развития сетевой инфраструктуры информационно-коммуникативного пространства публичной политики. В данных субъектах РФ растет число активных онлайн-пользователей, формируются интерактивные площадки органов власти в сети Интернет, появляются авторитетные социальные медиа, однако существенных результатов по включению разнообразных сообществ в процесс выработки публичных решений, т.е. интеграции сетевого окружения в экосистему публичного управления пока не наблюдается.

Кластер включает регионы с четко выраженными диспропорциями количественных показателей индикаторов. Например, оценивая характер включенности органов власти, мы видим, что регион с максимальным показателем по России (Ростовская область) «соседствует» с регионами (Республика Дагестан и Республика

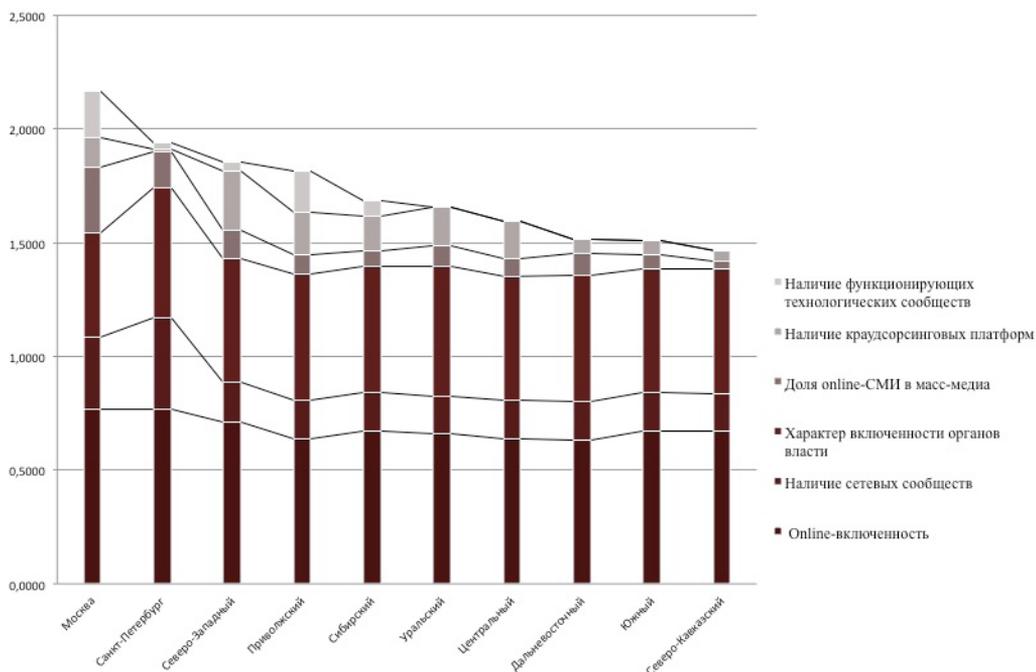

Рис. 2. Детализация рейтинга федеральных округов РФ по показателю готовности сетевого окружения к инновациям

Чечня), которые имеют минимальные показатели в масштабах всей России, что не может не сказаться на функционировании информационно-коммуникационной инфраструктуры публичного управления Юга России и Северного Кавказа (рис. 3).

На рис. 4 видно, что показатели двух индикаторов («онлайн-включенность пользователей» и «характер включенности органов власти») находятся примерно на том же уровне, что и у других кластеров. Однако отсутствие значительных данных, характеризующих индикаторы из «качественного блока», говорит о том, что уровень количественных показателей развития сетевого окружения в данном кластере субъектов РФ недостаточен для качественных изменений сетевого окружения системы публичного управления. Однако «одиночные» краудсорсинговые проекты свидетельствуют о накоплении ресурсного потенциала сетевого окружения для его постепенной интеграции в формирующуюся экосистему сетевого публичного управления. Так официальные власти Республики Дагестан, анализируя перспективы развития сельских территорий, предлагают использовать для решения значимых проблем краудсорсинговые технологии (Гаджиев, 2017) (рис. 3).

Второй кластер «Сетевое окружение как сообщество активных граждан» (Северо-Западный федеральный округ, Уральский федеральный округ, Сибирский федеральный округ, Центральный федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ) представляет собой в количественном срезе развитие сетевого окружения с высо-

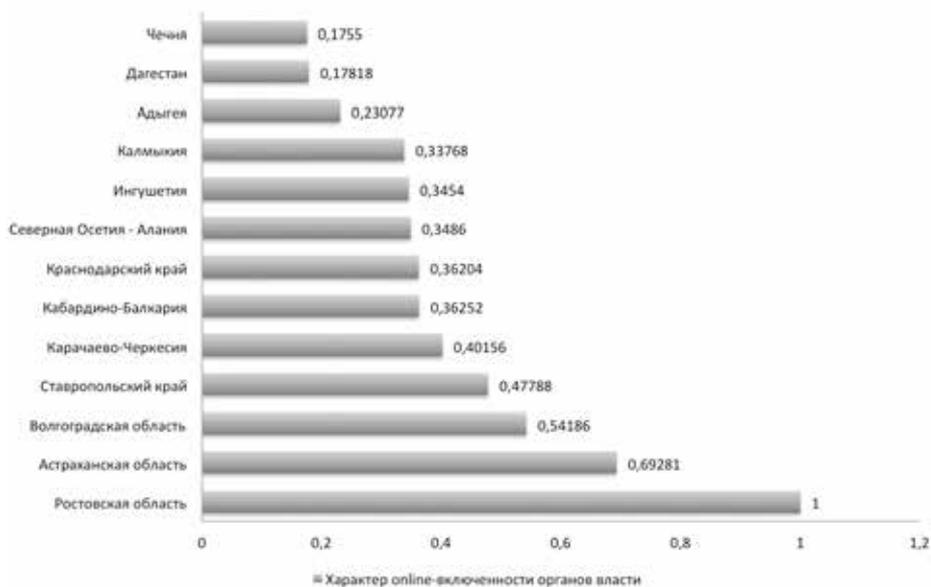

Рис. 3. Показатели индикатора «характер включенности органов власти» в третьем кластере

кими показателями индикаторов «онлайн-включенности населения» и «характера включенности органов власти», а интеграция активных граждан и формирование деятельностных сетевых сообществ в экосистему сетевого публичного управления происходит посредством краудсорсинговых практик, проектируемых региональными органами власти (рис. 5). Данные показатели демонстрируют высокий уровень развития ограниченного числа краудсорсинговых ресурсов при ролевой позиции государства как «оператора» инноваций в субъектах РФ, представленных в кластере (данные характеризующие индикаторы — «наличие краудсорсинговых платформ» и «наличие сетевых сообществ» — ниже среднего). Краудсорсинг «сверху» под патронажем органов власти и управления стал инновационной сетевой технологией, с помощью которой публичная власть мобилизует интеллектуальные и экспертные ресурсы граждан в решении публичных проблем различного уровня. Краудсорсинг «сверху» предлагает активную позицию органов публичного управления в проектировании и запуске электронного ресурса, способствующего мобилизации ресурсов граждан в разрешении определенной проблемы² (Мирошниченко, Рябченко, 2015). В данном случае государство занимает позиции институционального инноватора, когда создаются условия для внедрения и распространения инноваций, формирующих экосистему сетевого публичного управления.

² Изначально краудсорсинговые практики стали могут продуцироваться «снизу» в результате сетевого взаимодействия активных и заинтересованных граждан, создавая социальные сети или актуализируя уже существующие, для мобилизации различных ресурсов по разрешению какой-либо общественно-значимой проблемы.

Рис. 4. Кластер «Сетевое окружение как инфраструктура публичного пространства»

В качестве примера, иллюстрирующего краудсорсинг «сверху», рассмотрим кейс Дальневосточного федерального округа — «В добром крае — добрые дела!» Проект ориентирован на поддержку частно-государственного и общественно-государственного партнерства в области реализации проектов граждан и НКО, формирование «активного ядра» — сообщества активных граждан, деятельность которых открывает новые возможности для обеспечения комфортной жизни на Дальнем Востоке. С помощью него на грантовой основе (при бюджете не более 300 тыс. руб.) создаются благоприятные административные, финансовые и технологические условия для реализации локальных проектов граждан и НКО. Проект реализуется при поддержке Общественной палаты Российской Федерации, Министерства по развитию Дальнего Востока и Общественного совета при Минвостокразвитии России (Сайт проекта «В добром крае...», 2017).

Третий кластер «Сетевое окружение как институциональная основа экосистемы публичного управления» включает города федерального значения Москву и Санкт-Петербург, а также Приволжский федеральный округ (рис. 6). Для этой группы субъектов РФ характерны высокие показатели развития сетевой инфраструктуры информационно-коммуникативного пространства публичной политики, отраженные в индикаторах количественного блока, а также структурная дифференциация форматами инновационной журналистики, краудсорсинга и технологических сообществ сетевого окружения, которое институционально и функционально интегрировано в экосистему сетевого публичного управления.

В данном кластере особый статус имеет Приволжский федеральный округ. Несмотря на более низкие показатели данных, по сравнению с Москвой и Санкт-Петербургом, характеризующих количество сообществ в сетевом окружении, их содержательная направленность в большей степени связана с деятельностью технологических сообществ, объединенных в общественный образовательный проект «Теплица социальных технологий». Его цель — развитие сотрудничества между некоммерческим сектором и IT-специалистами. Проект создан в 2012 г., функционирует в крупных городах России, за пять лет существования проекта

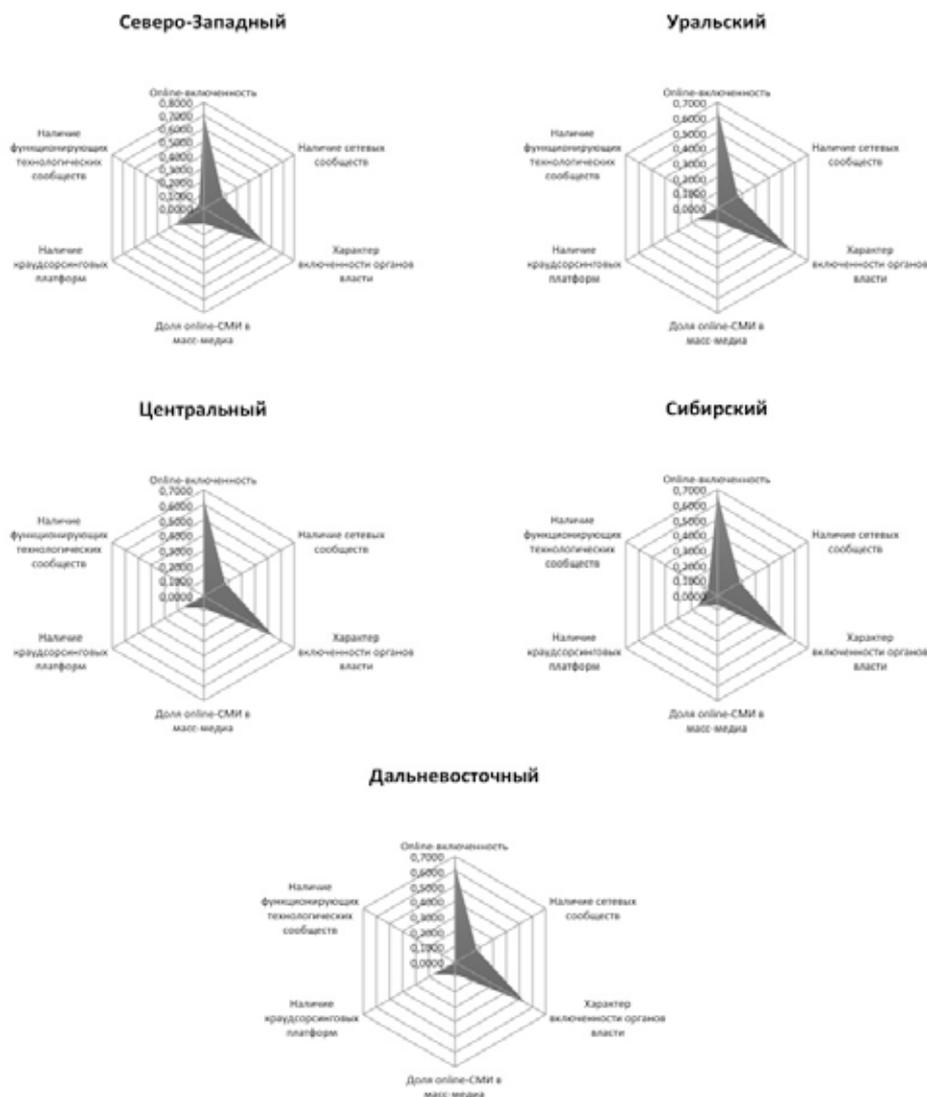

Рис. 5. Кластер «Сетевое окружение как сообщество активных граждан»

было реализовано более 650 различных мероприятий, направленных на развитие гражданского активизма и создание площадок конструктивного взаимодействия бизнеса, власти и гражданского общества. Особое внимание уделяется проведению хакатонов³ как основной форме практической инициации инноваций. Небольшие команды, объединяя специалистов из разных областей разработки программного обеспечения (программистов, дизайнеров, менеджеров), представителей органов власти, НКО и активных граждан, сообща работают над решением публичных

³ Происхождение термина «хакатон» – от сочетания двух слов: хакер и марафон.

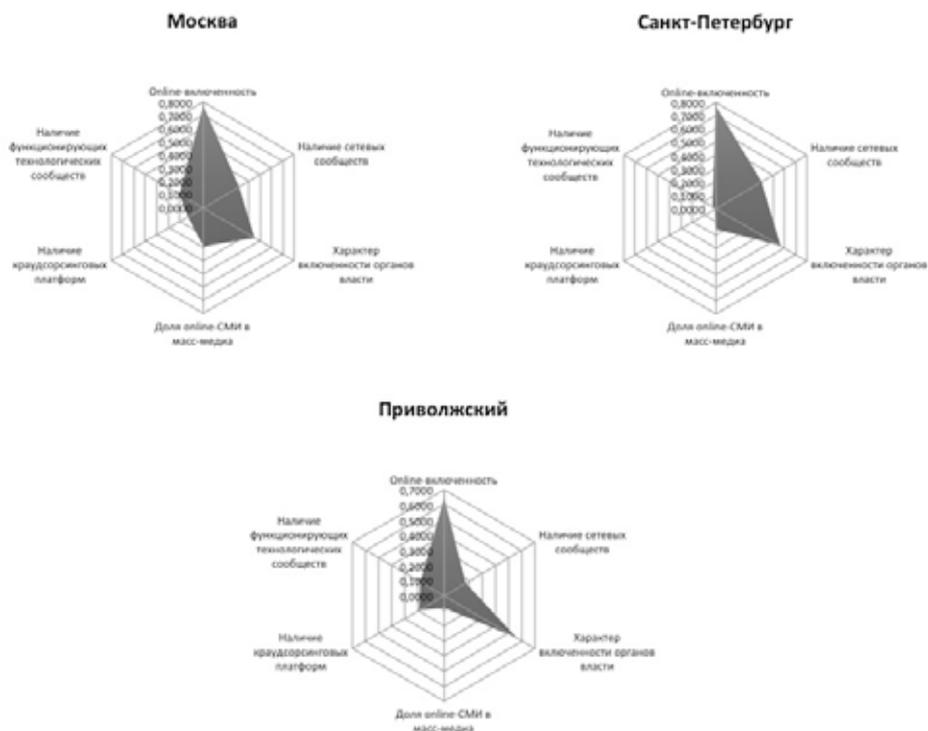

Рис. 6. Кластер «Сетевое окружение как институциональная основа экосистемы публичного управления»

проблем: от медицины до городского проектирования. Важно, что 62% из общей численности городов РФ, включенных в реализацию данного проекта, представляют Приволжский федеральный округ.

Так, в августе 2016 г. «Теплица социальных технологий» провела «Чак-Чат Хакатон» в Казани, посвященный созданию и использованию инновационной сетевой технологии «чат-бот» для развития городской публичной сферы. «Чат-бот» — это программа, имитирующая деятельность человека в чатах и мессенджерах (Telegram, Facebook Messenger). С ее помощью можно получить доступ к различным сервисам и произвести поиск информации непосредственно в мессенджере без привлечения людей. Участниками мероприятия стали сотрудники некоммерческих организаций, гражданские активисты, программисты, дизайнеры и представители органов власти. В течение двух дней участники разрабатывали, а затем представляли жюри свои проекты. Одним из проектов, представленных на хакатоне, был чат-бот «Красивая Казань» для Telegram, дающий возможность сбора информации о городских проблемах с помощью пользователей Интернета. Суть этой технологии заключалась в простой фиксации проблемного городского объекта: пользователи фотографировали объект (наружную рекламу, парковку, яму на дороге и т.д.), добавляли к снимку

геолокацию, а чат-бот автоматически генерировал и отправлял обращение в органы региональной и муниципальной власти, которые занимаются решением подобных задач. Как только проблема решалась, пользователь получал об этом уведомление. Фактически работа представленного чат-бота сводится к выполнению рутинных унифицированных задач, которые существенно экономят время пользователей, тем самым повышая эффективность и уровень участия в решении городских проблем. Всего на хакатоне было представлено 11 проектов, направленных на улучшение и развитие городской среды (Сайт хакатона..., 2017). Такие высокотехнологические проекты, направленные на решение типичных для локальных сообществ и регионов проблем, позволяют внедрить в публичную практику социальные инновации. Социальные инновации в публичном управлении — это практики, в которых может участвовать большое количество простых граждан, основной части населения российских регионов, когда они имеют возможность включиться в измененные правила уже существующих способов выработки решений в условиях определенного территориального контекста.

Таким образом, данные показателей индикаторов, характеризующих количественный срез уровня готовности сетевого окружения к инновационным практикам, демонстрирует, что население и органы власти в достаточной степени представлены в публичном онлайн-пространстве. Однако качественное развитие сетевого окружения имеет жесткую региональную дифференциацию, связанную с распространением практик включенности структурно дифференцированного сетевого сообщества в процесс выработки публичных решений. Проведенное эмпирическое исследование показало, что сетевое окружение в публичном онлайн-пространстве, развивающееся в количественном и качественном формате, является системообразующим компонентом экосистемы сетевого публичного управления. При этом сетевое окружение становится источником одновременно структурных, аксиологических и технологических компонентов экосистемы сетевого публичного управления, способствующих:

- возникновению институциональных структур, готовых интегрироваться в процесс выработки общественно значимых проблем;
- формированию и распространению ценностных и поведенческих ориентаций новой культуры соучастия и сопричастности граждан, которые необходимы для актуализации различных форм гражданской солидарности, сотрудничества общественно-государственного и частно-государственного партнерства;
- созданию инновационных синтетических по своему происхождению (основанных на синтезе знаний из различных отраслей науки и практики) технологий выработки решений общественно значимых проблем.

При этом институциональные инновационные изменения возможны при программном подходе, когда государство создает институциональные условия для гражданского участия и со-общественной социально-политической рефлексив-

ности по проблемам, целям и методам развития как в национальных масштабах, так и на уровне локальных сообществ.

Библиографический список

1. Гаджиев, Г. (2017, Февраль 13). Перспективы развития Дагестана: основные драйверы экономического роста. *РИА Дагестан*. Режим доступа https://www.riadagestan.ru/news/analytics/perspektivy_razvitiya_dagestana_osnovnye_dravvery_ekonomicheskogo_rosta/.
2. Джолдасбаева, Г. К. (2006). Инновация как основной фактор повышения эффективности производства. *Технологии корпоративного управления — iTeam.ru*. Режим доступа https://iteam.ru/publications/strategy/section_18/article_2933
3. Купряшин, Г. Л. (2015). Публичное управление. В О. В. Гаман-Голутвина (ред.) *Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии* (с. 201). Москва: Аспект-Пресс.
4. Мирошниченко, И. В. (2013). *Сетевой ландшафт российской публичной политики*. Краснодар: Просвещение-Юг.
5. Мирошниченко, И. В., Морозова, Е. В. (2017). Сетевая публичная политика: контуры предметного поля. *Полис. Политические исследования*, (2), 82–102.
6. Мирошниченко, И. В., Рябченко, Н. А. (2015). Сетевые ресурсы развития локальной политики. *Среднерусский вестник общественных наук*, 10 (5), 38–49.
7. Сайт проекта «В добром крае — добрые дела!» (2017). Режим доступа <http://roszemproekt.ru/assets/images/news/2017/3/prezentazia.pdf>
8. Сайт хакатона «Чак-Чат Хакатон» (2017). Режим доступа <https://kazan.te-st.ru>
9. Семененко, И. С. (2012). «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики. *Полис. Политические исследования*, (6), 9–26
10. Boorman, S. A., White, H. C. (1976). Social Structure from Multiple Networks. II. Role Structures. *American Journal of Sociology*, 81 (6), 1384–1446.
11. Emirbayer, M. (1997). Manifesto for a Relational Sociology. *American Journal of Sociology*, 103 (2), 281–317.
12. Hirst, P. (2000). Democracy and Governance. In J. Pierre (Ed.) *Debating Governance*. Oxford: Oxford University Press.
13. Kooiman, J. (1993). *Modern Governance. New Government — Society Interactions*. London: Sage.
14. Kooiman, J. (2003). *Governing as Governance*. London: Sage Publications,
15. Mutzel, S. (2009). Networks as Culturally Constituted Processes: A Comparison of Relational Sociology and Actor-Network Theory. *Current Sociology*, 57 (3), 871–887.
16. Pierre, J. (2000). *Debating Governance*. Oxford: Oxford University Press.
17. Pierre, J., Peters, B. G. (2000). *Governance, Politics and the State*. London: Macmillan Press.
18. Wellman, B. (1983). Network Analysis: Some Basic Principles. *Sociological Theory*, 1, 155–200.

Статья поступила в редакцию 22.07.2017

ECOSYSTEM OF NETWORK PUBLIC ADMINISTRATION: ESTIMATION OF NETWORK ENVIRONMENT REALITY FOR THE INNOVATIVE PRACTICES (ON THE EXAMPLE OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Miroshnichenko I.V., Ryabchenko N.A.

Miroshnichenko Inna Valerievna, Kuban State University, 350040, Krasnodar,
Stavropolskaya st. 149, E-mail: mirinna78@mail.ru

Ryabchenko Natalia Anatolyevna, Kuban State University 350040, Krasnodar,
Stavropolskaya st. 149, E-mail: rrrnatali@mail.ru

In this article, the authors substantiate the concept of an ecosystem of network public administration, which is the result of the political science's understanding of the transformation of the space of public policy and management. The development of the ecosystem of public administration is associated with the introduction and dissemination of innovative management practices, the production of which is related to the state of the network environment. The authors developed an analytical toolkit, which is a system of indicators for assessing the willingness of the network environment to participate in network public administration. Based on this tool, an empirical study was carried out of the readiness of the network environment of the subjects of the Russian Federation for innovative management practices. The results of the study revealed three clusters of subjects of the Russian Federation characterizing the degree of readiness of their network environment to participate in networked public administration of the regions: "network environment as an infrastructure of public space", "network environment as a community of active citizens" and "network environment as an institutional basis of the ecosystem of public administration". The authors came to the conclusion that the network environment in public online space, developing in a quantitative and qualitative format, is a backbone component of the ecosystem of networked public administration. At the same time, the network environment becomes at the same time a source and resource for the development of structural, axiological and technological components of the networked public administration ecosystem in which social and institutional innovations are produced. At the same time, institutional innovation changes are possible with a program approach, when the state creates institutional conditions for civic participation and socio-political reflexivity on problems, goals and methods of development, both on a national scale and at the level of local communities.

Key words: network public management, ecosystem, network environment, indicators of citizens' readiness for innovative practices, subjects of the Russian Federation.

References

1. Boorman, S. A. & White, H. C. (1976). Social Structure from Multiple Networks. II. Role Structures. *American Journal of Sociology*, 81 (6), 1384–1446.
2. Dzholdasbaeva, G. K. (2006). Innovatsiya kak osnovnoy faktor povysheniya effektivnosti proizvodstva [Innovation as Major Factor of Increase in Production Efficiency]. *Tekhnologii korporativnogo upravleniya — iTeam.ru* [Technologies of Corporate Management — iTeam.ru.]. Retrieved from https://iteam.ru/publications/strategy/section_18/article_2933
3. Emirbayer, M. (1997). Manifesto for a Relational Sociology. *American Journal of Sociology*, 103 (2), 281–317.
4. Gadzhiev, G. (2017, February 13). Perspektivy razvitiya Dagestana: osnovnye drayvery ekonomicheskogo rosta [Prospects of Development of Dagestan: Main Drivers of Economic Growth]. *RIA Dagestan* [Republican News Agency of Dagestan]. Retrieved

- from https://www.riadagestan.ru/news/analytics/perspektivy_razvitiya_dagestana_osnovnye_dravvery_ekonomicheskogo_rosta/
5. Hirst, P. (2000). *Democracy and Governance*. In J. Pierre (Ed.) *Debating Governance*. Oxford: Oxford University Press.
 6. Kooiman, J. (1993). *Modern Governance. New Government — Society Interactions*. London: Sage.
 7. Kooiman, J. (2003). *Governing as Governance*. London: Sage Publications,
 8. Kupryashin, G. L. (2015). Publichnoe upravlenie [Public Administration]. In O. V. Gaman-Golutvina (Ed.) *Strukturnye transformatsii i razvitie otechestvennykh shkol politologii* [Structural Transformations and Development of Domestic Schools of Political Science] (p. 201). Moscow: Aspekt-Press Publ.
 9. Miroshnichenko, I. V. & Morozova, E. V. (2017). Setevaya publichnaya politika: kontury predmetnogo polya [Network Public Policy: Outlines of Subject Field]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], (2), 82–102.
 10. Miroshnichenko, I. V. & Ryabchenko, N. A. (2015). Setevye resursy razvitiya lokal'noy politiki [Network Resources of Development of Local Policy]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences], 10 (5), 38–49.
 11. Miroshnichenko, I. V. (2013). *Setevoy landshaft rossiyskoy publichnoy politiki* [Network Landscape of the Russian Public Policy]. Krasnodar: Prosveshchenie-Yug.
 12. Mutzel, S. (2009). Networks as Culturally Constituted Processes: A Comparison of Relational Sociology and Actor-Network Theory. *Current Sociology*, 57 (3), 871–887.
 13. Pierre, J. & Peters, B. G. (2000). *Governance, Politics and the State*. London: Macmillan Press.
 14. Pierre, J. (2000). *Debating Governance*. Oxford: Oxford University Press.
 15. Sayt khakatona “Chak-Chat Khakaton” [Hackathon Website “Chuck-Chat Hackathon”]. (2017). Retrieved from <https://kazan.te-st.ru>
 16. Sayt proekta “V dobrom krae — dobrye dela!” [Website of the Project “In the Kind Region — Good Deeds!”]. (2017). Retrieved from <http://roszemproekt.ru/assets/images/news/2017/3/prezentazia.pdf>
 17. Semenenko, I. S. (2012). “Chelovek politicheskiy” pered al'ternativami obshchestvennykh transformatsiy: opyt pereosmysleniya individual'nogo izmereniya politiki [“The Political Person” Before Alternatives of Public Transformations: Experience of Reconsideration of Individual Measurement of Policy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], (6), 9–26.
 18. Wellman, B. (1983). Network Analysis: Some Basic Principles. *Sociological Theory*, 1, 155–200.

КОНЦЕПЦИЯ «ПРОДВИЖЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

.....

Давыдов А. А.

Давыдов Алексей Андреевич,
Центр североамериканских исследований, Национальный исследовательский
институт мировой экономики и международных отношений
им. Е. М. Примакова РАН, 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23
Эл. почта: adavydov@imemo.ru

В статье рассматривается эволюция концептуальных основ «продвижения демократии» во внешнеполитической доктрине Соединенных Штатов с начала их институционализации. Данное направление является не только средством достижения национальных интересов безопасности, но и инструментом реализации американского лидерства на международной арене. Сегодня новый президент США Дональд Трамп на начальном этапе формирования своей повестки внешней политики пока демонстрирует, что его команда придает «продвижению демократии» минимальное идеологическое значение, что контрастирует с подходами предыдущих администраций.

Основополагающие принципы «продвижения демократии» на протяжении последних трех десятилетий ни разу не пересматривались на официальном уровне. Даже серьезные репутационные издержки, возникшие из-за войны в Ираке, не оказали существенно негативного воздействия на направление. Поэтому при условии сохранения межпартийного консенсуса в пользу «продвижения демократии» остается маловероятным, что позиция текущей администрации сможет серьезно его подорвать на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: демократизация, США, политика продвижения демократии, универсальные ценности, война в Ираке, теория демократического мира.

Политика «продвижения демократии» как официальный сектор внешней политики — относительно новое явление в истории Соединенных Штатов. Исследователи отмечают, что «продвижение» имеет глубокие идеологические корни и берет свое начало в идеях об американской исключительности («град на холме») (Гаджиев, 1990). Хотя сам термин «продвижение демократии» появился не так давно, практика защиты или установления демократических институтов Соединенными Штатами в других странах насчитывает больше столетия (Сох, Ikenberry, Inoguch, 2002). Тем не менее, это направление начало процесс институционализации не больше сорока лет назад и за это время входило во все внешнеполитические доктрины уже пяти президентов США. Сегодня новая администрация Дональда Трампа за первые месяцы своей работы не выразила в той же степени приверженности этой политике, из-за чего вопрос исследования

характерных «продвижению демократии» концептуальных основ становится особенно актуальным. Можно ли утверждать, что «поддержка демократии» за рубежом больше не станет занимать прежнего места во внешней политике США или текущий тренд является скорее краткосрочной тенденцией?

Становление «продвижения демократии» во внешней политике США

Если обратиться к выступлениям американских президентов перед Конгрессом с докладом «О положении в стране» до 1970-х гг., то упоминание в них институтов демократии и вопросов о правах человека чаще всего шло в контексте внутренней политики или в редких случаях относилось к странам, государственные институты которых считались Вашингтоном демократическими. Со второй половины 1970-х гг. и особенно в первой половине 1980-х гг. первые ростки идеи «продвижения демократии» начали оформляться в доктринальных основах внешней политики и находить воплощение на институциональном уровне. В рамках кампании Джими Картера в защиту прав человека в мире президент впервые в своих выступлениях стал делать акцент на стремлении США систематически «поддерживать (за рубежом. — А.Д.) развитие демократии и защищать права человека» (Carter, 1980) и сделать это направление «центральным компонентом нашей (американской. — А.Д.) внешней политики». С приходом в Белый дом демократов в 1977 г. они стремились «повлиять на мировые события в направлении, которое благоприятствовало бы продвижению западных ценностей», а «разоблачение недостатков других стран», прежде всего социалистических и стран «третьего мира» (Баталов, Малашенко, Мельвиль, 1985), и улучшение благоприятного отношения к США за рубежом были одними из методов достижения этой цели (Шейдина, 1984).

Новая роль США как «мирового правозащитника» потребовала реформировать государственные институты. В 1977 г. главный официальный орган внешнеполитической пропаганды Информационное агентство США (ЮСИА) и бюро Госдепа по делам образования и культуры были объединены в Управление международной связи для большей централизации пропагандистской деятельности в рамках одного института (Алпатова, 1978). Тогда же в программах Агентства по международному развитию (АМР) стали уделять больше внимания вопросам прав человека, а в Госдепартаменте было создано бюро по правам человека и гуманитарным вопросам, ежегодно публикующее доклад о состоянии дел с правами человека в странах — реципиентах американской помощи (Smith, 2012). При Картере постепенно создаются первые неправительственные организации, занимающиеся правозащитной деятельностью за рубежом. Одной из таких организаций стала «Хельсинки Вотч» (Helsinki Watch), созданная в 1978 г. и переименованная через десять лет в «Страж прав человека» (Хьюман Райтс Вотч, англ.: «Human Rights Watch»). Сам Джеймс Картер после отставки не оставил правозащитную деятельность, основав в 1982 г. Центр Картера (The Carter Center) со специализацией на

защите прав человека, содействии международному развитию и в дальнейшем на «продвижении демократии».

Правозащитная кампания администрации Картера за рубежом изначально не была нацелена на «продвижение демократии» в мире, но её можно считать прародительницей этого внешнеполитического направления. Она впервые привнесла в национальную стратегию США концепцию защиты прав человека за рубежом, которая впоследствии стала частью расширенного толкования о необходимости поддерживать не только права человека, но и в целом демократические институты и принципы в переходных или авторитарных странах (Carter, 1977).

Доктринальная и институциональная систематизация «продвижения демократии» произошла уже при следующей администрации Белого дома — при президентстве Рональда Рейгана. Новый выработанный внешнеполитический курс поддержки демократических сил за рубежом шел в контексте биполярного противостояния с Советским Союзом, что обусловило подчиненное инструментальное положение «продвижения» во всей внешнеполитической доктрине «сдерживания». Исследователи концепции «продвижения демократии» соотносят начало её развития с речью президента Р. Рейгана перед британским парламентом в середине 1982 г., в которой был обозначен идеологический тренд на поддержку наступления свободы и демократии, которое оставит марксизм-ленинизм на задворках истории. В рамках концепции «продвижения демократии» это означало оказание помощи демократическим силам в авторитарных и тоталитарных режимах, чтобы они не примкнули к «просоветскому лагерю» (Reagan, 1982).

В представлении республиканской администрации страны делились на три группы: первые «стремились развивать демократические институты», вторые «шли под флагом тоталитаризма» и последние относились к «третьему миру» (National Security Strategy, 1987). Представление о советском экспансионизме как об угрозе безопасности США вынуждало Вашингтон проводить ответную политику «сдерживания», состоящую из нескольких элементов, включая *поддержку развития стран третьего мира на пути к демократии*. Из этого проистекал национальный интерес Соединенных Штатов по защите и поддержке демократических институтов и прав человека в мире. Для его отстаивания Вашингтон поддерживал в различных странах силы, стремящиеся к укреплению «национальной независимости и свободных институтов», в том числе и в Советском Союзе.

В качестве главной угрозы для США обозначали установление глобальной гегемонии СССР, а примером инструмента её установления приводилась политика Москвы по поддержке различных групп в «национально-освободительных войнах», благодаря которой Советский Союз «использует в своих интересах внутривнутриполитические проблемы зарубежных стран» для установления просоветских режимов (National Security Strategy, 1987). Хотя прямого сопоставления или противопоставления этой политики «продвижению демократии» в Стратегиях национальной безопасности того периода не делается, в Вашингтоне учитывали

советский опыт по поддержке различных движений в странах для реализации своих интересов при разработке нового внешнеполитического инструмента.

Соединенные Штаты считали себя обязанными быть «светочем демократии» для других стран и проводили прямую связь между уровнем развития экономики и демократическими институтами. «Продвижение американского демократического образа жизни» обосновывалось тем, что только в странах с демократическими институтами уважаются права человека, растет экономическое благополучие и, тем самым, укрепляются международные экономические отношения.

На начало 1980-х гг. внешнеполитический механизм Соединенных Штатов имел существенный недостаток — в нем отсутствовала надлежащая система институтов для реализации задач «продвижения демократии». Уильям Дуглас, профессор Джорджтаунского университета, занимавшийся этой проблемой к тому моменту более десяти лет (Douglas, 1972), отмечал, что соответствующие ведомства существовали для четырех из пяти внешнеполитических направлений: дипломатия, экономическая помощь, частный сектор, вооруженные силы. Однако для осуществления «политической помощи» (political aid, термин введен Дугласом. — А.Д.), например, для укрепления демократии за рубежом не существовало единого ведомства или программы. Усилия по подготовке и финансированию различных политических групп в других странах шли по закрытым каналам как напрямую через государственные ведомства, например, через Центральное разведывательное управление, так и через такие неправительственные организации с преобладающим финансированием из федерального бюджета, как Фонд «Азия» или «Национальная студенческая ассоциация», что делало их репутацию более уязвимой. Еще одним недостатком была низкая степень идеологической солидарности Демократической и Республиканской партий с какими-либо движениями или партиями в мире из-за отсутствия у них широкого кругозора и преобладания прагматичных, а не идеологических интересов (Douglas, Samuels, 1981).

Одним из ключевых факторов дальнейшего развития комплекса «продвижения демократии» стало то, что политический истеблишмент осознавал недостатки от существования этого «пробела» во внешней политике и на базе межпартийного консенсуса предпринял усилия по его устранению. Для выработки практических политических рекомендаций в 1979 г. был основан Американский политический фонд (АПФ, American Political Foundation), финансируемый АМР и объединявший влиятельный пласт американской элиты: представителей государственных ведомств, демократов и республиканцев, профсоюзных организаций, бизнеса и академического сообщества (Robinson, 1996). Под эгидой Фонда для рейгановской администрации была выработана программа развития механизма «политической помощи» под названием «Приверженность демократии: двухпартийный подход» (American Political Foundation, 1983).

Администрация Рональда Рейгана планировала реализацию проекта «продвижения демократии» на долгосрочную перспективу, на ближайшие 20 лет (Малашенко,

1983), и это требовало системных нововведений в структуре исполнительной власти. К тому моменту на этом направлении работал как ряд преимущественно государственных организаций (Государственный департамент, Информационное агентство США, Агентство по международному развитию, Центральное разведывательное управление), так и небольшое число неправительственных (Фонд «Азия» и др.). Тем не менее, существовало два системных недостатка в механизме оказания «политической помощи»: во-первых, на этом направлении межведомственная координация не была на высоком уровне, во-вторых, основное внимание задействованных институтов сосредотачивалось на «технических» аспектах, прежде всего на вопросах социально-экономического развития, не на политических (American Political Foundation, 1983).

Для улучшения «координации по различным аспектам публичной дипломатии» в январе 1983 г. в структуре Совета по национальной безопасности создали специальную группу планирования (СГП), в которую вошли госсекретарь, министр обороны, директор Агентства по международному развитию (АМР), директор Информационного агентства США и помощник президента по связям с прессой, а в подчинении СГП создавались четыре комитета: по международной информации, по международной политике, по международному радиовещанию и по связям с общественностью. Именно комитету по международным делам была поручена ответственность «...за планирование, координацию и реализацию международной политической деятельности в поддержку политики и интересов США, связанных с национальной безопасностью... за наращивание возможностей правительства Соединенных Штатов по продвижению демократии» (Reagan, 1983).

Из директивы, утверждавшей создание СГП, можно вывести определение политики по «продвижению демократии» в понимании республиканской администрации Рейгана. «Продвижением демократии» является «оказание зарубежной помощи, образовательной и организационной поддержки иностранным государствам и неправительственным организациям для поощрения развития политических институтов демократии и практики демократического поведения». Утверждалось, что «это потребует тесной совместной работы на других внешнеполитических направлениях — дипломатическом, экономическом, военном, — а также тесного сотрудничества с такими группами американского общества — профсоюзами, бизнесом, университетами, благотворительными организациями, политическими партиями, прессой, — которые вовлечены или могут быть включены в параллельную работу за рубежом» (Reagan, 1983).

Для усовершенствования политики по оказанию «политической помощи» Белый дом в рамках нового проекта «Демократия» (The Democracy Project) перенял наметившийся при Картере тренд по защите прав человека за рубежом и расширил понимание и практику «поддержки демократии», планируя осуществлять эту инициативу на следующих направлениях: подготовка иностранных политиков

к работе в демократических политических системах; продвижение в зарубежных странах позитивного представления о демократических институтах через систему образования; поддержка демократических институтов в других странах; пропаганда американского образа жизни; развитие сети контактов американских и зарубежных организаций, для укрепления международной поддержки принципов проекта (Баталов, Малашенко, Мельвиль, 1985).

В результате практических политических рекомендаций Американского политического фонда по развитию сектора «продвижения демократии», в основании которых значительную часть составляли идеи У. Дулгласа, существенным нововведением при администрации Р. Рейгана стало создание сети негосударственных институтов, которые формально (юридически) проводили независимую политику «продвижения демократии», но получали финансирование преимущественно от правительства. Так, первым звеном этой «демократической инфраструктуры» стал основанный на базе межпартийного консенсуса в конце 1983 г. Национальный фонд в поддержку демократии (НФД) — National Endowment for Democracy, с выделенным бюджетом в 18 млн. дол. и с советом директоров, в который входили представители Демократического и Республиканского национальных комитетов, Американской федерации труда — Конгресса производственных профсоюзов (АФТ–КПП), Сената и Палаты представителей Конгресса, Торговый представитель США, Говардского университета, Миддлбери-колледжа и международной общественной организации по образовательному обмену «Молодежь за взаимопонимание» (Parry, 2010).

Руководство организации подчеркивало непартийный, долгосрочный, а не конъюнктурный и независимый от правительства характер ее деятельности, и говорило, что миссия Фонда — «поддерживать свободу и демократию по всему миру», что «соотносится с заветными идеалами американского народа универсально и признанными законами международного права», как Заключительный Хельсинский акт и Декларация ООН о правах человека.

Предполагалось направлять программы Фонда на широкий спектр общественной жизни страны-реципиента: от культуры, до политики; от неправительственных «демократических» сил и до целых государственных секторов, в соответствии, как утверждалось, с требованиями реципиента. Сотрудничество в развитии общественных институтов преимущественно отдавалось не государству, а неправительственным организациям, которые разделяли намерения Фонда, и в случае, если это соответствовало национальным интересам США. Подобное представление обосновывало выделение средств из федерального бюджета США на поддержку любых сил за рубежом, которые трактовались Вашингтоном как демократические, поскольку критерии демократичности той или иной политической силы задавались размытые (National Endowment for Democracy, 1984).

НФД объединял вокруг себя институты, получавшие от него финансирование и работавшие по отдельным направлениям. В рамках направления по работе

с профсоюзными коллективами и по вопросам соблюдения трудового законодательства Фонд выделял средства Институту свободных профсоюзов (Free Trade Union Institute), основанному в 1977 г. крупнейшей в США профсоюзной организацией АФТ–КПП. Развитием открытого рынка, расширением связей и сотрудничества с деловыми кругами, созданием независимых организаций частного бизнеса в качестве средства, «способствующего поддержке за рубежом демократического плюрализма», занимался Центр международного частного предпринимательства (Center for International Private Enterprise), основанный в 1983 г. и связанный с Торговой палатой США. Тогда же при Демократической и Республиканской партиях для поддержки зарубежных политических движений и организаций, которые выражали стремление к развитию демократии, создали два института: Национальный демократический институт по международным делам (НДИ) — National Democratic Institute for International Affairs, и Национальный республиканский институт по международным делам — National Republican Institute for International Affairs, впоследствии переименованный в Международный республиканский институт (МРИ). Позже, в 1987 г. был создан Международный фонд избирательных систем (The International Foundation for Electoral Systems), специализирующийся на помощи в проведении выборов.

Администрация Р. Рейгана провела реформы и в государственном секторе. При Государственном департаменте в структуре АМР в 1984 г. было создано Бюро демократических инициатив (Office of Democratic Initiatives), которое занималось проектами по укреплению демократии (Democracy Enhancement Project) посредством финансирования судебных реформ, работы избирательных комиссий и подготовки законодателей в различных парламентах (USAID, 1992). Особое внимание Белый дом уделял политике информационного вещания и утвердил увеличение бюджета ЮСИА с 550 млн. дол. в 1981 г. примерно до 1 млрд. дол. в 1987 г. для повышения эффективности воздействия на целевые зарубежные аудитории и элиты (USGAO, 1996).

Таким образом, в 1980-е гг. систематизировалась работа внешнеполитического сектора продвижения демократии, включавшего как официальные ведомства, так и специально созданные неправительственные организации. Последние играли особую роль в этом секторе, поскольку их формально независимый статус, хоть и с широкой долей государственного участия и влияния, позволял бо́льшую гибкость в осуществлении политики так называемой политической помощи. Во-первых, по отношению к неправительственным организациям у ведомств с полномочиями осуществления государственного надзора, включая, например, Конгресс, меньше полномочий по его осуществлению, чем по отношению к правительственным институтам. Во-вторых, возможность НПО оперативно выполнять свои задачи выше, чем у государственных ведомств из-за низкого уровня бюрократических преград. В-третьих, формальная независимость НПО расширяла возможности сотрудничества с иностранными организациями, не желавшими напрямую аффилироваться с правительством США.

Важно отметить, что формирование этого сектора происходило с самого начала на основе межпартийного консенсуса демократов и республиканцев еще с момента создания Американского политического фонда, что позволило за короткие сроки создать новый внешнеполитический инструмент на службу интересам обеих политических сил, профсоюзов и бизнеса.

Выделение «продвижения демократии» в отдельное внешнеполитическое направление

Принципиальные изменения в доктринальных основах «продвижения демократии» произошли на рубеже 1980–1990-х гг. Джордж Буш также исходил из представления, что чем больше в мире будет стран с демократической формой правления, тем более благоприятными будут условия для развития американской демократии, что обосновывало внешнеполитический интерес Соединенных Штатов по «поощрению политической свободы, прав человека и демократических институтов». СССР до 1991 г. рассматривался в контексте глобального противоборства. Но в представлении новой республиканской администрации Москва и её союзники из социалистического лагеря переживали системный внутренний кризис. В контексте происходивших перемен необходимо было вместо сдерживания интенсивнее способствовать интеграции Советского Союза в международную систему и проведению в нем демократических реформ, так как считалось, что «демократия — лучшая гарантия неотвратимости изменений» (National Security Strategy, 1990).

В Белом доме стали видеть реальную возможность сформировать под своим лидерством новый мировой порядок по американским правилам и ценностям, и политика продвижения демократии как средство достижения этой цели перешла с уровня противостояния распространению авторитаризма за рубежом и влияния Москвы (преимущественно в странах третьего мира) на уровень изживания авторитарных тенденций в самом СССР.

Развал Советского Союза повлек за собой изменения качественного состояния политики «продвижения демократии»: если до конца 1980-х гг. она шла в контексте противостояния распространению советского влияния в мире, т.е. во многом была в подчиненном положении, то с началом 1990-х гг. продвижение демократии выделилось в отдельное внешнеполитическое направление.

Провозглашенная победа в «холодной войне», прекращение биполярного противостояния, крах коммунистической идеологии виделись в Вашингтоне в значительной части следствием американского лидерства в мире, укрепления силы в политической, экономической, военной и моральной сферах и политики сдерживания. Убежденность в наличии этой причинно-следственной связи укрепляло уверенность в возможности построения демократического мира.

В Совете национальной безопасности Дж. Буша политика «продвижения демократии» не преследовала альтруистические цели, а была направлена на

реализацию национального интереса *по обеспечению своей безопасности* в качестве свободной и независимой страны, своих фундаментальных ценностей, институтов и людей. США стремились к построению мира с демократическими политическими системами, поскольку, как считалось, ответственные перед своим народом представительные правительства в меньшей степени склонны проявлять агрессию в отношении своих соседей. В этом контексте расширение упоминаемой в документе зоны мира являлось синонимом зоны безопасности. Важно, что стремление к укреплению «глобальной веры в Америку» в качестве мирового лидера, чтобы бороться с мировыми кризисами, сопровождается оговорками, что действия в этом направлении не должны идти вразрез национальным интересам.

Качественно изменённые при администрации Дж. Буша доктринальные основы «продвижения демократии» были переняты и расширены новой демократической командой Белого дома, при которой резко ускорился процесс реформирования этого направления в соответствии с понимаемыми задачами нового времени.

На доктринальном уровне политика «продвижения демократии» продолжала занимать центральное место во внешней политике администрации Уильяма (Билла) Клинтона для отстаивания и укрепления лидерских позиций США в мире на фоне, в понимании Белого дома, «глобальной демократической революции» (Clinton, 1993). Отсутствие главной внешней угрозы в лице Советского Союза требовало взамен доктрины сдерживания выработать новую — так, во второй половине 1993 г. была разработана доктрина «Вовлечение и расширение», основные положения которой были впервые представлены в сентябре того же года в речи Энтони Лейка, советника по национальной безопасности и главного её разработчика, в университете Джона Хопкинса, а также в речи Клинтона перед Генеральной ассамблеей ООН, и на которых впоследствии основывалась Стратегия национальной безопасности демократической администрации.

Стратегия не разделяла идею долга или обязанности Соединенных Штатов продвигать демократию и права человека во всем мире, быть мировым полицейским, напротив, была направлена на осуществление глобального лидерства США и на реализацию в первую очередь национальных интересов. Концепция демократического расширения исходила из верности трех постулатов: во-первых, из теории демократического мира, согласно которой страны с демократическими институтами менее склонны воевать друг с другом; во-вторых, из универсальности американских и общечеловеческих ценностей; в-третьих, из идей С. Хантингтона о «третьей волне демократизации», согласно которой в последние годы «холодной войны» в мире начался новый цикл возрастания числа демократических стран, что создало, по словам Э. Лейка, уникальную возможность для Соединенных Штатов по расширению своего влияния. К слову, хотя официально администрация У. Клинтона не разделяла идеи Ф. Фукуямы о «конце истории» и С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций», в Белом

доме придерживались оптимистического видения Ф. Фукуямы о будущей лидирующей роли либерализма в мире (Christopher, 1996).

«Продвижение демократии» было одной из трех первоочередных целей (наряду с укреплением безопасности и национального благополучия) политики США. Расширение мирового свободного сообщества рыночных демократий способствовало реализации американских интересов по укреплению безопасности, повышению экономического благополучия и влияния в различных сферах на мировой арене (National Security Strategy, 1994). Отмечалось, что прочная жизнеспособная демократия включает в себя политическое инакомыслие, свободу вероисповедания, независимые СМИ, информирующие граждан, верховенство закона, гражданское общество, открытую конкурентную экономику, защиту прав меньшинств от тирании большинства, женщин и рабочих, а также механизмы гражданского контроля над военными (National Security Strategy, 2000; Lake, 1993; Clinton, 1993).

В концепции представлялась категоризация стран на группы, отчасти схожая с делением мира периода биполярности, на «свободный демократический», «социалистический тоталитарный» и «третий» миры, но под другими названиями. С первым кругом стран, «основными рыночными демократиями», в число которых входили союзники США, планировалось прежде всего укреплять взаимные экономические и военно-политические связи посредством таких организаций, как ГАТТ, НАФТА, ФТАА и НАТО. Расширение второго круга — «новых демократий и рыночных экономик», предполагалось стимулировать в тех регионах, где воздействие США могло быть наиболее эффективным и выгодным и где того требовали интересы безопасности, посредством взаимодействия и с государственными, и с неправительственными субъектами (делались попытки включения восточноевропейских государств в программу НАТО «Партнерство ради мира») (Carothers, 1995).

Чтобы минимизировать негативное влияние на второй круг, необходимо было «противодействовать агрессивной политике» третьей группы государств — так называемых государств-изгоев — ««backlash» states» (Lake, 1994), например, Ирака и Ирана, путем их дипломатической, военной, экономической и технологической изоляции, и поддерживая «либерализацию стран, настроенных враждебно к демократии», посредством открытия их экономик, что должно было повлечь расширение среднего класса, свободное распространение информации, а в дальнейшем — либерализацию политического режима.

В 1990-е гг. установился тренд на повышение финансирования программ по «продвижению демократии», в результате которого их бюджет увеличился в разы (рис. 1). Последовали и реформы внешнеполитического комплекса «продвижения демократии». Расширились полномочия Государственного департамента: на бюро по правам человека и гуманитарным вопросам были возложены новые функции, и в 1993 г. оно было переименовано в бюро по вопросам демократии,

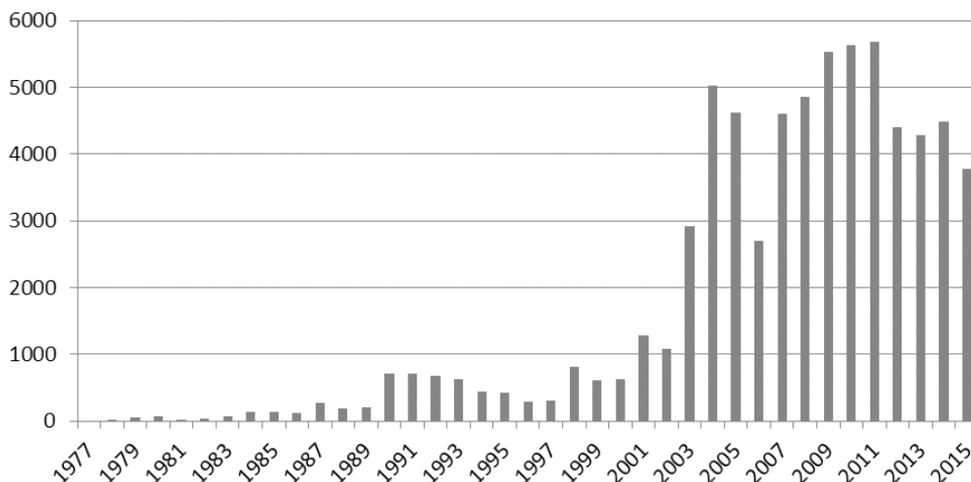

Рис. 1. Официальный объем финансирования США «продвижения демократии» 1977–2015 гг. (млн. дол.).

Источник: ОЭСР. <http://stats.oecd.org/qwids/>. Категория зарубежной помощи: 'Government & Civil Society, Total (150)'

прав человека и труда, а в 1998 г. в ведении департамента был создан Фонд в поддержку прав человека и демократии.

Для улучшения совместной координации информационной политики за рубежом, проведения информационных кампаний в соответствии с национальными интересами, поддержки демократических ценностей и институтов администрация У. Клинтона создала Центральную межведомственную группу по вопросам международной государственной информации (Interagency International Public Information Core Group), состоящую из представителей Госдепа, Пентагона, АМР, Объединенного комитета начальников штабов, ЮСАИ, СНБ, Национального совета по разведке (Clinton, 1999). В 1999 г. было расформировано Информационное агентство США, треть деятельности которого было связано с «продвижением демократии» (USGAO, 1994), в результате чего часть его функций (в основном связанные с программами обмена, образовательными стипендиями, представлением официальной позиции США) передавалась Госдепу, а полномочия по теле-радиовещанию (например, «Голос Америки», Радио «Свобода») были переданы независимому правительственному агентству «Совет управляющих по вопросам вещания» (Broadcasting Board of Governors). Эти изменения привели также к смене основного спонсора НФД: теперь вместо Информационного агентства им стал Госдепартамент (National Endowment for Democracy, 2000).

К политике «продвижения демократии» было подключено и Агентство США по международному развитию (АМР). С началом 1990-х гг. в программных

документах АМР стал подчеркиваться руководящий принцип развития демократических институтов в мире (USAID, 1990). В рамках начатой программы «Демократическая инициатива» в программы Агентства стали включать тематику демократии «как легитимного организационного принципа политических систем во всем мире» (USAID, 1990a). В структуре АМР было создано новое Управление по переходным инициативам (Office of Transition Initiative), а на базе Бюро демократических инициатив Госдепа основали Центр демократии и управления (Center for Democracy and Governance).

Расширить полномочия по «продвижению демократии» хотели даже в Министерстве обороны, но попытка администрации создать в ведомстве Управление помощника министра обороны по делам демократии и миротворчества (Assistant Secretary of Defense for Democracy and Peacekeeping) была пресечена Конгрессом (USGAO, 1994).

В 1990-е гг. значительно расширилась сеть неправительственного сектора «продвижения». Так, НФД, несмотря на пережитый определенный кризис в 1994 г. (Carothers, 1994), создал вокруг себя широкую сеть представителей как экспертного сообщества, вовлеченного в исследование вопросов «продвижения демократии», так и некоммерческих организаций. Под эгидой Фонда координировались исследования, научный обмен, выделение стипендий и грантов, организация конференций, семинаров. С 1990 г. Фонд стал финансировать издание журнала «Журнал о демократии» (Journal of Democracy), а в 1994 г. был основан Международный форум по вопросам демократических исследований (International Forum for Democratic Studies).

Численность других неправительственных институтов «продвижения демократии» значительно возросла. В 1993 г. создаются Фонд «Евразия» (The Eurasia Foundation), большая часть средств которого поступало из Агентства по международному развитию для продвижения демократии, развития гражданского общества и рыночной экономики в странах Содружества независимых государств (СНГ), и основывается Джорджем Соросом Фонд «Открытое общество» (The Open Society Foundations), целью которого было проведение исследований и консультации совместно со специалистами по вопросам гражданского общества и сторонников продвижения демократических реформ на национальном, региональном и глобальном уровнях. Множество ранее созданных НПО стали брать на себя ранее несвойственные им функции «продвижения демократии». Так, например, в программах Института Африки–Америки (Africa-American Institute), основанного в 1953 г., Фонда «Азия» (The Asia Foundation, 1954), Центра Картера (The Carter Center, 1982).

Таким образом, к началу XXI века политика Соединенных Штатов по «продвижению демократии» приобрела определенное оформление в доктринальных основах внешней политики и развила широкую систему вовлеченных в него институтов.

За два десятилетия это направление приобрело качественно новый статус во внешней политике США. «Продвижение» стало центральным звеном внешнеполитической доктрины США, приобрело статус политики безопасности, увеличило полномочия и финансирование, прежде всего, государственных институтов и расширило число участников среди неправительственных организаций.

«Продвижение демократии» в начале XXI века

Начало XXI в. можно, пожалуй, назвать самым ярким периодом истории политики Соединенных Штатов по «продвижению демократии». За время своего существования это направление состоялось как отдельный внешнеполитический комплекс, включающий учреждения для подготовки кадров, экспертные и научные школы, вырабатывающие политические рекомендации, разрабатывающие технологии продвижения, создающих теоретический фундамент этого направления, из государственных институтов и международные сети неправительственных организаций широкого спектра специализации. Тем не менее, хотя главные принципы «продвижения демократии» не менялись, место концепции сильно трансформировалось во внешнеполитической доктрине последних трех президентов. Если при Дж. Буше-мл. это направление имело центральный, отчасти даже мессианский характер в политике США, а при Б. Обаме — вновь стало важным, но уже не главным, то за первые месяцы работы администрации Д. Трампа «продвижению демократии» как части внешней политики уделяется наименьшее внимание за последние 40 лет.

В период работы администрации Дж. Буша-мл. концепция «продвижения демократии» заняла доминирующее место во внешнеполитической доктрине США. Хотя она сохранила систему взглядов, при республиканцах эта концепция приобрела, пожалуй, самые альтруистические мессианские мотивы и была дополнена рядом несвойственных для нее взглядов.

В Белом доме на тот момент было распространено представление о возникшем «моменте однополярности» с доминированием США в мире, который предоставлял уникальную возможность для установления благоприятной для Вашингтона системы международных институтов на долгосрочную перспективу (Krauthammer, 1990/1991). В отличие от периода У. Клинтона, при Дж. Буше-мл. США вновь видели за собой ответственность по оказанию помощи каждой стране, разделяющей универсальные ценности демократии и свободного рынка, свойственные «единственной устойчивой модели национального успеха», поскольку это было обусловлено интересами безопасности (Krauthammer, 2002/2003; Bush, 2005).

Республиканская администрация продолжила традицию предшественников по категоризации стран на группы, однако на этот раз деление имело меньше полутонов: мир делился на страны, стремившиеся к свободе и построению демократии, и страны, приверженные авторитаризму и диктатуре, в ядре последних

были страны из так называемой оси зла (Иран, Ирак, Сирия, Ливия, КНДР, Куба), которых Белый дом обвинял в финансировании терроризма, разработке оружия массового уничтожения (Bolton, 2002; National Security Strategy, 2004; 2006).

Решающую роль в становлении «Повестки свободы» (Freedom Agenda) в качестве стержня внешней политики США при Дж. Буше-мл. сыграла объявленная после событий 11 сентября 2001 г. война против международного терроризма. В качестве целей этой войны Белый дом обозначил борьбу не только с данной угрозой, но и с условиями её возникновения, которыми администрация считала тиранию и тоталитарные режимы (National Security Strategy, 2002). Вследствие этого к традиционным экономическим, образовательным и информационным аспектам «продвижения демократии» добавилось не свойственное ему военное направление: администрация на идейном уровне придала этому направлению не характерные ему функции и свойства. Во-первых, «продвижение демократии» стало считаться главным методом борьбы с терроризмом, поскольку предполагалось, что демократические институты стимулировали снижение радикального экстремизма в обществе, тем самым подрывая террористическую идеологию (National Security Strategy, 2006). Во-вторых, «продвижение демократии» считалось лучшим средством предотвращения и разрешения конфликтов в долгосрочной перспективе, так как разногласия в демократических политических системах разрешались мирным путем (National Security Strategy, 2006). В-третьих, убежденность в универсальности ценностей создавало представление, что демократические институты устанавливаются естественным путем, если нет сдерживающего фактора в лице диктаторского режима, поэтому использование военной силы для свержения подобных режимов оправдывалось мотивами «продвижения демократии» (Jervis, 2003). Наконец, в-четвертых, представлялось, что установление демократических институтов в государствах, соседствующих с авторитарными режимами, способно запустить в них волну реформ для построения таких институтов, что являлось частью теории «демократического домино» (Bush, 2003).

Обозначенный подход внешней политики и система представлений, основанных на эмпирически неподтвержденных взглядах, *оправдывал военные методы «продвижения демократии» путем вторжения в суверенные государства для смены их политических режимов.* Практический опыт её реализации в Ираке (Давыдов, 2017) привел к существенным репутационным издержкам всего направления «продвижения», которое в широких кругах стало ассоциироваться с политикой свержения режимов.

Подобный удар вынудил пришедшую после выборов новую команду Белого дома в первое время даже отказаться от характерной этому направлению риторики, что резко контрастировало с мессианским либеральным интернационализмом предшественников. Однако вскоре демократическая администрация Б. Обамы начала постепенно формулировать своё видение места «продвижения

демократии» во внешней политике: президент вновь стал обозначать приверженность Соединенных Штатов защищать универсальные ценности прав человека, признавая, что «никакая система правления не может и не должна быть навязана одной нацией другой» (Obama, 2009).

При президентстве Б. Обамы «продвижение» стало вновь отдельным направлением внешней политики, занимая одно из главных, но не доминирующее положение ни на доктринальном, ни на практическом уровнях. Администрация обосновывала стремление «продвигать демократию» интересом «защищать универсальные ценности», который стоял наравне с интересами безопасности, благополучия и поддержания международного порядка под лидерством США.

В своих фундаментальных положениях «продвижение» при Б. Обаме не изменилось — оно по-прежнему нацеливалось на формирование безопасной и стабильной окружающей США среды, (National Security Strategy, 2010). Однако, чтобы отойти от обвинений в политике поддержки насильственных переворотов, особый акцент стал делаться на силе собственного примера как на способе поддержания морального лидерства для «поддержки демократии» в мире, чего не наблюдалось при других президентах (Monten, 2005; National Security Strategy, 2015). В отличие от предшественников, команда Б. Обамы не ограничивалась лишь поддержкой выборов, формированием политических организаций и укреплением работы институтов — она включала больше работы по оказанию помощи развитию и формированию гражданского общества (Bouchet, 2013). Еще одним отличием от других президентов, предпочитавших проводить политику «продвижения» в одностороннем порядке, новая администрация подчеркивала необходимость развивать программы «поддержки демократии» в рамках международных организаций и форумов, таких как ООН, «Группы 20-ти», ОЭСР, а также призывала укреплять коалицию стран, приверженных универсальным ценностям (Carothers, 2012; National Security Strategy, 2010).

С избранием нового президента Соединенных Штатов Д. Трампа в первые месяцы работы администрации стал проследиваться определенный отход от характерной для «продвижения демократии» риторики. В частности, госсекретарь Рекс Тиллерсон вопреки традиции не стал представлять ежегодный доклад Государственного департамента по правам человека в мире, а сам президент в ходе своего первого зарубежного визита выразил большую склонность к позициям политического реализма (Давыдов, 2017а).

Пока преждевременно утверждать, что этот отход сохранится на среднесрочную перспективу, а в некоторых аспектах даже на краткосрочную. Во-первых, как и прежде в основе «продвижения демократии» продолжает лежать межпартийный консенсус (Carothers, 2017). И хотя сегодня отношения между демократами и республиканцами находятся в крайне напряженном состоянии, среди них существует значительное число групп, заинтересованных в сохранении комплекса «продвижения», включающего большую трансграничную инфраструктуру институтов и сеть неправительственных организаций. К тому же по-

литика «продвижения демократии» является значительной частью реализации американского лидерства на мировой арене, поэтому ожидать полного отказа истеблишмента от этого направления в среднесрочной перспективе не следует. А во-вторых, отдельные проявления практической реализации этой политики и использование свойственной «продвижению» риторики Вашингтоном видны уже сейчас в отношении Кубы, Венесуэлы, России и ряда других стран.

* * *

Политика США по «продвижению демократию» в мире с момента своей институционализации утвердилась в качестве одного из самых важных внешнеполитических направлений. Вне зависимости от партийной принадлежности той или иной администрации Белого дома, «продвижение» стабильно находило поддержку в течение этого периода со стороны всех президентов, начиная с Рональда Рейгана, заканчивая Бараком Обамой, и даже со стороны ключевых представителей администрации Дональда Трампа. За три десятилетия концепция «продвижения демократии» сохранила практически неизменными свои теоретические основы, лишь меняя свое место в доктринах внешней политики США и расширяя поле деятельности. С начала 1980-х гг. каждая администрация включала в свои программы идеи универсальности общечеловеческих ценностей, теории демократического мира, взаимосвязи роста благосостояния общества и демократичностью его политической системы. «Продвижение» всегда было частью осуществления политики безопасности и реализации американского лидерства на мировой арене, а также было методом расширения зоны так называемого «свободного мира».

В то же время концепция «продвижения демократии» является только идеологически доктринальной частью этого внешнеполитического направления. Сохраняемая приверженность политического истеблишмента его основным положениям скорее свидетельствует о доминировании не идеологического начала, а прагматичного интереса, который не смогла переломить и волна резкой критики, последовавшая после начала иракской войны. Определенный «прагматический идеализм» проявляется и в сотрудничестве с недемократичными странами (например, с Саудовской Аравией, Пакистаном), и в не инклюзивных подходах формирования демократических институтов (например, в политической системе Ирака), и в многочисленных случаях прямого или опосредованного воздействия на внутривнутриполитические процессы других стран в рамках своих интересов. Подобные практики представляют особый интерес не только с точки зрения заблаговременного выявления угроз для национальной безопасности, но и как инструмент, требующий относительно небольших финансовых затрат, позволяющий государствам невоенными методами проектировать своё влияние. В этой связи практические аспекты реализации программ «продвижения» в различных регионах мира и выявление их качественных характеристик представляется важным перспективным полем дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Алпатов, И. В. (1978). Реорганизация информационно-пропагандистской службы США. *США: экономика, политика, идеология*, (1), 64–69.
2. Баталов, Э. Я., Малашенко, И. Е., Мельвиль, А. Ю. (1985). *Идеологическая стратегия США на мировой арене*. Москва: Международные отношения.
3. Гаджиев, К. С. (1990). *Американская нация: национальное самосознание и культура*. Москва.
4. Давыдов, А. А. (2017). Дезинтеграционная демократизация? Роль «продвижения демократии» в процессе дезинтеграции Ирака. *Вестник Пермского университета. Серия «Политология»*, (1), 73–86.
5. Давыдов, А. А. (2017, Май 24). «Принципиальный реализм» Трампа на Ближнем Востоке. *Российский совет по международным делам*. Режим доступа <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/printsipialnyy-realizm-trampa-na-blizhnem-vostokey/>
6. Малашенко, И. Е. (1983). Проект «Демократия», его цели и подоплека. *США: экономика, политика, идеология*, (7), 55–61.
7. Шейдина И.Л. (1984). *Невоенные факторы силы во внешней политике США*. Москва.
8. American Political Foundation. (1983). *The Commitment to Democracy: A Bipartisan Approach*. Retrieved from <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un-dpadm/unpan041605.pdf>
9. Bolton, J. R. (2002). Beyond the Axis of Evil: Additional Threats from Weapons of Mass Destruction. *The Heritage Foundation*. Retrieved from <http://www.heritage.org/defense/report/beyond-the-axis-evil-additional-threats-weapons-mass-destruction-0>
10. Bouchet, N. (2013, January). The Democracy Tradition in US Foreign Policy and the Obama Presidency. *International Affairs*, 89 (1), 31–51.
11. Bush, G. W. (2002). *Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union*. Retrieved from <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=29644>
12. Bush, G. W. (2003). *Remarks to the National Endowment for Democracy at the United States Chamber of Commerce*. Retrieved from <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/11/20031106-2.html>
13. Bush, G.W. (2003, February 27). *Speech to the American Enterprise Institute. The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/world/2003/feb/27/usa.iraq2>
14. Bush, G. W. (2005). *Inaugural address*. Retrieved from <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=25853>
15. Carothers, T. (1994, Summer). The NED at 10. *Foreign Policy*, 95, 123–138.
16. Carothers, T. (1995). Democracy promotion under Clinton. *The Washington Quarterly*, 18 (4), 13–25. doi:10.1080/01636609509550168
17. Carothers, T. (2012). Democracy Policy Under Obama. Revitalization or Retreat? *Carnegie Endowment for International Peace*. Retrieved from http://carnegieendowment.org/files/democracy_under_obama.pdf
18. Carothers, T. (2017, January 5). Prospects for U. S. Democracy Promotion Under Trump. *Carnegie Endowment for International Peace*. Retrieved from <http://carnegieendowment.org/2017/01/05/prospects-for-u.s.-democracy-promotion-under-trump-pub-66588>
19. Carter, J. (1977). *Presidential Directive № 18*. Retrieved from <https://fas.org/irp/offdocs/pd/pd18.pdf>

20. Carter, J. (1980). *The State of the Union Address Delivered Before a Joint Session of the Congress*. Retrieved from <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=33079>
21. Christopher, W. (1996). Leadership for the Next American Century. *U. S. Department of State Dispatch Magazine*, 7 (4), 9.
22. Clinton, W. (1993). *Address Before a Joint Session of Congress on Administration Goals*. Retrieved from <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=47232>
23. Clinton, W. (1993). *Remarks to the 48th Session of the United Nations General Assembly*. Retrieved from <https://2009-2017.state.gov/p/io/potusunga/207375.htm>
24. Clinton, W. (1999). *Presidential Directive № 68*. Retrieved from <https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/49440>
25. Cox, M., Ikenberry, G. J., Inoguch, T. (2002). *American democracy promotion: impulses, strategies, and impacts*. Oxford.
26. Douglas, W. (1972). *Developing Democracy*. Washington: Heldref.
27. Douglas, W., Samuels, M. (1981). Promoting Democracy. *The Washington Quarterly*, 4 (3), 52–65.
28. Jervis, R. (2003). Understanding the Bush Doctrine. *Political Science Quarterly*, 118 (3), 365–388.
29. Krauthammer, C. (1990/1991). The Unipolar Moment. *Foreign Affairs*, 70 (1), 23–33.
30. Krauthammer, C. (2002/2003, Winter). The Unipolar Moment Revisited. *National Interest*, 70, 5–17.
31. Lake, A. (1993). *From Containment to Enlargement*. Retrieved from <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/lakedoc.html>
32. Lake, A. (1994, March/April). Confronting Backlash States. *Foreign Affairs*, 73 (2), 45–55. doi:10.2307/20045918
33. Monten, J. (2005, Spring). The Roots of the Bush Doctrine: Power, Nationalism, and Democracy Promotion in U. S. Strategy. *International Security*, 29 (4), 112–156.
34. National Endowment for Democracy. (1984). *Annual Report*, 8–10.
35. National Endowment for Democracy. (2000). *Annual Report*, 78.
36. Obama, B. (2009). *A New Beginning, Remarks in Cairo*. Retrieved from <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09>
37. Obama, B. (2009). *Remarks to the United Nations General Assembly in New York City*. Retrieved from <http://www.nytimes.com/2009/09/24/us/politics/24prexy.text.html>
38. Parry, R. (2010, March 8). *How Reagan's Propaganda Succeeded Consortiumnews.com*. Retrieved from <https://consortiumnews.com/tag/ronald-reagan/page/5/?print=print-search>
39. Reagan, R. (1982). *Address to Members of the British Parliament*. Retrieved from <https://reaganlibrary.archives.gov/archives/speeches/1982/60882a.htm>
40. Reagan, R. (1983). *National Security Decision Directive № 77*. Retrieved from <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-077.htm>
41. Robinson, W. (1996). *Promoting Polyarchy Globalization, US Intervention, and Hegemony*. Cambridge.
42. Smith, T. (2012). *America's Mission: The United States and the Worldwide Struggle for Democracy in the Twentieth Century*. Princeton.

43. The White House. (1987). *National Security Strategy*. Retrieved from <http://nssarchive.us/NSSR/1987.pdf>
44. The White House. (1990). *National Security Strategy*. Retrieved from <http://nssarchive.us/NSSR/1990.pdf>
45. The White House. (1994). *National Security Strategy*. Retrieved from <http://nssarchive.us/NSSR/1994.pdf>
46. The White House. (2000). *National Security Strategy*. Retrieved from <http://nssarchive.us/NSSR/2000.pdf>
47. The White House. (2002). *National Security Strategy*. Retrieved from <http://nssarchive.us/NSSR/2002.pdf>
48. The White House. (2006). *National Security Strategy*. Retrieved from <http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf>
49. The White House. (2010). *National Security Strategy*. Retrieved from <http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf>
50. The White House. (2015). *National Security Strategy*. Retrieved from <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf>
51. U.S. Agency for International Development. (1990). *Mission Statement*. Retrieved from http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PDACI463.pdf
52. U.S. Agency for International Development (1990). *The Democracy Initiative*. Retrieved from http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/pdacq141.pdf
53. U.S. Agency for International Development. (1991). *Democracy and Governance*. Retrieved from http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PNABL224.pdf
54. U.S. Agency for International Development. (1992). *FY1991 and FY1992 democratic initiatives and human rights program summary*. Washington. Retrieved from <https://dec.usaid.gov/dec/content/Detail.aspx?ctID=ODVhZjk4NWQtM2YyMi00YjRmLTkxNjktZTcxMjM2NDBmY2Uy&rID=MjMxNDM5>
55. U.S. Government Accountability Office. (1994). *Promoting Democracy. Foreign Affairs and Defense Agencies Funds and Activities –1991 to 1993*. Retrieved from <http://www.gao.gov/assets/220/218966.pdf>
56. U.S. Government Accountability Office. (1996). *U. S. Information Agency: Options for Addressing Possible Budget Reductions*. Retrieved from <http://www.gao.gov/assets/160/155584.pdf>

Статья поступила в редакцию 24.06.2017.

.....

THE U.S. FOREIGN POLICY CONCEPT OF DEMOCRACY PROMOTION

Davydov A. A.

Davydov Alexey Andreevich, Center for North American Studies,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, 117997, Russia, Moscow, Profsojuznaja Str., 23
E-mail: adavydov@imemo.ru

The article studies the evolution of the conceptual foundations of democracy promotion in the American foreign policy doctrine from the creation of the institutions of democracy promotion. This trend is not only a means of securing national security interests, but also

an instrument for the realization of U.S. leadership in the international arena. Today the new U.S. President Donald Trump, at the initial stage of shaping his foreign policy agenda, demonstrates that his team attaches minimal importance to the promotion of democracy, which differs from the approaches of previous administrations.

The fundamental principles of promoting democracy have not been reviewed at an official level over the past three decades. Even serious reputational costs entailed by the war in Iraq did not have a significant negative impact on this course. Therefore, if the bipartisan consensus maintains in favor of promoting democracy, it is unlikely that the position of the current administration will seriously undermine this policy for the long term.

Key words: democratization, u.s. foreign policy, democracy promotion policy, universal values, Iraq war, democratic peace theory.

References

1. Alpatova, I. V. (1978). Reorganizaciya informacionno propagandistskoj sluzhby [Reorganization of the U.S. Information and Propaganda Services]. *SSHA: Ehkonomika Politika Ideologiya* [USA: Economics, Politics, Ideology], (1), 64–69.
2. American Political Foundation. (1983). *The Commitment to Democracy: A Bipartisan Approach*. Retrieved from <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/unpdadm/unpan041605.pdf>
3. Batalov, E. Ya., Malashenko, I. E. & Melvil, A. Yu. (1985). *Ideologicheskaya strategiya ssha na mirovoj arene* [The U.S. Ideological Strategy in the World]. Moscow.
4. Bolton, J. R. (2002). Beyond the Axis of Evil: Additional Threats from Weapons of Mass Destruction. *The Heritage Foundation*. Retrieved from <http://www.heritage.org/defense/report/beyond-the-axis-evil-additional-threats-weapons-mass-destruction-0>
5. Bouchet, N. (2013, January). The Democracy Tradition in US Foreign Policy and the Obama Presidency. *International Affairs*, 89 (1), 31–51.
6. Bush, G. W. (2002). *Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union*. Retrieved from <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=29644>
7. Bush, G. W. (2003). *Remarks to the National Endowment for Democracy at the United States Chamber of Commerce*. Retrieved from <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/11/20031106-2.html>
8. Bush, G. W. (2005). *Inaugural address*. Retrieved from <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=25853>
9. Bush, G.W. (2003, February 27). Speech to the American Enterprise Institute. *The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/world/2003/feb/27/usa.iraq2>
10. Carothers, T. (1994, Summer). The NED at 10. *Foreign Policy*, 95, 123–138.
11. Carothers, T. (1995). Democracy promotion under Clinton. *The Washington Quarterly*, 18 (4), 13–25. doi:10.1080/01636609509550168
12. Carothers, T. (2012). Democracy Policy Under Obama. Revitalization or Retreat? *Carnegie Endowment for International Peace*. Retrieved from http://carnegieendowment.org/files/democracy_under_obama.pdf
13. Carothers, T. (2017, January 5). Prospects for U.S. Democracy Promotion Under Trump. *Carnegie Endowment for International Peace*. Retrieved from <http://carnegieendowment.org/2017/01/05/prospects-for-u.s.-democracy-promotion-under-trump-pub-66588>
14. Carter, J. (1977). *Presidential Directive № 18*. Retrieved from <https://fas.org/irp/offdocs/pd/pd18.pdf>

15. Carter, J. (1980). *The State of the Union Address Delivered Before a Joint Session of the Congress*. Retrieved from <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=33079>
16. Christopher, W. (1996). Leadership for the Next American Century. *U. S. Department of State Dispatch Magazine*, 7 (4), 9.
17. Clinton, W. (1993). *Address Before a Joint Session of Congress on Administration Goals*. Retrieved from <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=47232>
18. Clinton, W. (1993). *Remarks to the 48th Session of the United Nations General Assembly*. Retrieved from <https://2009-2017.state.gov/p/io/potusunga/207375.htm>
19. Clinton, W. (1999). *Presidential Directive № 68*. Retrieved from <https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/49440>
20. Cox, M., Ikenberry, G. J. & Inoguch, T. (2002). *American democracy promotion: impulses, strategies, and impacts*. Oxford.
21. Davydov, A. A. (2017). Dezintegracionnaya demokratizaciya rol prodvizheniya demokratii v processe dezintegracii Iraka [Has Democratization Disintegrated Iraq? The Role of Promoting Democracy in the Process of Iraq's Disintegration] *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya Politologiya* [Review of Political Science], (1), 73–86.
22. Davydov, A. A. (2017). Principialnyjt realizm Trampa na Blizhnem Vostoke [Trump Principled Realism in the Middle East]. *Rossiiskii Sovet Po Mezhdunarodnym Delam* [Russian International Affairs Council]. Retrieved from <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/printspialny-realizm-trampa-na-blizhnem-vostoke/>
23. Douglas, W. & Samuels, M. (1981). Promoting Democracy. *The Washington Quarterly*, 4 (3), 52–65.
24. Douglas, W. (1972). *Developing Democracy*. Washington: Heldref.
25. Gadzhiev, K. S. (1990). *Amerikanskaya naciya: nacionalnoe samosoznanie i kultura* [American Nation: National Identity and Culture]. Moscow.
26. Jervis, R. (2003). Understanding the Bush Doctrine. *Political Science Quarterly*, 118 (3), 365–388.
27. Krauthammer, C. (1990/1991). The Unipolar Moment. *Foreign Affairs*, 70 (1), 23–33.
28. Krauthammer, C. (2002/2003, Winter). The Unipolar Moment Revisited. *National Interest*, 70, 5–17.
29. Lake, A. (1993). *From Containment to Enlargement*. Retrieved from <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/lakedoc.html>
30. Lake, A. (1994, March/April). Confronting Backlash States. *Foreign Affairs*, 73 (2), 45–55. doi:10.2307/20045918
31. Malashenko, I. Ye. (1983). Proekt “Demokratiya”, ego celi i podopleka [“The Democracy” Project, Its Aims and Background]. *Ssha: ehkonomika politika ideologiya* [USA: Economics, Politics, Ideology], (7), 55–61.
32. Monten, J. (2005, Spring). The Roots of the Bush Doctrine: Power, Nationalism, and Democracy Promotion in U. S. Strategy. *International Security*, 29 (4), 112–156.
33. National Endowment for Democracy. (1984). *Annual Report*, 8–10.
34. National Endowment for Democracy. (2000). *Annual Report*, 78.
35. Obama, B. (2009). *A New Beginning, Remarks in Cairo*. Retrieved from <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09>
36. Obama, B. (2009). *Remarks to the United Nations General Assembly in New York City*. Retrieved from <http://www.nytimes.com/2009/09/24/us/politics/24prexy.text.html>

37. Parry, R. (2010, March 8). *How Reagan's Propaganda Succeeded Consortiumnews.com*. Retrieved from <https://consortiumnews.com/tag/ronald-reagan/page/5/?print=print-search>
38. Reagan, R. (1982). *Address to Members of the British Parliament*. Retrieved from <https://reaganlibrary.archives.gov/archives/speeches/1982/60882a.htm>
39. Reagan, R. (1983). National Security Decision Directive № 77. Retrieved from <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-077.htm>
40. Robinson, W. (1996). *Promoting Polyarchy Globalization, US Intervention, and Hegemony*. Cambridge.
41. Shejdina, I. L. (1984). *Nevoennye faktory sily vo vneshnej politike SSHA* [Non-Military Power of the U. S. Foreign Policy]. Moscow.
42. Smith, T. (2012). *America's Mission: The United States and the Worldwide Struggle for Democracy in the Twentieth Century*. Princeton.
43. The White House. (1987). *National Security Strategy*. Retrieved from <http://nssarchive.us/NSSR/1987.pdf>
44. The White House. (1990). *National Security Strategy*. Retrieved from <http://nssarchive.us/NSSR/1990.pdf>
45. The White House. (1994). *National Security Strategy*. Retrieved from <http://nssarchive.us/NSSR/1994.pdf>
46. The White House. (2000). *National Security Strategy*. Retrieved from <http://nssarchive.us/NSSR/2000.pdf>
47. The White House. (2002). *National Security Strategy*. Retrieved from <http://nssarchive.us/NSSR/2002.pdf>
48. The White House. (2006). *National Security Strategy*. Retrieved from <http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf>
49. The White House. (2010). *National Security Strategy*. Retrieved from <http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf>
50. The White House. (2015). *National Security Strategy*. Retrieved from <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf>
51. U.S. Agency for International Development (1990). *The Democracy Initiative*. Retrieved from http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/pdacq141.pdf
52. U.S. Agency for International Development. (1990). *Mission Statement*. Retrieved from http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PDACI463.pdf
53. U.S. Agency for International Development. (1991). *Democracy and Governance*. Retrieved from http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PNABL224.pdf
54. U.S. Agency for International Development. (1992). *FY1991 and FY1992 democratic initiatives and human rights program summary*. Washington. Retrieved from <https://dec.usaid.gov/dec/content/Detail.aspx?ctID=ODVhZjk4NWQtM2YyMi00YjRmLTkxNjktZTcxMjM2NDNmY2Uy&rID=MjMxNDM5>
55. U.S. Government Accountability Office. (1994). *Promoting Democracy*. Foreign Affairs and Defense Agencies Funds and Activities –1991 to 1993. Retrieved from <http://www.gao.gov/assets/220/218966.pdf>
56. U.S. Government Accountability Office. (1996). *U. S. Information Agency: Options for Addressing Possible Budget Reductions*. Retrieved from <http://www.gao.gov/assets/160/155584.pdf>

ПОЛИТИКО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)¹

.....

Глухова А. В., Кольба А. И., Соколов А. В.

Глухова Александра Викторовна, Воронежский государственный университет,
394088, Россия, Воронеж, ул. В. Невского, 15
Эл. почта: avglukhova@mail.ru

Кольба Алексей Иванович, Кубанский государственный университет, 350040,
Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Эл. почта: alivka2000@mail.ru

Соколов Александр Владимирович, Ярославский государственный университет,
150000, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14
Эл. почта: alex8119@mail.ru

В статье представлены результаты исследования, проводившегося в сентябре 2017 г. в трёх крупных региональных центрах России — Воронеже, Краснодаре, Ярославле. Исследование проводилось в форме экспертного опроса. Экспертам было предложено ответить на вопросы (полуоткрытого и открытого типа), распределённые по нескольким блокам. Главными задачами исследования стали: определение значимости факторов, влияющих на возникновение городских конфликтов; выявление основных субъектов городских конфликтов и механизмов их взаимодействия; исследование конструктивных и деструктивных последствий городских конфликтов; изучение форм развития городских конфликтов и условий, влияющих на их протекание в той или иной форме; выявление механизмов и способов управления городскими конфликтами и зависимость их использования от институциональной среды, а также направленность их использования; оценка эффективности внутренних и внешних коммуникаций конфликтующих групп; рассмотрение форматов и интенсивности их освещения в информационном пространстве. На основе ответов экспертов рассмотрена специфика конфликтности в трёх указанных городах, а также проведён сравнительный анализ, позволивший сделать общие выводы.

По результатам исследования установлены наиболее значимые факторы конфликтности, выделены основные типы и субъекты городских конфликтов (общественность, власть, бизнес), выявлена структура конструктивных и деструктивных взаимодействий между ними, определены институциональные и коммуникативные проблемы в их отношениях. Авторы приходят к выводу, что взаимодействия субъектов конфликтов не сбалансированы (в частности, властные структуры не в полной мере выполняют роль

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ-РФФИ, проект № 16-03-00402 «Политическое управление городскими конфликтами в РФ: акторы, стратегии, институциональные основания».

третьей стороны в конфликтах), что порождает проблему реализации интересов больших сегментов городского сообщества. Данная проблема угрожает его стабильности и чревата ростом социальной напряжённости в городской среде.

Ключевые слова: городской конфликт, политические институты, политические коммуникации, общественность, власть, бизнес, городское сообщество.

Проблемы городских конфликтов — одно из значимых направлений исследований в современных социально-гуманитарных науках. Это обусловлено в особенности частотой возникновения конфликтных ситуаций в городской среде и ростом факторов конфликтности на локальном уровне социальных отношений. Последнее связано с усложнением социальной структуры городского сообщества и взаимодействий внутри него, современными трендами в развитии городов и повышенным вниманием к комфортности городской жизни, появлением новых каналов коммуникации. На объективно порождаемые противоречия накладываются политико-управленческие факторы, главным из которых, на наш взгляд, является разбалансированность механизмов согласования интересов различных сегментов городского сообщества и имплементации достигаемых соглашений. В частности, это актуально для российских городов, в первую очередь крупных. Жизнь горожанина в них можно рассматривать через систему координат конфликтов различного типа и интенсивности. Однако в большинстве случаев мы имеем весьма ограниченные и плохо верифицируемые данные об этих процессах. Получение и анализ эмпирической информации становится важным условием дальнейшего исследования городских конфликтов и совершенствования практик политического управления ими.

Анализ публикаций по указанной тематике позволяет утверждать, что в настоящее время российские исследователи при наличии устойчивого интереса к ней в основном анализируют отдельные аспекты городской конфликтности, как правило, на примере конкретных городов (см., например: Тыканова, 2013; Тыканова, Хохлова, 2014; Тыканова, Широконова, 2015; Байнова, 2015; Дворникова, 2015). Зачастую эти исследования имеют весьма абстрактный характер и обходятся без анализа эмпирических данных (см., например: Котляров, 2017; Иванов, Ильинская, 2017). Также существует и тенденция к рассмотрению положения дел в российских городах на основе наблюдения, проводимого отдельными исследователями, что позволяет перейти к обобщению полученных фактов. К примеру, российский исследователь Е. Б. Чернова утверждает: «Общая проблема российских городов состоит в том, что в принятии градостроительных решений доминируют частные, а не общегородские интересы» (Чернова, 2014). Таким образом, на современном этапе исследований городских конфликтов в России имеются достаточно разрозненные представления о них, не опирающиеся на большой массив эмпирических данных. Наиболее часто в фокус внимания исследователей попадают аспекты конфликтности, связанные с градостроительной деятельностью, прочие же остаются в тени. В какой-то степени восполнить эти пробелы призвано исследование, проведённое нами в рамках

проекта «Политическое управление городскими конфликтами в РФ: акторы, стратегии, институциональные основания».

Исследование проводилось в форме экспертного опроса (сентябрь 2017 г.) в трёх крупных региональных центрах Российской Федерации — Воронеже, Краснодаре и Ярославле. Такой подход даёт возможность делать выводы и рекомендации по отдельным городам, а также на основе сопоставления данных делать выводы в общероссийском масштабе. Всего в опросе было задействовано 36 экспертов, представлявших разные профессиональные группы: сотрудники органов власти и управления регионального и муниципального уровня; представители бизнес-структур и НКО; представители академического сообщества. Целью исследования было выяснение мнения экспертов по поводу факторов и причин городских конфликтов, состава и структуры взаимодействий их участников, форм развития, механизмов управления и коммуникации. В данной статье представлены результаты опроса. Её структура сформирована следующим образом: сначала рассматриваются кейсы отдельных городов, потом анализ и обобщение результатов опроса в целом, затем выводы.

Эксперты о городских конфликтах (Воронеж)

Большинство экспертов приняли предложенное авторами определение городского конфликта как столкновения интересов различных субъектов, действующих в рамках городского сообщества, по поводу проблем локального уровня, формирующихся в его социальном пространстве. Уточнения касались рамок пространства (отмечалось также *политическое пространство*) и функциональной роли конфликтов (как *столкновений, выявляющих проблемы городского пространства*).

В отношении факторов, оказывающих влияние на развитие городских конфликтов, репертуар ответов был достаточно широк, покрывая практически весь спектр предложенных в анкете альтернатив (за исключением межэтнических конфликтов, что не может не радовать). Однако лидирующие позиции занимают такие факторы, как *преобладание интересов бизнеса над интересами других сегментов городского сообщества; манипуляции третьих сторон в своих интересах; нежелание власти учитывать интересы горожан; отсутствие коммуникации власти и горожан; жесткие ограничения ресурсов у власти для решения проблем горожан*. В целом в спектре факторов, порождающих конфликтность в городском сообществе, преобладают эндогенные, а не экзогенные факторы, касающиеся преимущественно дефектов коммуникативной и функциональной подсистем городской управленческой системы, а не внешних по отношению к ней воздействий и ограничений.

Большой научный и практический интерес представляет собой вопрос о типах городских конфликтов, наиболее распространенных в конкретном городе. В Воронеже безусловное лидерство имеют градостроительные конфликты — за-

стройка города, особенно в его исторической части, вызывающая справедливое недовольство горожан; состояние городской инфраструктуры, особенно дорог; утверждение планов развития и т.д. Второе место занимают конфликты в социальной сфере — состояние жилищно-коммунального хозяйства, качество работы городских социальных служб и т.д. Еще одним типичным конфликтом для столицы Черноземья являются конфликты в сфере городской инфраструктуры (работа общественного транспорта, городские парковки и т.д.), а также экологические конфликты.

Диагностика основных субъектов в г. Воронеже не вызвала у экспертов серьезных затруднений. Большинство из них сошлось на том, что основными субъектами городских конфликтов выступают прежде всего представители городской и региональной власти и крупный бизнес, особенно строительное лобби. Депутаты, имеющие свои бизнес-интересы, также входят в число субъектов городских конфликтов. Кроме того, в этих конфликтах могут принимать участие жители города или его конкретных микрорайонов; общественные активисты, лидеры общественного мнения, СМИ, представители сферы услуг.

Вместе с тем различно их влияние на функциональную роль конфликтов в рамках городского сообщества: в одних случаях оно направлено на урегулирование, в других — на эскалацию конфликтного противостояния. В этом вопросе оценки экспертов разошлись достаточно радикально. Эксперты — сотрудники органов исполнительной власти оценивают деятельность этих структур более комплиментарно; ученые — преподаватели воронежских вузов, напротив, возлагают вину за конфликтную деструкцию почти исключительно на властные структуры, особенно городскую представительную и исполнительную ветви власти. При этом положительно оценивается почти исключительно деятельность институтов гражданского общества: местных и региональных СМИ; общественных экологических и правозащитных организаций; территориальных сообществ; землячеств, НКО.

Оценивая роль субъективации городских конфликтов, важно выявить потенциал солидарности, способности к созданию коалиций. Большинство воронежских экспертов сошлось на том, что для Воронежа характерно возникновение коалиции из 2–3 субъектов.

Как можно охарактеризовать взаимодействие различных субъектов городских конфликтов? По мнению экспертов, преимущественно конструктивным является взаимодействие следующих субъектов городских конфликтов: городские органы исполнительной власти — бизнес-структуры; городские органы представительной власти — бизнес-структуры; НКО — городские сообщества; НКО — бизнес-структуры. Напротив, преимущественно деструктивно взаимодействие между: городскими органами исполнительной власти и городскими сообществами; городскими органами представительной власти и городскими

сообществами; НКО и городскими органами исполнительной власти; НКО и городскими органами представительной власти.

Отсюда следует, что именно городские власти в лице исполнительных и законодательных органов выступают главными оппонентами горожан, представленными как в сообществах, так и в некоммерческих организациях.

Как показало наше исследование, главным конструктивным последствием конфликтов в г. Воронеже эксперты считают структурирование социального пространства, т.е. формирование городских сообществ, благоприятствующих развитию города. Другим конструктивным последствием названо решение проблемы, вызвавшей конфликт, третьим — увеличение вероятности конструктивного урегулирования подобных конфликтов в дальнейшем.

Что касается деструктивных последствий городских конфликтов, то здесь среди экспертов еще больше определенности. Так, главным негативным последствием практически все эксперты назвали повышение социальной напряженности в городской среде (100%); сохранение причин, способных вызвать подобные конфликты в будущем (88%); ухудшение коммуникации между участниками подобных конфликтов, усугубление проблемы, вызвавшей конфликт (77%).

Для воронежских городских конфликтов характерны преимущественно институционализированные конфликты, большей частью в форме непубличного взаимодействия (переговоры между заинтересованными сторонами, создание коалиций и др.). Так считают 66% экспертов. Кроме того, в Воронеже осуществляются публичные акции как протестного (митинги, пикеты, петиции) (44%), так и конвенционального типа (55%).

Эксперты представили весьма широкую палитру причин, вызывающих протестные формы участия воронежцев в конфликтах. В их числе проблемы, связанные с деятельностью местных властей (невнимание к проблемным ситуациям, отсутствие стремления разрешать их); сложности коммуникации между различными субъектами конфликтов; недостаточное развитие правовых и политических институтов их регулирования; агрессивное поведение отдельных участников, их желание привлечь к себе внимание; материальные проблемы граждан и проблемы их безопасности.

Воронежская общественная жизнь в последние годы дает достаточно примеров для анализа специфики проявления городских конфликтов, имеющих как конструктивное, так и деструктивное развитие. Ответы на открытый вопрос, заданный экспертам, дают исследователю богатую пищу для размышлений.

В числе конфликтов, характеризующихся конструктивными чертами, были названы успешные акции жителей города против застройки зелёных зон, за сохранение ряда культурно-исторических объектов; внедрение регламентации в сфере рекламы и размещения торговых точек. Отмечалось также наведение

порядка в градостроительной сфере губернатором А. В. Гордеевым, «остановившим архитектурный беспредел».

Не менее обширным представляется перечень конфликтов, характеризующихся деструктивным развитием. Они также связаны с градостроительной проблематикой и развитием городской инфраструктуры. Кроме того, отмечались политические (отказ от всенародных выборов мэра) и этнические конфликты.

Конфликтологическая теория исходит из того, что существует пять основных стратегий поведения в конфликте (схема Томаса — Килменна), каждая из которых имеет свои положительные и отрицательные стороны.

По мнению экспертов, городские власти Воронежа чаще всего прибегают к стратегии уклонения, т.е. ухода от решения конфликтной проблемы в надежде, что она рассосется сама собой, либо к стратегии конкуренции, т.е. навязывания оппонентам собственной точки зрения (и соответственно своего интереса). Конкурентная стратегия в большей степени характеризует представительную ветвь городской власти. Что касается региональных властей, то они демонстрируют большую гибкость и нередко прибегают к стратегии сотрудничества. Федеральные органы власти чаще всего уклоняются от конфликтов на местах, перекадывая всю ответственность за них на региональные и местные власти. Остальные субъекты городских конфликтов ведут себя в основном в соответствии с имеющимся ресурсом. Местные и региональные СМИ чаще обнаруживают готовность идти на компромисс; общественные организации, участвующие в решении городских проблем (экологические, правозащитные и т.д.), склонны, скорее, к приспособлению; этнические сообщества и их представители используют широкий репертуар тактик: от приспособления / уклонения до конкуренции. Примечательно, что политические партии, по мнению экспертов, приспособляются к ситуации либо вступают в конкурентную борьбу, тогда как бизнес-структуры преимущественно стремятся к конкуренции, поскольку у них имеется для этого необходимый финансовый и информационный (а нередко и административный) ресурс. Некоммерческие организации и общественные объединения в основном демонстрируют готовность к компромиссу или к сотрудничеству.

Что предлагают эксперты для повышения уровня конструктивности развития городских конфликтов? В плане изменения формальных правил взаимодействия (законов, других нормативных актов) эксперты считают необходимым следующее: расширение участия общественности при принятии решений по развитию города; разработка стратегии развития города; принятие ряда изменений в нормативных актах как федерального, так и местного уровня; более чёткая регламентация деятельности групп давления; развитие системы третейских судов.

Но изменения должны коснуться не только формальных, но и неформальных правил взаимодействия между субъектами городских конфликтов (соглашения между участниками, сложившиеся практики). Эксперты видят их следующим

образом: развитие коммуникаций между участниками конфликтов; признание прав оппонентов иметь собственную позицию; согласие соблюдать установленные правила; расширение неформального взаимодействия участников городской жизни, в том числе через публичные клубы.

Какие каналы используют субъекты городских конфликтов для поддержания внешних коммуникаций? Экспертам было предложено назвать несколько вариантов ответов. Доминирующими ответами стали: официальные каналы (обращения в органы власти, публичные слушания и т.д.) (88%); публичные интернет-каналы (открытые группы в социальных сетях, интернет-СМИ и т.д.) (77%); неформальные связи с представителями других участников конфликта (44%); традиционные каналы массовой коммуникации (электронные и печатные СМИ, листовки, билборды и др.) (66%). Для поддержания внутренних коммуникаций субъекты городских конфликтов наиболее часто используют: публичные интернет-каналы (открытые группы в социальных сетях, интернет-СМИ и др.) (66%); непубличные интернет-каналы (закрытые группы в социальных сетях, мессенджеры и др.) (66%); офлайн-каналы (собрания, встречи, совещания и др.) (77%).

Заключительный блок вопросов касался того, какими источниками информации о городских конфликтах пользуются сами эксперты. Выяснилось, что лидирующие позиции среди источников информации занимают интернет-СМИ (100%), социальные сети (30%) и непосредственное общение со знакомыми, друзьями (30%).

Что касается доверия к местным СМИ, то большинство экспертов (88%) уверены в том, что СМИ обычно освещают конфликт в негативном ключе — как усугубление существующей проблемы, что не способствует ее решению. Лишь каждый третий эксперт полагает, что массмедиа просто нейтрально сообщают о наличии какой-либо проблемы. Кроме того, на взгляд экспертов, к освещению городских конфликтов СМИ подходят дифференцированно: одни конфликты освещаются больше, другие же гораздо меньше, что также не способствует их конструктивному урегулированию.

Таким образом, внешне спокойная (но не безмятежная) жизнь миллионного города при помощи экспертного опроса была диагностирована на предмет ее внутренней стабильности и внешней устойчивости. Помимо открытых конфликтов, не раз будораживших сознание и чувства горожан (незаконная застройка, особенно исторической части города; опасения по поводу добычи никеля в Черноземной полосе и т.д.), существует куда более обширное поле разнообразных разделительных линий (кливажей), которые пока существуют в своей начальной стадии, но при неблагоприятном стечении обстоятельств могут стать актуальными. Перечень конфликтогенных факторов, главными из которых остаются эгоистические интересы бизнес-структур, превалирующие над интересами других сегментов городского сообщества, а также манипуляции

третьих сторон в своих интересах, показывает, что без должных управленческих воздействий со стороны как городских, так и региональных властей разрешить городские конфликты не удастся. Уже в силу этого отмеченная экспертами стратегия уклонения, свойственная преимущественно городским структурам, не может быть признана успешной (во всяком случае в средне- и долгосрочной перспективе).

Одной из важнейших для воронежского социума остается проблема коммуникации между различными его сегментами. Как показывают проведенные здесь ранее исследования, взаимодействие различных сред (профессиональных, культурных и т.д.) развито явно недостаточно (Глухова, 2012, 109–149), в силу чего организованного противодействия лоббистским структурам пока не сложилось. Даже общественное движение за сохранение исторического облика Воронежа, весьма заметное в 2000-е гг., в настоящее время фактически сошло на нет по причине неравенства сил в борьбе со строительными компаниями, многие из которых имеют своих представителей среди депутатов областной и городской думы. Вместе с тем без выстраивания коалиций, активизации взаимодействия с региональными властными структурами, прежде всего с губернатором А. В. Гордеевым, авторитет которого очень высок, определять городскую повестку дня, влиять на принимаемые решения либо непосредственно участвовать в них городскому сообществу вряд ли удастся.

Эксперты о городских конфликтах (Краснодар)

Большинство экспертов согласилось с предложенным авторами исследования определением городского конфликта. Уточнения, предлагаемые в ходе опроса, касались необходимости отразить ценностный аспект конфликтов («столкновение не только интересов, но и ценностей»), а также выбор в ходе столкновения путей их урегулирования. Два эксперта также подчеркнули, что часто конфликты представляют проекцию проблем, возникающих на более высоком уровне социально-политических взаимодействий, на городское социальное пространство.

К числу наиболее важных факторов конфликтности опрошенные отнесли: нежелание власти учитывать интересы горожан (средняя оценка по шкале от 0 до 10 баллов — 7,2), жесткие ограничения ресурсов у власти для решения проблем горожан (7,1), преобладание интересов бизнеса над интересами других сегментов городского сообщества (6,6), отсутствие коммуникации между властью и горожанами (6,5). Среди факторов конфликтности, выделенных экспертами помимо предложенных в опросном листе, следует отметить такие, как появление мест компактного проживания этнических меньшинств, сращивание бизнеса и власти, ориентация лиц, принимающих решения, на краткосрочную перспективу.

Наиболее распространённым типом конфликтов эксперты посчитали градостроительные, связанные с планированием и реализацией пространственного развития (отмечены всеми экспертами; предлагалось отметить до трёх вариантов).

Большинство экспертов также выделили значимость конфликтов в социальной сфере (по поводу работы городских служб, ЖКХ), конфликты в сфере городской инфраструктуры (общественный транспорт и др.). 50% экспертов указали экологические конфликты.

К числу основных субъектов конфликтов была отнесена в первую очередь местная власть или отдельные её структуры. Также все эксперты отметили различные сегменты городского сообщества, определяя их с большей или меньшей точностью («дольщики», «пассажиры», «мигранты», «активная общественность», «сообщества в социальных сетях» и другие варианты). Среди прочих часто упоминаемых субъектов следует отметить бизнес (некоторые эксперты конкретизировали его как «застройщиков», т.е. строительные компании). Упоминались также региональные власти, «силовики», политические партии и движения, лидеры общественного мнения, СМИ.

В отношении большинства выделенных в опросе субъектов городских конфликтов отмечен достаточно высокий уровень их позитивного (направленного на урегулирование) воздействия на конфликт. Наиболее положительно оценены в этом плане городские органы исполнительной власти (отметили 90% экспертов), городские органы представительной власти, общественные организации, этнические сообщества (по 80%). Наибольшее количество отрицательных оценок (воздействие, направленное на эскалацию конфликта) получили бизнес-структуры (70%). При этом следует отметить, что многие эксперты давали амбивалентные оценки тем или иным субъектам конфликтов, отмечая возможность как положительного, так и отрицательного их воздействия на конфликт. Вследствие этого некоторые из них имеют высокий антирейтинг: роль общественных организаций негативно оценили 60% экспертов, а для СМИ одинаковое число положительных и отрицательных оценок (также по 60%).

Эксперты признают низким уровень готовности участников конфликтов к коалиционным действиям: 40% из них считают образование коалиций нехарактерным для городских конфликтов, 50% отмечают возможность образования относительно узких союзов из 2–3 участников.

Весьма позитивны оценки конструктивности взаимодействия участников городских конфликтов. Особенно хорошо налажено взаимодействие такого рода между городскими властными структурами и городскими сообществами, некоммерческими организациями (по 70–90% положительных оценок). Столь же конструктивно взаимодействуют городские сообщества и некоммерческие организации между собой. В то же время нужно отметить особую позицию бизнеса в структуре указанных взаимодействий. Если он в целом хорошо коммуницирует с городскими властями (70–80% положительных оценок), то во взаимодействии с общественностью наблюдается явно худший результат — 60% экспертов оценивают его как преимущественно деструктивное (при 30% положительных оценок).

Также лишь 50% экспертов говорят о конструктивном взаимодействии бизнеса с некоммерческими организациями (при 30% негативных оценок).

К числу наиболее выраженных позитивных последствий городских конфликтов относятся выработка технологий, улучшающих коммуникацию между участниками подобных конфликтов, формирование и структурирование городских сообществ (так считают по 50% экспертов). Среди негативных последствий конфликтов наиболее часто отмечаются: сохранение причин, которые могли бы вызвать подобные конфликты в будущем (70%), обострение подобных конфликтов в дальнейшем (60%), повышение социальной напряжённости в городской среде (50%). Таким образом, некоторые отрицательные последствия конфликтов более ярко выражены, нежели положительные.

Наиболее значимые формы проявления городской конфликтности — публичные акции как конвенционального, так и протестного типа. При этом экспертами выдвигалось достаточно много обоснований распространения протестных форм политической активности на этом уровне. Их можно обобщить следующим образом: проблемы коммуникативного характера, отсутствие каналов, навыков коммуникации между участниками конфликтов, прежде всего между городскими властями и горожанами; ограниченность экономических и правовых ресурсов местных властей, не позволяющая решать важные для города проблемы; неразвитость технологий управления конфликтами (восприимчивость к действиям провокаторов, преимущественное использование силовых методов и др.); несвоевременная реакция властей на возникновение проблем, обуславливающих конфликт; более высокая эффективность протестных форм воздействия на власть по сравнению с конвенциональными способами политического участия. Предложенные экспертами примеры конструктивного и деструктивного развития конфликтов в городской жизни Краснодара свидетельствуют о том, что конструктивное развитие обеспечивается в условиях диалога (или «триалога», как выразился один из экспертов, характеризуя ситуацию взаимодействия властей, строительных компаний и горожан). К деструктивному развитию приводят прежде всего односторонние действия участников, попытки реализовать частные интересы в ущерб общим, непродуманные управленческие решения.

По результатам исследования не выявлено чётких тенденций преобладания какой-либо из стратегий поведения в действиях определённых субъектов городских конфликтов (в вопросе использовалась классификация Томаса — Киллмена). Наиболее часто экспертами отмечалось преобладание стратегий ухода от конфликта или конкуренции, причем последняя наиболее характерна для различных властных структур.

Повышение уровня конструктивности конфликтов обычно связано с институциональными изменениями как в формальных, так и в неформальных правилах взаимодействия их субъектов. В отношении конфликтов в городском социальном пространстве был выдвинут ряд предложений по совершенствованию

нию институциональных норм и практик. В сфере формального регулирования они направлены прежде всего на изменение порядка формирования городских властных структур (возвращение к прямым выборам мэров городов), создание структур общественного контроля, изменения правовых основ градостроительной политики, обеспечения финансовой основы деятельности МСУ. Также экспертами отмечалась необходимость чёткого выполнения уже существующих правил. В неформальной сфере отмечается необходимость заключения соглашений между активными участниками жизни города по спорным вопросам, развития коммуникативных и посреднических практик, обеспечения большего уровня транспарентности в сфере принятия управленческих решений, повышения уровня доверия через позитивные практики взаимодействия.

Необходимо отметить разнообразие каналов внешней и внутренней коммуникаций участников конфликтов. Для связей с внешней средой наиболее активно используются публичные интернет-каналы (открытые группы в социальных сетях, интернет-СМИ и др.), отмеченные 90% экспертов. Также весьма распространены официальные каналы коммуникаций (обращения в органы власти, публичные слушания и др.), их отметили 60% экспертов (в данном вопросе можно было выбрать несколько вариантов ответа). Внутренние коммуникации осуществляются преимущественно через непубличные интернет-каналы (закрытые группы в социальных сетях, мессенджеры и др.), выделенные 80% экспертов. Часто используются и традиционные форматы взаимодействия — собрания, встречи, совещания (70%). Публичные интернет-каналы используются и для коммуникаций этого типа (60%).

Основным источником информации о городских конфликтах участники опроса считают интернет-СМИ и социальные сети (по 90%). Существенно реже информация поступает из электронных СМИ (50%). При этом мнения экспертов по поводу характера освещения в СМИ тематики городских конфликтов разделились. По 30% считают что они освещаются в негативном или, напротив, в позитивном ключе, а 40% подчеркивают нейтралитет СМИ в этом вопросе. Однако эксперты практически единодушны в том, что некоторые городские конфликты освещаются существенно больше, чем другие аналогичные ситуации (90%). Таким образом, раскрученность конфликта через медийные каналы имеет существенное значение для привлечения внимания заинтересованных субъектов к конкретной ситуации.

Результаты исследования по Краснодару показывают, что острота и интенсивность городских конфликтов находятся на высоком уровне. Такие выводы подкрепляются и результатами наблюдений: население города растёт высокими темпами, ведётся активная и масштабная застройка, что естественным образом ведёт к проблемам в сферах инфраструктуры, транспорта, социального обеспечения и т.д. В то же время некоторый оптимизм местных экспертов, особенно в отношении коммуникаций общества и власти, скорее всего связан со

сменой руководителя краевого центра, произошедшей в 2016 г. Хотя результаты управленческой деятельности новой команды пока не так хороши, как на то рассчитывает городская общественность, демонстрируемый ею открытый стиль общения по поводу городских проблем позволяет надеяться на переход к более конструктивным формам регулирования конфликтности.

Эксперты о городских конфликтах (Ярославль)

Большая часть экспертов, принявших участие в опросе, согласилась с предложенной дефиницией городского конфликта, как «столкновение интересов различных субъектов, действующих в рамках городского сообщества, по поводу проблем локального уровня, формирующихся в его социальном пространстве». Иных вариантов предложено не было.

Основными факторами, влияющими на развитие городских конфликтов, эксперты называют нежелание власти учитывать интересы горожан (7,4 балла по шкале от 0 до 10 баллов); отсутствие коммуникации власти и горожан (7) и жесткие ограничения ресурсов у власти для решения проблем горожан (6,9); преобладание интересов бизнеса над интересами других сегментов городского сообщества (5,8).

Наиболее распространёнными типами городских конфликтов эксперты признали градостроительные конфликты (88%) и конфликты в социальной сфере (работа ЖКХ, городских служб и др.) (82%). Значительно меньше выделили конфликты в сфере городской инфраструктуры (работа общественного транспорта, городские парковки и др.) (59%).

Отвечая на вопрос об основных субъектах городских конфликтов, 64% респондентов указали органы власти местного и регионального уровня, 41% — горожан, 36% — «градозащитников», 30% — гражданских активистов. Таким образом, эксперты выделили главными субъектами городских конфликтов органы власти местного и регионального уровня и горожан.

Эксперты были практически единодушны в том, что субъектами, чьи действия могут быть направлены на эскалацию городских конфликтов, могут быть практически все акторы. При этом основными среди них были названы региональные и городские органы исполнительной власти, а также НКО (по 82%). НКО являются точками кооперации граждан в борьбе за свои права; они выступают оформленным субъектом коллективных действий граждан. При этом именно решения органов городской и региональной исполнительной властей зачастую нарушают сложившиеся балансы сил и интересов, вызывающих конфликты.

Далее (по 76%) были названы региональные органы представительной власти, федеральные органы исполнительной власти, федеральные органы представительной власти, сообщества мигрантов, землячества, территориальные сообщества граждан (организованные жители района, квартала и др.).

70% экспертов отметили, что эскалации могут способствовать этнические сообщества и их представители, по 64% экспертов — городские органы представительной власти и бизнес-структуры, действующие на территории города.

В наибольшей степени на деэскалацию направлены действия общественных организаций, участвующих в решении городских проблем (экологические, урбанистские, правозащитные и др.) и политических партий (по 47%), местных и региональных СМИ (41%), а также городских органов представительной власти.

Важно отметить, что четверть экспертов амбивалентно оценили действия политических партий, СМИ, бизнес-структур: они могут быть в одних случаях направлены на эскалацию, а в других — на деэскалацию городских конфликтов.

По результатам опроса эксперты отметили, что для городских конфликтов характерно возникновение коалиций, однако большая часть из них (так считают 70% экспертов) состоят из 2–3 субъектов.

Эксперты отмечают, что в целом взаимодействие между основными субъектами городских конфликтов конструктивное. Лишь в отношениях бизнес-структур и городских сообществ, по мнению экспертов, в равной степени присутствуют как деструктивные, так и конструктивные элементы взаимодействия. Значительные элементы деструктивного взаимодействия наблюдаются в отношениях городских органов исполнительной власти и городских сообществ. Это вполне объяснимо, так как это наиболее сложные субъекты, олицетворяющие интересы и действия, из-за которых возникли конфликты, вокруг которых формируются коалиции.

Наиболее конструктивно взаимодействие между:

– городскими органами исполнительной власти и бизнес-структурами (88%). Это вполне логично, так как зачастую оба указанных субъекта выступают единым фронтом (разрешение на застройку парковых зон, строительство предприятий и т.д.);

– НКО и городскими сообществами (88%). Это также вполне закономерно, так как оба субъекта представляют интересы граждан, которые зачастую нарушаются или ущемляются решениями органов власти и действиями бизнес-структур;

– городскими органами представительной власти и городскими сообществами (82%);

– НКО и городскими органами исполнительной власти (82%);

– городскими органами представительной власти и бизнес-структурами (76%);

– НКО и бизнес-структурами (76%);

– НКО и городскими органами представительной власти (76%).

Среди наиболее часто встречающихся конструктивных последствий городских конфликтов эксперты назвали формирование городских сообществ; структурирование городского сообщества, содействующего развитию города. К числу иных конструктивных последствий городских конфликтов отнесены:

увеличение вероятности конструктивного урегулирования подобных конфликтов в дальнейшем; решение проблемы, вызвавшей конфликт. Однако в целом следует отметить, что положительные последствия конфликта выражены незначительно — средняя оценка большинства из них находится в диапазоне 4–6 баллов.

Основным деструктивным последствием городских конфликтов эксперты назвали сохранение причин, которые могли бы вызвать подобные конфликты в будущем. Можно отметить и другие, наиболее значимые деструктивные последствия городских конфликтов: повышается социальная напряжённость в городской среде; на участников оказывается такое давление, что они исключаются из общественной жизни, формируется негативный опыт участия, влияющий на все городское сообщество в целом, и т.д. Как считают эксперты, деструктивные последствия проявляются в большем объёме, нежели конструктивные.

Эксперты отмечают (82%), что наиболее характерная форма развития городских конфликтов — публичные акции конвенционального типа (обращение в органы власти, в СМИ, создание петиций и др.). По их мнению (53%), также часто можно наблюдать публичные акции протестного типа (митинги, пикеты, голодовки и др.). Наиболее редко встречаемой формой протекания городских конфликтов являются непубличные формы взаимодействия (переговоры между заинтересованными сторонами, создание коалиций и др.) (30%).

Основная причина появления протестных форм участия в конфликтах, по мнению экспертов, в неэффективном диалоге власти и граждан (59%). Другими значимыми причинами назывались: неготовность одной из сторон конфликта идти на компромисс (либо власти, либо граждан); не решаемость проблемы; отсутствие реакции власти на проблему на начальной стадии; отдельные ситуативные проблемы (например, избирательный процесс, политические факторы, деструктивные реакции акторов).

Среди примеров конструктивного развития городских конфликтов эксперты называли случаи успешного решения проблем (благоустройство территорий, сохранение исторического наследия и т.д.), а также формирования эффективной коммуникации граждан и власти (посредством создания постоянно действующего взаимодействия заинтересованных сторон, встреч с депутатами).

Среди примеров деструктивного развития городских конфликтов были названы внутриэлитные конфликты, ухудшение положение отдельных социальных групп, разрастание конфликта, игнорирование властью позиции горожан (в частности, точечная застройка города).

Стратегию уклонения в городских конфликтах наиболее часто, по мнению экспертов, используют федеральные органы исполнительной и представительной власти (30% и 36% соответственно), региональные органы исполнительной власти (30%) и городские органы исполнительной власти (24%).

Стратегию конкуренции (навязывание оппонентам своей точки зрения) выбирают часто политические партии (53%), бизнес-структуры, действующие на территории города (47%), городские органы исполнительной власти (41%), региональные органы исполнительной власти (41%).

Стратегия приспособления (подчинение своих интересов интересам других участников) является, по мнению экспертов, наименее применимой в городских конфликтах. Ее используют городские органы представительной власти и федеральные органы представительной власти (18%).

Выбор стратегии компромисса характерен для общественных организаций, участвующих в решении городских проблем (экологических, урбанистских, правозащитных и др.) (41%), местных и региональных СМИ (30%), региональных органов представительной власти, территориальных сообществ граждан (организованные жители района, квартала и др.), бизнес-структур, действующих на территории города (по 24%).

Стратегия сотрудничества (совместные действия для достижения общих целей) предпочтительна для НКО (59%), общественных организаций, участвующих в решении городских проблем (экологических, урбанистских, правозащитных и др.) (53%), федеральных органов представительной власти (41%), городских органов представительной власти, этнических сообществ, сообществ мигрантов и землячества, территориальных сообществ граждан (все по 36%).

Таким образом, различные объединения граждан — это те субъекты городских конфликтов, которые наиболее часто практикуют стратегию сотрудничества в городских конфликтах.

Как считают эксперты, повышению уровня конструктивности городских конфликтов могут содействовать следующие изменения формальных правил: закрепление и регламентация процедур; диалог, взаимодействие органов власти и граждан (публичные слушания по застройке, отчеты); привлечение внешних независимых экспертов к процессу принятия решений органами власти; введение института медиатора; повышение дисциплины в соблюдении норм законодательства; повышение ответственности должностных лиц за их действия и принимаемые решения; упрощение процедуры проведения местного референдума.

Среди приоритетных изменений неформальных правил, способствующих повышению уровня конструктивности городских конфликтов, эксперты назвали: профилактику конфликтов, интенсификацию межсекторного взаимодействия, взаимодействия власти и граждан, привлечение экспертного сообщества, запрет на силовые методы конфликтного взаимодействия.

Таким образом, эксперты отмечают приоритетным механизмом повышения конструктивности городских конфликтов (как в аспекте изменения формальных, так и неформальных практик) интенсификацию взаимодействия субъектов и носителей интересов в городском пространстве.

Как отмечают 77% экспертов, для поддержания внешних коммуникаций субъекты городских конфликтов наиболее часто используют официальные каналы (обращения в органы власти, публичные слушания и др.) и публичные интернет-каналы (открытые группы в социальных сетях, интернет-СМИ и др.). Существенно реже используются офлайн-каналы (собрания, встречи, совещания и др.) (41%), а также непубличные интернет-каналы (закрытые группы в социальных сетях, мессенджеры и др.) (35%).

Доминирующим каналом внутренней коммуникации среди субъектов городских конфликтов, по мнению экспертов, являются непубличные интернет-каналы (закрытые группы в социальных сетях, мессенджеры и др.) (82%). Далее по значимости идут офлайн-каналы (собрания, встречи, совещания и др.) (59%) и публичные интернет-каналы (открытые группы в социальных сетях, интернет-СМИ и др.) (53%).

Основными источниками информации о городских конфликтах названы социальные сети (71%) и электронные СМИ (65%). При этом традиционные СМИ практически не используются в качестве источника информации о городских конфликтах.

77% экспертов отмечают, что СМИ сообщают о городских конфликтах, но чаще нейтрально (как сообщение о наличии проблемы). 30% экспертов указали, что СМИ представляют городские конфликты главным образом в негативном ключе (как усугубление существующей проблемы).

Вероятнее всего это связано с некоторой необъективностью СМИ в освещении городских конфликтов, игнорированием вызывающих их проблем. 53% экспертов отметили, что некоторые конфликты упоминаются в СМИ значительно чаще других, а 30% указали, что СМИ игнорируют наличие тех или иных конфликтов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что городские конфликты порождают ситуации отсутствия эффективно функционирующих механизмов согласования интересов субъектов городской жизни. Наиболее часто они возникают в тех случаях, когда совпадают интересы власти и бизнеса (вопросы градостроительства) в противовес интересам горожан.

Обобщение и выводы

Результаты исследования позволяют составить достаточно ясное представление о специфике социальной и политической жизни городского сообщества в части конфликтных взаимодействий его основных акторов.

Ключевые факторы городской конфликтности связаны с деятельностью местных властей, которые по объективным (ограниченность ресурсов) и субъективным (невнимание к интересам граждан) причинам не выполняют свои функции по стабилизации общественно-политического пространства и координации интересов внутри городского сообщества. В целом в спектре факторов, порож-

дающих конфликтность в городском сообществе, преобладают эндогенные, а не экзогенные факторы, касающиеся преимущественно дефектов коммуникативной и функциональной подсистем городской управленческой системы, а не внешних по отношению к ней воздействий и ограничений.

Градостроительные конфликты наиболее распространены в крупных региональных центрах. Более того, другие распространенные типы конфликтов (в сфере ЖКХ, городской инфраструктуры) косвенно связаны с ними, так как быстрая и неупорядоченная застройка создаёт критическую нагрузку на эти отрасли городского хозяйства. Само развитие городов становится главным «нервным центром» противоречий, что свидетельствует о его несбалансированности, подтверждая мысль о преобладании частных интересов над общими.

Городские конфликты разворачиваются во взаимоотношениях субъектов трёх основных типов: местные органы власти (преимущественно исполнительной) — бизнес-структуры (в основном застройщики) — городская общественность (т.е. активисты). Остальные участники являются «актёрами второго плана», хотя и могут оказывать существенное воздействие на конфликты, оставаясь при этом не на виду для сторонних наблюдателей. При этом органы власти и бизнес достаточно легко находят возможности конструктивных отношений, что косвенно свидетельствует о достаточно большой степени общности интересов.

В то же время во взаимодействии указанных субъектов с городскими сообществами, НКО наблюдаются существенные проблемы. В этом смысле несколько выделяется Краснодар, где городские власти в последние годы демонстрируют активный поиск контактов с общественными структурами. Такое положение дел свидетельствует о латентном противостоянии внутри городской среды, связанном с наличием альянса власти (или отдельных её представителей) и бизнеса и проявляющимся в отдельных конфликтных ситуациях. Это является признаком функционирования городских политических режимов в формате «машины роста» (Logan, Molotch, 1988; Ледяев, 2006; Трубина, 2011; Тыканова, Хохлова, 2015), отодвигающем интересы других сегментов городского сообщества на второй план. Возможности повышения ранга структур гражданского общества также препятствует низкий уровень сотрудничества между ними, в частности, отказ от образования широких коалиций. При этом само их участие в конфликтах способствует формированию городских сообществ, способных отстаивать свои интересы.

Как следует из ответов, эксперты склонны рассматривать городские конфликты и их конструктивную роль в городском сообществе не тактически (т.е. сиюминутно), но в долгосрочной перспективе, как способ профилактики возможных серьезных социальных и политических расколов, которых таким образом можно избежать. Вместе с тем такие конструктивные последствия городских конфликтов, как выработка технологий, улучшающих коммуникацию между участниками подобных конфликтов, или снижение социальной напря-

женности в городской среде нашли гораздо меньшую поддержку экспертов. Недооцененной осталась и задача выработки новых норм и правил поведения участников подобных конфликтов («правил игры»), без которых по конфликтологической теории проявление конструктивного потенциала конфликтного взаимодействия невозможно. Симптоматично и то, что позитивные последствия конфликтов в целом проявляются меньше, чем негативные.

Конфликты в городской среде, как правило, приводят не к разрешению проблем, а к их усугублению. Это означает, что одна из основных функций конфликтов — снятие или смягчение противоречий между участниками — не выполняется. Также плохо реализуется и функция «защитного клапана», что выражается в росте социальной напряжённости как одном из итогов конфликтов. Это также косвенно свидетельствует о недостатке конструктивности во взаимодействии их основных субъектов.

Функциональная роль и последствия конфликтов в решающей степени зависят от тех форм, в которых они разворачиваются. Институционализированные формы конфликтов, как правило, способствуют проявлению их позитивного потенциала; внеинституциональные формы, напротив, чреватые неконвенциональными или даже насильственными действиями и далеко не всегда полезны для общества. Преобладание открытых форм развития указывает на то, что публичная политика остаётся важным фактором развития местных сообществ, что само по себе можно рассматривать как положительное явление. При этом обращает на себя внимание рост протестных форм активности.

Протест как форма политического действия становится все более характерным признаком нынешней политической ситуации в России как на федеральном, так и на региональном, и даже локальном уровнях. При этом выражение протестов в законных, институциональных формах рассматривается в рамках конфликтологической теории как позитивное действие, способствующее решению накопившихся проблем. Одновременно необходимо диагностировать причины протестов, для того чтобы грамотно купировать их возможные негативные проявления. Проведённое исследование говорит о сочетании причин институционального характера (несовершенство норм либо отказ от реализации их на практике, недостаток ресурсов у институтов местного самоуправления, отсутствие доверия друг к другу у сторон конфликта) и коммуникативного характера (отказ от общего диалога всех участников, использование манипулятивных практик).

В связи с тем, что эксперты отнесли к категории деструктивных преимущественно конфликты между городскими органами исполнительной и представительной власти, с одной стороны, и городскими сообществами/некоммерческими организациями, с другой стороны, ответственность за возможную деструкцию (рост напряженности, неконвенциональные действия, эскалация конфликта) ложится преимущественно на городскую власть. Стратегия конкуренции, которую они часто используют в качестве основной, плохо сочетается

с необходимостью выступать в роли третьей стороны, брать на себя основную миссию в урегулировании конфликтов. При этом преимущественно через властные структуры выстраиваются отношения между другими участниками конфликтов, которые, как показывает исследование, не всегда могут вступить в прямую коммуникацию друг с другом. Не способствует этому и избирательное освещение конфликтов в СМИ.

По справедливому утверждению А. И. Кольбы, подтвержденному нашим исследованием, в основе политического управления городским конфликтом лежит принцип взаимодействия сетевых и иерархических структур, первые из которых базируются на силе слабых связей между элементами городского сообщества, а вторые символизируют городскую власть в традиционном значении этого термина. В городской среде необходимо создавать институциональные условия для их конструктивных контактов. «Непрерывность и проактивный характер управления конфликтом повышают шансы на его позитивное развитие. Конфликт должен быть включен в деятельность структур управления, чтобы быть ближе к типовой, а не чрезвычайной ситуации. Это позволяет создать определенные схемы и алгоритмы управления, способствует повышению конфликтологической компетентности участников» (Кольба, 2016).

В настоящее время принципы открытости, восприятия конфликта как ситуации, способствующей развитию городского пространства, всё ещё не в полной мере воплощаются в политико-управленческой практике. Для того чтобы трансформировать их, переводя из разряда угроз в разряд возможностей, необходимы комплексные институциональные и технологические изменения.

Библиографический список

1. Байнова, М. С. (2015). Земельные конфликты в процессе градостроительной деятельности. *Конфликтология*, (1), 161–181.
2. Дворникова, С. В. (2015). Городская конфликтологическая служба как институт конфликторазрешения социальных конфликтов на муниципальном уровне. В *Теоретико-концептуальные и методические подходы к развитию мировой науки и техники в XXI веке* (Материалы V Всероссийской научно-практической конференции (2 апреля 2015 г.)) (с. 47–53). Ростов-на-Дону.
3. Иванов, О. Б., Ильинская, Ю. И. (2017). Проблема типологии градостроительных конфликтов в России. Режим доступа http://e-notabene.ru/pr/article_22596.html
4. Кольба, А. И. (2016). Принципы политического управления городскими конфликтами. В О. В. Гаман-Голутвина, Л. В. Сморгун, Л. Н. Тимофеева (ред.) *Россия в условиях новой политической реальности: стратегия и методы развития* (Материалы Всероссийской научной конференции РАПН. Москва, РАНХиГС при Президенте РФ. 25–26 ноября 2016 г. (с. 145–146). Москва: РАПН.
5. Котляров, М. А. (2017). Экономические аспекты разрешения конфликтов в процессе градостроительной деятельности. *Академический вестник УралНИИпроект РААСН*, (1), 35–38.

6. Ледаев, В. Г. (2006). Социология власти: теория городских политических режимов. *Социологический журнал*, (3/4), 44–68.
7. Глухова, А. В. (ред.). (2012). *Модернизационный потенциал Воронежской области: опыт исследования и условия реализации* (Монография). Воронеж.
8. Трубина, Е.Г. (2011). *Город в теории: опыты осмысления пространства*. Москва: Новое литературное обозрение.
9. Тыканова, Е. В., Широканова, А. А. (2015). Коммуникативные модели конфликтного взаимодействия городских властей, бизнеса и горожан (на примере Санкт-Петербурга и Минска). В *Базовые модели и технологии GR и лоббизма в России и Беларуси: сравнительный анализ* (с. 118–124). Санкт-Петербург, Минск.
10. Тыканова, Е. В. (2013). Стратегии и тактики оспаривания городского пространства группами интересов (на примере конфликтов вокруг городского развития в Санкт-Петербурге). *Вестник Санкт-Петербургского университета*, Сер. 12, (1), 108–115.
11. Тыканова, Е. В., Хохлова, М. А. (2014). Конфликт прав собственности в постсоветском городе (на примере случая сноса гаражей в Санкт-Петербурге). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 5 (76), 109–126.
12. Тыканова, Е. В., Хохлова, М. А. (2015). Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство. *Журнал исследований социальной политики*, 13 (2), 241–256.
13. Чернова, Е. Б. (2014). Градостроительный конфликт как способ оздоровления города. Режим доступа <http://novayagazeta-vlad.ru/243/Obshchestvo/Gradostroitelniykonfliktkaksposobozdorovleniyagoroda>
14. Logan, J. & Molotch, H. (1988). *The City as a Growth Machine. In Urban Fortunes: the Political Economy of Place* (pp. 47–61). Berkley and Los Angeles: University of California Press.

Статья поступила в редакцию 14.10.2017.

.....

POLITICAL–INSTITUTIONAL AND COMMUNICATIVE ASPECTS OF INTERACTION OF SUBJECTS OF URBAN CONFLICTS (BASED ON EXPERT SURVEY)

Glukhova A. V., Kol'ba A.I., Sokolov A. V.

Glukhova Aleksandra Viktorovna, Voronezh State University, 394088, Russia, Voronezh, Nevsky Str., 15 V E-mail: avglukhova@mail.ru

Kol'ba Aleksey Ivanovich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar, Stavropolskaya Str., 149 E-mail: alivka2000@mail.ru

Sokolov Alexander Vladimirovich, Yaroslavl State University, 150000, Russia, Yaroslavl, Sovetskaya Str., 14 E-mail: alex8119@mail.ru

The study was funded by RFBR, the project № 16–03–00402 “The political management of urban conflicts in Russia: actors, strategies, institutional base”.

The article presents the results of a study conducted in September 2017 in three major regional centers in Russia — Voronezh, Krasnodar, Yaroslavl. The study was conducted in the form of an expert survey. Experts were asked to answer questions (half-open and open type), distributed over several blocks. The main objectives of the study were: to determine the

significance of factors affecting the occurrence of urban conflicts; Identification of the main subjects of urban conflicts and mechanisms for their interaction; study of constructive and destructive consequences of urban conflicts; studying the forms of development of urban conflicts and the conditions that affect their occurrence in one form or another; the identification of mechanisms and ways to manage urban conflicts and the dependence of their use on the institutional environment, as well as the direction of their use; Assessment of the effectiveness of internal and external communications of conflicting groups; consideration of formats and intensity of their coverage in the information space. Based on the experts' answers, the specifics of the conflict in the three mentioned cities were examined, and a comparative analysis was carried out, which made it possible to draw general conclusions.

Based on the results of the study, the most significant conflict factors were identified, the main types and subjects of urban conflicts (public, authority, business) were identified, the structure of constructive and destructive interactions between them was identified, institutional and communicative problems in their relations were identified. The authors come to the conclusion that the interaction of the subjects of conflicts is not balanced (in particular, the power structures do not fully fulfill the role of a "third party" in conflicts), which raises the problem of realizing the interests of large segments of the urban community. This problem threatens its stability and is fraught with growing social tensions in the urban environment.

Key words: urban conflict, political institutions, political communications, public, power, business, urban community.

References

1. Bajnova, M. S. (2015). Zemel'nye konflikty v processe gradostroitel'noj dejatel'nosti [Land Conflicts in The Process of Urban Development]. *Konfliktologija* [Conflictology], (1), 161–181.
2. Chernova, E. B. (2014). Gradostroitel'nyj konflikt kak sposob ozdorovlenija goroda [Town-Planning Conflict as Way of Improvement of the City]. Retrieved from <http://novayagazeta-vlad.ru/243/Obshchestvo/Gradostroitelnykonfliktkakspozobozdorovleniyagoroda>
3. Dvornikova, S.V. (2015). Gorodskaja konfliktologicheskaja sluzhba kak institut konfliktorazreshenija social'nyh konfliktov na municipal'nom urovne [City Conflict Service as an Institution of Conflict in The Resolution of Social Conflicts at The Municipal Level]. In *Teoretiko-konceptual'nye i metodicheskie podhody k razvitiyu mirrovoj nauki i tehniki v XXI veke* [In Theoretical-Conceptual and Methodological Approaches to The Development of World Science and Technology in The 21st Century] (Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference (April 2, 2015)) (pp. 47–53). Rostov-On-Don.
4. Glukhova, A. V. (Ed.). (2012). *Modernizacionnyj potencial Voronezhskoj oblasti: opyt issledovanija i uslovija realizacii* [Modernization Potential of the Voronezh Region: Experience of Research and Conditions of Implementation] (Monograph). Voronezh.
5. Ivanov, O. B. & Il'inskaja, Ju. I. (2017). Problema tipologii gradostroitel'nyh konfliktov v Rossii [The problem of typology of urban conflicts in Russia]. Retrieved from http://enotabene.ru/pr/article_22596.html
6. Kol'ba, A. I. (2016). Principy politicheskogo upravlenija gorodskimi konfliktami [Principles of political management of urban conflicts]. In O.V. Gaman-Golutvina, L.V. Smorgunov & L.N. Timofeeva (Eds.) *Rossija v uslovijah novoj politicheskoj real'nosti: strategija i metody razvitija* [Russia in conditions of a new political reality: strategy and methods of development] (Materials of the All-Russian Scientific Conference of the Russian Association

- of Political Science. Moscow, RASHiGS under the President of the Russian Federation (November 25–26, 2016) (pp. 145–146). Moscow: Russian Association of Political Science.
7. Kotljarov, M. A. (2017). Jekonomicheskie aspekty razreshenija konfliktov v processe gradostroitel'noj dejatel'nosti [Economic aspects of conflict resolution in the process of urban development]. *Akademicheskij vestnik UralNIIproekt RAASN* [Journal "Akademicheskij Vestnik UralNIIproekt RAASN"], (1), 35–38.
 8. Ledjaev, V. G. (2006). Sociologija vlasti: teorija gorodskih politicheskikh rezhimov [Sociology of Power: The Theory of Urban Political Regimes]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], (3/4), 44–68.
 9. Trubina, E.G. (2011). *Gorod v teorii: opyty osmyslenija prostranstva* [City in theory: the experiences of understanding the space]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.
 10. Tykanova, E. V. & Hohlova, M. A. (2014). Konflikt prav sobstvennosti v postsovetском gorode (na primere sluchaja snosa garazhej v Sankt-Peterburge) [Conflict of Property Rights in The Post-Soviet City (On The Example of the Demolition of Garages in St. Petersburg)]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 5 (76), 109–126.
 11. Tykanova, E. V. & Hohlova, M. A. (2015). Gorodskoj politicheskij rezhim v Sankt-Peterburge: rol' real'nyh i voobrazhaemyh "mashin rosta" v bor'be za gorodskoe prostranstvo [City political regime in St. Petersburg: the role of real and imaginary "growth machines" in the struggle for urban space]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [Journal of Social Policy Studies], 13 (2), 241–256.
 12. Tykanova, E. V. & Shirokanova, A. A. (2015). Kommunikativnye modeli konfliktного vzaimodejstvija gorodskih vlastej, biznesa i gorozhan (na primere Sankt-Peterburga i Minska) [Communicative Models of Conflict Interaction of City Authorities, Business and Citizens (On The Example of St. Petersburg and Minsk)]. In *Bazovye modeli i tehnologii GR i lobbizma v Rossii i Belarusi: sravnitel'nyj analiz* [Basic Models and Technologies of GR and Lobbying in Russia and Belarus: Comparative Analysis] (pp. 118–124). St. Petersburg, Minsk.
 13. Tykanova, E. V. (2013). Strategii i taktiki osparivaniya gorodskogo prostranstva grup-pami interesov (na primere konfliktov vokrug gorodskogo razvitija v Sankt-Peterburge) [Strategies and Tactics of Challenging Urban Space by Interest Groups (On The Example of Conflicts Around Urban Development in St. Petersburg)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Ser. 12* [Bulletin of St. Petersburg University, Ser. 12], (1), 108–115.
 14. Logan, J. & Molotch, H. (1988). *The City as a Growth Machine. In Urban Fortunes: the Political Economy of Place* (pp. 47–61). Berkley and Los Angeles: University of California Press.

КРИЗИС ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ИСПАНИИ В 2010-Х ГГ. И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

.....

Баранов А. В.

Баранов Андрей Владимирович, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Эл. почта: baranovandrew@mail.ru

В статье определены причины и основные аспекты кризиса партийной системы Испании в 2010-х гг., его последствия для реформ политической системы в целом. Исследование выполнено на основе исторического институционализма и концепции социокультурных размежеваний.

Кризис партийной системы Испании в 2010-х гг. стал следствием долгосрочных тенденций роста экономического и социального отчуждения граждан, элитарной замкнутости основных партий, коррупции, деградации форм представительства групповых интересов. Это вызвало рост недоверия к институту политических партий в целом и к постоянному двухпартийному доминированию в частности. Мировой экономический кризис стал катализатором глубинной трансформации партийной системы.

В итоге электорального цикла 2014–2016 гг. партийная система Испании преобразовалась из «несовершенной двухпартийной» в систему умеренного плюрализма. Сформировались новые партии в левом («Подemos») и правоцентристском («Граждане») сегментах системы, возросла роль регионалистских партий. Это сделало невозможными монопартийное правление и «каудильистский» стиль поведения, вынудило партии к компромиссам и поиску прагматических коалиций. Избиратели продемонстрировали на выборах 2015 и 2016 гг. устойчивость предпочтений.

Определены стратегии преодоления правительственного кризиса, предлагаемые партиями. Народная партия (НП) исходила из сохранения неолиберального политического курса и унитарного государства. Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) допускала частичные корректировки данной стратегии и постепенную федерализацию сверху, что привело к фрагментации партии. «Граждане» сыграли роль партии — маклера и дублёра НП, получившей выгоды от участия в создании правящей коалиции. Партия «Подemos» стремилась сохранить идеологическую непримиримость и, в меньшей мере, образовать коалицию левых с участием ИСРП, что нереалистично. Трансформация партийной системы идёт болезненно, она не завершена. Создание правительства Народной партии — вынужденный шаг, откладывающий разрешение конфликта. Прогнозируется рост нестабильности партийной системы Испании вследствие отказа элит от коренных реформ политической системы.

Ключевые слова: партийная система, Испания, кризис, политическая система, причины, проявления, последствия.

В условиях глобализации политические институты демократии, сформировавшиеся в эпоху модерна, в том числе партийные системы, подвергаются неизбежным трансформациям. Катализатором ускоренных перемен стал мировой экономический

кризис, с повышенной силой проявившийся в странах Южной Европы. Данные процессы развиваются конфликтно и приводят к кризису моделей партийного представительства общественных интересов, что особенно зримо проявляется в политиях с непрочными традициями демократии и этнотерриториальными рисками фрагментации. Политическая система Испании, достигшая консолидации демократии в итоге транзита 1976–1983 гг., испытывает в последнее десятилетие нарастающий кризис. Речь идёт о сложном становлении идеологий и политических организаций, оспаривающих сложившуюся политическую систему. Данный процесс многоаспектен, он идёт и в русле неосоциалистической критики неравенства (партия «Подemos»), и в рамках широкого спектра этнорегионалистских партий, в ряде регионов (Каталонии и Стране Басков) выдвигающих сепаратистские требования. Важны не только организационные трансформации партий, но и изменения повестки дня партийной конкуренции, способов политической коммуникации. Испанская партийная система демонстрирует в концентрированном виде, на наш взгляд, тенденции политического развития, которые проявляются также в Италии, Франции, Германии, Великобритании. Речь идёт о кризисе общественного доверия к политическим партиям и к базовому консенсусу в рамках либеральных, консервативных и социал-демократических ориентаций. Именно поэтому исследование данной темы обладает актуальностью.

Цель статьи — определить причины и основные аспекты кризиса партийной системы Испании в 2010-х гг., его последствия для политической системы страны. Это требует раскрыть проявления кризиса форм представительства групповых интересов, спада общественного доверия к политическим институтам. Необходимо выявить особенности поддержки основных партий на парламентских выборах 2015 и 2016 гг. Предполагается установить стратегии преодоления правительственного кризиса, выдвинутые основными партиями. В итоге будет оценена трансформация партийной системы Испании в 2010-х гг.

Среди исследований темы отметим теоретическую значимость работ П. Игнаци (Игнаци, 2010), Э. Уэйра (Ware, 2007) и Б. И. Макаренко (Макаренко, 2015). В них предложены современные трактовки типологии партийных систем, сравнительный анализ индикаторов их функционирования. Процесс европеизации политических партий в странах — участницах Европейского союза осмысливается И. Л. Прохоренко (Прохоренко, 2014). Значительное внимание уделяется влиянию политики Европейского союза и избирательной системы на партийную приверженность электората Испании (Арес Кастро-Конде, 2016; Баррейро Ривас, Перейра Лопес, Гарсиа Ипола, 2015). Обобщающие исследования партийной системы Испании провели Б. Н. Филд и К. Хаманн (Field, Hamann, 2009), Ф. Х. Льера (Llera, 2010, 239–316), В. М. Давыдов и В. П. Тоцкий (Давыдов, Тоцкий, 2006). Среди российских обобщающих исследований выделяются фундаментальностью работы С. М. Хенкина (Хенкин, 2013, 2017), В. Л. Верникова (Верников, 2016) и П. П. Яковлева (Яковлев, 2015). Причины и проявления кризиса партийной системы изучают

испанские социологи Ф. Бадиа и О. Сарсаденас (Badia, Sarsanedas, 2013), Х. Ридао Мартин (Ridao Martín, 2015), Х. Рама (Rama, 2016). Новым научным направлением стал анализ идеологии, стратегии и коммуникаций леворадикальной партии «Подемос», её взаимосвязей с массовыми протестными движениями (Мюллер Гонсалес, 2014; Торребланка, 2015; Хенкин, 2016). Нарастает значение работ о регионалистских и сепаратистских партиях Испании (Волкова, 2014).

Таким образом, исследования партийной системы Испании охватывают широкий круг аспектов и представляют динамично развивающуюся отрасль знаний. Но недостаточное внимание уделяется социально-классовым и социокультурным детерминантам партийных ориентаций избирателей, территориальной неравномерности поддержки партий. Полагаем, что правительственный кризис 2015–2016 гг. станет темой пристального внимания политических аналитиков.

Статья выполнена на основе исторического институционализма (Thelen, Steinmo, 1992) и концепции социокультурных размежеваний (Lipset, Rokkan, 1967). Исследования предшественников проводились в русле сравнительно-исторического подхода (Хенкин, 2017) и социального конструктивизма, системного подхода и идентитарного подхода (Прохоренко, 2014). Исторический институционализм даёт возможность оценить трансформации партийной системы и её элементов в качестве процесса, детерминированного траекторией предыдущего развития, соотношением ресурсных потенциалов конкурирующих акторов, а также социокультурными нормами и ценностными ориентациями участников политики. Концепция социальных размежеваний С. М. Липсета и С. Роккана важна для выявления долгосрочных факторов партийной приверженности граждан, а также позиционирования политических партий и движений, оценки ими повестки дня политического процесса. Концепция социальных размежеваний особенно ценна при определении пространственной фрагментации партийных систем, ярким примером чего является Испания. Применен в статье и сравнительный метод, а также вторичный анализ результатов анкетных опросов, проведённых общенациональной социологической службой «Метроскопия» и Центром социологических исследований (Barómetro electoral, 2017), Королевским институтом Элькано (Gonzalez Enriquez, 2016).

Эмпирическая основа работы включает в себя нормативно-правовые акты Королевства Испания (Конституцию 1978 г. и Органический закон от 27 июня 2002 г. «О политических партиях»), партийные программы и заявления, статистические итоги выборов депутатов Европейского парламента и Генеральных кортесов Испании, материалы социологических опросов, статьи в периодической печати.

Исходной точкой анализа выступает оценка партийной системы Испании (1977–2011 гг.) как элемента политической системы, сформированной в итоге перехода от авторитаризма к демократии. В отличие от других стран «волны демократизации» 1970-х гг.— Греции и Португалии в Испании новые политические институты формировались на основе консенсуса элит и пактов между основными

политическими силами, что привело к упрочению двухпартийной системы на длительный период.

Кроме удовлетворённости общества способами и итогами консолидации демократии весомым фактором стабильности партийной системы стал выбор её институционального дизайна. Согласно Конституции 1978 г. (*Constitucion Española*, 2006) и Органическому закону «О политических партиях» (*Ley Orgánica*, 2002) регистрация партий ведётся по заявительному принципу, в автономных сообществах образованы обособленные партийные системы. Партии получают государственное финансирование, что делает их картельными. Нижняя палата парламента — Конгресс депутатов (350 чел.) избирается по закрытым партийным спискам, с низким заградительным барьером 3%. Мандаты в Конгрессе депутатов распределяются по формуле д'Ондта. Прямые выборы большинства членов Сената (208 из 256 чел., остальные назначаются) проводятся одновременно с выборами депутатов нижней палаты не реже чем раз в четыре года. По подсчётам А. Г. Орлова, необходимое число голосов для получения депутатского мандата в нижней палате колеблется по 17 регионам в 5,15 раз (выигрывают малые автономные сообщества, а проигрывают густонаселённые). Среднее различие между набранными голосами и количеством полученных мест в Генеральных кортесах составляет 8,15%, что беспрецедентно много для пропорциональных систем (Орлов, 2009, 83–89). Испанская избирательная система приводит к диспаритетности политического представительства, завышая парламентское представительство двух основных партий более чем на 4% каждой (Llera, 2010, 243; Penades, Santiuste, 2013).

Роль правого центра в системе играет Национальная партия (НП, *Partido Popular*) — постфранкистская сила, имеющая консервативные ориентации и выражавшая интересы крупных и средних предпринимателей, верующих. Роль левого центра отводилась Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП, *Partido Socialista Obrero de España*). За неё голосовали в основном рабочие, фермеры, интеллектуалы, представители малого бизнеса. Две основные партии постоянно набирали на выборах в Генеральные кортесы (парламент) свыше 80% голосов, чередуясь у власти и обеспечивая стабильность системы. Партийная дисциплина депутатов высока, что затрудняет продвижение новых политических инициатив (Pérez Ventura, 2014). Эффективное число политических партий в Испании за 1977–2011 гг. колебалось в диапазоне от 2,33 до 2,93 (расчёты Б. И. Макаренко, 2015, 64). НП и ИСРП развивались от программного вида (по Р. Гюнтеру и Л. Даймонду) к всеохватному, всё более утрачивая свои идеологические и социально-классовые различия (Gunther, Diamond, 2003, 190). Данные изменения основывались на трансформациях иерархии идентичностей испанцев. За 1985–2009 гг. частота идентификаций респондентов с людьми тех же политических взглядов сократилась с 11,7 до 3,7%, а с лицами своей классовой принадлежности — с 24,6 до 8,8%, а выросла с 39,1 до 65,8% — со средним классом (Del Campo, Tezanos, 2010, 24–25). Такая тенденция сделала малоэффективной традиционную при пропорциональ-

ной избирательной системе стратегию партийного позиционирования на основе отчётливой программы (Макаренко, 2015, 57).

Вместе с тем партийная система, существовавшая до 2014 г., резонно названа И. В. Данилевич (Данилевич, 2007, 306) и Ф. Х. Льерой «несовершенной двухпартийной» (Llera, 2010, 246). НП и ИСРП с 1993 по 2000 и в 2004–2011 гг. не получали на выборах более 50% голосов каждая, что приводит их к вынужденному союзу с малыми регионалистскими партиями. Одна из основных партий — ИСРП организована по федералистскому принципу.

Партийная система Испании, как и других стран Евросоюза, проходит процесс европеизации — взаимопроникновения субнационального, национального и транснационального уровней деятельности, организации и идентичности. Европейская интеграция образовала единый надгосударственный центр принятия политических решений, а нормы европейского права подлежат имплементации в странах ЕС (Прохоренко, 2014, 32–34). Участвуя в выборах в Европарламент и работая в его фракциях, а также в органах Совета ЕС и Европейского совета, ведя дискуссии на общеевропейские темы, вырабатывая программы и лозунги в соответствии с европейской повесткой дня, партии Испании становятся более институционально гибкими. Внутри партий повышается идеологическая и организационная роль лидеров, экспертов и активистов, вовлечённых в деятельность европейских институтов. Европеизация достаточно выражена в общественном мнении Испании. Так, при опросе Королевского института Элькано (ноябрь 2015 г.) 44% респондентов поддержали превращение Евросоюза в федерацию (характерна повышенная поддержка именно сторонниками левых партий — 49% против 40% правых; лицами с высшим образованием — 51%).

Но, как полагает Ш. Муфф, стирание принципиальных различий между политикой системных партий (ситуация «постполитики») расширяет влияние новых, использующих протест, партий и движений (Муфф, 2014). Поскольку новые субъекты политики полностью лояльны европейской интеграции и довольно авторитарно проводят свою линию внутри партий, усиливается конфликт между партийными элитами и массовой базой поддержки партий, особенно основных, традиционных: НП и ИСРП. Протестные настроения выражаются как в экономическом аспекте — недовольстве монетаристскими антикризисными мерами, так и в политико-территориальном измерении — в росте популярности регионалистских и сецессионистских партий (Прохоренко, 2014, 35). Кроме этого, налицо общественный запрос на прагматические движения, которые не позиционировали бы себя в качестве партий.

«Государство автономий» в Испании, созданное в условиях демократического транзита полиэтничного общества, является унитарным децентрализованным, что закреплено в Конституции 1978 г. Основным законом фиксирует единый суверенитет испанской нации, отчётливо разделяя понятия «нация» и этноязыковые «национальности». Ст. 2 гласит: «Конституция основана на нерушимом единстве

испанской нации, единой и неделимой для всех испанцев Родине; она признаёт и гарантирует право на автономию для национальностей и регионов, её составляющих, а также солидарность между всеми ними» (Constitucion Española, 2006). Конституция признаёт автономные сообщества и наделяет их частью полномочий и предметов ведения власти. Различие между федерацией и испанским государством в том, что территориальные автономии имеют власть, производную от центральной власти; они не обладают конституционным статусом субъекта федерации. Автономные сообщества могли выбрать уровень своего статуса — базовый либо повышенный. Но некоторые политические институты «государства автономий» ближе федерализму, а не унитарному государству. Так, статуты (уставы) автономных сообществ принимаются на региональных референдумах и не могут быть пересмотрены в одностороннем порядке центральными властями. Характер компетенций автономных сообществ регламентируется соглашениями между Испанией и каждым конкретным сообществом, что создаёт асимметрию статусов 17 регионов. В каждом из автономных сообществ (особенно в Стране Басков и Каталонии) постепенно сформировалась своя совокупность акторов политики, использовавших специфику нормативной и организационной систем региональной власти для увеличения своего влияния.

«Государство автономий» — изменяющаяся политико-территориальная система. В 2000-х гг. стала нарастать критика «государства автономий». Автономные сообщества требовали наделить их дополнительными полномочиями. ИСРП в период своего пребывания в оппозиции (до 2004 г.) предлагала: сделать Сенат полноценной палатой территориального представительства; сформировать Конференцию председателей автономных сообществ с правами специализированного института взаимодействия между регионами и центральной исполнительной властью; признать полиэтничность Испании и перспективу федерализации государства; наделить органы власти Страны Басков дополнительными компетенциями. С аналогичными предложениями выступили некоторые политологи и государственеды (Moreno Fernandez, 2008). Правительство ИСРП во главе с Х. Л. Родригесом Сапатеро в 2005–2006 гг. приступило к реформам, намереваясь увеличить права автономных сообществ как в отношениях с ЕС, так и с национальными властями. В том числе с 2004 г. организованы ежегодные конференции председателей правительств автономий с участием премьер-министра Испании; проводятся секторальные конференции отраслевых ведомств; наращивается доля регионов и местных сообществ в распределении бюджетных средств. Правительство ИСРП согласилось повысить статус ряда автономных сообществ, прежде всего Каталонии, что усилило региональную фрагментацию партийной системы. Новая редакция Статута Каталонии после острых дискуссий увеличила полномочия и предметы ведения данного сообщества в международных отношениях, судебной и финансовой сферах; каталонцы впервые определены как нация; установлено обязательное знание и употребление в публичной сфере региона обоих языков — каталанского и кастильского (Волкова, 2014, 70–91).

Но последовательная и полноценная федеративная реформа не была проведена, дело свелось к частичным мерам. Консенсус основных партий по вопросу конституционной реформы отсутствует. ИСРП поддерживает осторожную федерализацию, а правящая с 2011 г. Народная партия непримиримо отстаивает статус-кво. Экономический кризис 2008–2013 гг. привёл к отказу многих автономных сообществ выполнять бюджетные и долговые обязательства (2012 г.), а органы власти Каталонии перешли от федералистских к сепаратистским требованиям.

Судя по массовому опросу Королевского института Элькано (выборка 1002 чел. старше 18 лет, пропорциональная по полу, возрасту и месту жительства, ноябрь 2015 г.), общественное мнение разделилось поровну в отношении конституционной реформы. Среди респондентов 30% считают «очень хорошим» предложение превратить Испанию в федеративное государство; 12% — «хорошим»; 28% — «плохим» и 14% — «очень плохим». Важно, что в Каталонии федерализацию Испании поддержали 63% опрошенных. Поддержка федерализации отчётливо сосредоточена среди сторонников левых партий (61%), молодёжи (51%) (Gonzalez Enriquez, 2016).

Дисфункции партийной системы стали нарастать в условиях мирового экономического кризиса, из которого экономика Испании начала выходить лишь в 2014 г. За 2008–2014 гг. ВВП Испании сократился в абсолютном измерении на 5,2%, инвестиции в основной капитал — на 40,5%, а государственный долг вырос с 40,1 до 98,3% ВВП страны. Неолиберальная экономическая политика привела к росту уровня безработицы с 11,2 до 24,4% экономически активного населения, к увеличению социальной дифференциации (Яковлев, 2015, 15). Кризис разбалансировал отношения центра и регионов. Летом 2012 г. автономные сообщества предъявили ультиматум национальному правительству, отказываясь выплачивать свои долговые обязательства. Коррупционные скандалы (особенно разоблачение «чёрной кассы» функционера НП Л. Барсенаса) снизили уровень доверия не только правящей с 2011 г. Народной партии, но и политической системе в целом.

Анализ степени доверия испанцев политическим партиям на протяжении 2006–2016 гг. (по данным социологической службы «Метроскопия») подтверждает пониженный уровень и отрицательную динамику уровня доверия. Так, в 2006 г. были удовлетворены основными партиями 75% опрошенных испанцев (Данилевич, 2007, 307). В ноябре 2016 г. опрос 3500 чел. (погрешность 1,7%) зафиксировал рекордно низкий уровень доверия партиям — 20% во всей выборке. Для сравнения: доверяют руководству государства 72% респондентов, 50% — Верховному трибуналу, 40% — правительству и 26% — парламенту (Toharia, 2016). Значительные различия уровня доверия политической системе отмечены в зависимости от партийных симпатий опрошенных. Наиболее оптимистичны сторонники правящей Народной партии — 57%. Близок уровень доверия в сравнении электората центристской партии «Граждане» (“Ciudadanos”) — 36% и ИСРП — 31%. Самый низкий уровень доверия политической системе — у сторонников леворадикального блока «Вместе мы можем» (“Unidos Podemos”) и его региональных союзников — 21% (Camas

García, 2016). Следовательно, запрос на коренную реформу партий сосредоточен среди сторонников социализма.

Общественные запросы во многом расходятся со стереотипами деятельности традиционных партий. По опросам Группы исследований социальных тенденций, в иерархии общественных проблем испанцы ставили на первое место безработицу (прирост упоминаний с 47,4% в 2007 г. до 77,3% в 2009 г.) и экономический кризис (прирост с 12,3 до 27,3%), неэффективность партий (до 22,1% в 2011 г.). (Estudio Barómetro, 2011, 3). Данные Центра социологических исследований за май 2017 г. подтверждают эту иерархию проблем. На первом месте по тяжести — безработица (71,3% ответов), на втором — коррупция (54,3%), на третьем — экономические трудности (21,3%), на четвертом — качество политики (18,1%) (Se dispara, 2017). Удельный вес полагающих, что неравенство доходов чрезмерно, составил в 2009 г. 64,7% респондентов. Считали в 2007 г., что есть равенство возможностей в получении доходов, лишь 19,1% опрошенных (Tezanos, 2010, 120–121, 123–127). По мнению испанцев (2007 г.), наиболее сильными являются конфликты между богатыми и бедными — 53,8% упоминаний, предпринимателями и трудящимися — 44,5%, безработными и занятыми — 31,8% (Tezanos, 2010, 137).

По мнению растущего числа респондентов, их значимые интересы слабо представлены основными партиями и в партийной парламентской активности. Отмечается отсутствие конструктивного диалога между правящей партией и оппозицией по вопросам выхода из кризиса и реформирования политической системы, слабость делиберативных процедур. По данным опроса Группы исследований социальных тенденций (2007 г.), только 44,6% респондентов признают действенность подачи петиций и борьбы с несправедливостью (Tezanos, 2010, 127). Многие граждане чувствуют себя отчужденными от принятия властных решений и слабо могут контролировать политические позиции партий: «Они называют это демократией, но это не она» (Alvarez, Gallego, Gandara, Rivas, 2011).

Социальный протест развивается по двум взаимосвязанным линиям: рост антисистемных леворадикальных инициатив (в 2011 г. организовались народные ассамблеи и “Indignados” — «Возмущенные», сначала называвшиеся «Движением 15 мая»), а также регионального этносепаратизма в Каталонии. Характерно, что движение «Возмущенные» и выросшая из него партия «Подemos» имеют сетевой тип организационного строения и коммуникаций (состоят из равноправных «кружков» — los círculos), а многие решения принимают путём достижения внутреннего консенсуса (Kneuer, Richter, 2016). Движение «Возмущенные» выступило против политических партий и профсоюзов как устаревших форм активности, требуя «немедленного установления реальной демократии» (Alvarez, Gallego, Gandara, Rivas, 2011).

Выборы депутатов Генеральных кортесов 20 ноября 2011 г., проходившие при высокой явке электората — 71,7% (на 4,9% ниже предыдущих выборов), во многом сохранили двухпартийную систему, поскольку избиратели были поставлены

Результаты парламентских выборов по партийным спискам в Испании,
2011–2016 гг., % от явки / мандаты

Партии и блоки	Конгресс депутатов, 2011 г.	Европейский парламент, 2014 г.	Конгресс депутатов, 2015 г.	Конгресс депутатов, 2016 г.
Народная партия	44,6/186	26,1/16	28,7/123	33,0/137
Испанская социалистическая рабочая партия	28,8/110	23,0/14	22,0/90	22,6/85
“Ciudadanos” («Граждане»)	–	3,2/2	13,9/40	13,1/32
Леворадикальные партии и блоки	6,9/11	20,1/11	21,7/69	21,1/71
Региональные партии Каталонии	5,2/14	4,0/2	4,6/17	4,6/17
Региональные партии других автономных сообществ	5,2/19	7,3/4	6,5/11	2,4/8
Иные партии и блоки	9,3/10	16,3/5	2,6/0	3,2/0
Итого	100/350	100/54	100/350	100/350

Примечание. Леворадикальные партии и блоки: в 2011 г. — «Объединённые левые» (“Izquierda Unida”), в 2014 г. — «Плюральные левые» (“La Izquierda Plural”), «Мы можем» (“Podemos”) и «Народы решают» (“Los Pueblos Deciden”), в 2015 г. — “Podemos”, «Вместе мы сможем» (“En Comú Podem”), «Народное единство: объединённые левые, Народное единство вместе» (“Unidad Popular: Izquierda Unida, Unidad Popular en Común”); в 2016 г. — «Объединённые — мы можем» (“Unidos Podemos”), «Вместе мы сможем — добьёмся изменений» (“En Comú Podem-Guanyem el Canvi”), «Мы можем — Компромисс — Объединённые левые Валенсианской страны» (“Podemos — Compromís — EUPV”), «На море — мы можем» (“En Marea — Podemos”).

перед фактом ограниченного предложения (см. таблицу). Народная партия сменила у власти ИСРП, беспомощную перед лицом экономического и социального кризиса. Как отмечает А. А. Куракина-Дамир, впервые партийные лидеры имели столь низкий и падающий в ходе кампании рейтинг популярности. За три дня до выборов 75% респондентов не испытывали доверия к лидерам ИСРП и НП. Это открыло возможность масштабной волатильности — оттока голосов 9,8% явившихся на выборы в пользу альтернативных партий и блоков (Куракина-Дамир, 2012, 51, 54). В итоге совокупная поддержка НП и ИСРП снизилась с 83,8 до 73,5% явившихся на выборы. Новым стало представительство в Конгрессе депутатов 14 партий вместо 10. Увеличила участие оппозиция — «Объединённые левые», каталонская правоцентристская «Конвергенция и союз», баскская леворадикальная «Амайур» (Elecciones generals, 2011).

Вскоре логика электоральной конкуренции сделала неизбежным перерастание протестных леворадикальных и антиглобалистских движений в партию «Подemos» (январь 2014 г.). Её документы отвергают власть глобальных элит и так называемой касты, к которой относят правящие элиты, включая руководство

традиционных партий. «Подемос» и её лидер П. Иглесиас Туррион усматривают цели в кардинальной смене общественной и политической системы, в создании «прямой демократии», государственном перераспределении доходов. «Подемос» — единственная из общеиспанских партий, поддерживающая проведение референдума о статусе Каталонии, не оспаривая сохранение государственного единства (Iglesias, 2014; Müller González, 2014, 80).

Выборы депутатов Европейского парламента в Испании (май 2014 г.) знаменательны качественным ростом поддержки оппозиционных, в основном — леворадикальных партий при низкой активности электората (см. таблицу). Совокупная поддержка НП и ИСРП снизилась с 80,9 до 49,1% явившихся на выборы, а поддержка левых партий и блоков «Плюральные левые», «Мы можем» (“Podemos”) и «Народы решают» выросла в 4 раза и достигла 20,1% явки. Важно, что половину голосов левого электората аккумулировала партия «Подемос», образованная за два месяца до голосования (Elecciones europeas, 2014). Утрата 40% прежних мандатов привела к отставке лидера ИСРП А. Переса Рубалькабы и его замене на 43-летнего П. Санчеса Переса-Кастехона, представителя левого крыла партии. На местных выборах весной 2015 г. «Подемос» и другие новые партии завоевали посты алькальдов (мэров) четырех крупнейших городов страны: Мадрида, Барселоны, Валенсии и Сарагосы.

В правоцентристском сегменте испанской партийной системы также совершилась масштабная перегруппировка сил. В конце 2014 г. начался рост влияния новой партии «Граждане» (“Ciudadanos”) во главе с А. Риверой Диасом. Партия позиционирует себя как принципиальная сторонница транспарентности политики и противница коррупции, защитница социальных программ государства благоденствия и государственного единства, субъект модернизации демократии и политической культуры (350 soluciones, 2017). «Граждане» претендуют на центральный электорат и являются конкурентом прежде всего Народной партии. Как и «Подемос», «Граждане» активно применяют популистские обещания.

Со строительством сильной партии в лице «Подемос» согласны не все сторонники антисистемных движений, и это привело в 2015–2016 гг. к размежеванию внутри леворадикального лагеря (выход из «Подемос» одного из её основателей Х. К. Монедеро Фернадеса-Гала). Потребность увеличить электоральную поддержку привела к непоследовательности лозунгов «Подемос», к значительному смягчению и непоследовательности их программы. В декабре 2014 г. П. Иглесиас избран генеральным секретарём партии, что противоречит исходному сетевому принципу построения «Подемос». Проявляются растущие разногласия между генеральным секретарем партии П. Иглесиасом (лидером радикального крыла) и секретарем И. Эррехоном (сторонником социал-демократической адаптации партии). Неполно оправдалась тактика 2016 г. — идти на парламентские выборы несколькими блоками, что вызвало раздробление фракции в кортесах.

В стане регионалистских партий отметим значительный сдвиг ориентаций влево. Долго правившая в Каталонии правоцентристская коалиция «Конвергенция

и союз» уступила на региональных и национальных выборах 2015 и 2016 гг. «Левым республиканцам Каталонии». В Стране Басков выиграл на региональных выборах левоцентристский блок «Бильду». Важным новым явлением стал успех региональных предвыборных коалиций, аффилированных с «Подemos» в Галисии, Валенсии и Каталонии (подробнее см.: Баранов, 2016).

Выборы депутатов Генеральных кортесов 20 декабря 2015 г. закрепили трансформацию партийной системы (см. таблицу). Основные старые партии — НП (28,7% голосов) и ИСРП (22,0%) совокупно получили 50,7% голосов и 60,9% мест в Конгрессе депутатов, что сделало невозможным создание однопартийного правительства консерваторов.

Король трижды поочередно предлагал формировать кабинет лидерам НП и ИСРП. Но обе партии исходили из приоритета изоляции «Подemos», получившей 21,7% голосов и 19,1% мандатов (Consulta de Resultados, 2015). Лидер Народной партии М. Рахой предлагал большую коалицию НП и ИСРП, неизбежно отвергнутую социалистами из опасений утратить общественную поддержку. Все оппозиционные партии отказывались от коалиции с партией относительного большинства — НП. Невозможна по идеологическим мотивам была и левоцентристская коалиция ИСРП, «Граждан» и «Подemos».

В случае отсутствия абсолютного большинства депутатов нижней палаты (176 чел.) при утверждении кандидатуры главы правительства возможны досрочные выборы. До 2016 г. эта норма не применялась. Теперь же стали неотвратимы роспуск парламента и назначение внеочередных выборов.

Выборы Генеральных кортесов 26 июня 2016 г. подтвердили устойчивость предпочтений граждан. Народная партия увеличила представительство в нижней палате с 123 до 137 депутатов, ИСРП — снизила с 90 до 85, «Подemos» и её региональные союзники — нарастили с 69 до 71, «Граждане» — уменьшили с 40 до 32. Но небольших подвижек влияния хватило для того, чтобы обеспечить формирование коалиционного правительства НП и малых региональных партий (премьер-министр М. Рахой Брей) при поддержке «Граждан» и нейтралитете социалистов. «Граждане» и ИСРП подтвердили лояльность политической системе и отказ от участия в кардинальных реформах. Создание правительства Народной партии — вынужденный шаг, откладывающий разрешение конфликта. Народной партии, не имеющей абсолютного большинства в парламенте, будет трудно сохранить свою власть на протяжении всего срока полномочий Генеральных кортесов — 4 лет.

На наш взгляд, кризис партийной системы нельзя считать завершённым, поскольку не совершился пересмотр правовых норм партийной конкуренции, не перестроены практики взаимодействий акторов политики. Подтверждение тому — безуспешное обсуждение в Конгрессе депутатов вотума недоверия правительству НП (июнь 2017 г.). Против отставки правительства М. Рахой проголосовали 170 депутатов (НП, «Граждане», «Союз народа Наварры», «Астурийский форум» и «Канарская коалиция»), «за» — только 82 («Унидос Подemos», «Левые республи-

канцы Каталонии» и «Бильду»), а 97 конгрессменов от ИСРП, Демократической европейской каталонской партии, Баскской националистической партии и «Новых Канар» воздержались (Unidos Podemos, 2017). Данное соотношение сил повторяет сложившееся при голосовании о формировании правительства 30 октября 2016 г. Противоречивы тенденции развития ИСРП. Лидер левого крыла П. Санчес, вынужденный подать в отставку с поста руководителя партии осенью 2016 г., победил на выборах генерального секретаря ИСРП в мае 2017 г. (Diez, 2017), что может привести к смене позиционирования партии.

Степень устойчивости политической системы Испании и стабильности «государства автономий» снижается, хотя экономический подъём 2014–2017 гг. сдерживает этот объективный процесс. В общеполитическом аспекте назрела конституционная реформа, предполагающая повышение роли Сената и отчётливую регламентацию процедур принимаемых политических решений. В территориальном аспекте основным риском является рост сепсессионизма в Каталонии. Преобладание в региональном парламенте получила с 2014 г. коалиция во главе с «Левыми республиканцами Каталонии», претендующими на воссоединение каталонских земель в составе не только Испании, но и Франции, Италии. 1 октября 2017 г. власти автономного сообщества провели референдум о независимости (Referendum, 2017), который центральными властями признан незаконным.

Итак, кризис партийной системы Испании в 2010-х гг. стал следствием долгосрочных тенденций роста экономического и социального отчуждения граждан, элитарной замкнутости основных партий, коррупции, деградации форм представительства групповых интересов. Это вызвало рост недоверия к институту политических партий в целом и к постоянному двухпартийному доминированию в частности. Мировой экономический кризис стал катализатором глубинной трансформации партийной системы.

В итоге электорального цикла 2014–2016 гг. партийная система Испании преобразовалась из несовершенной двухпартийной в систему умеренного плюрализма. Сформировались новые партии в левом («Подemos») и правоцентристском («Граждане») сегментах системы, возросла роль регионалистских партий. Это сделало невозможными монопартийное правление и старый «каудильистский» стиль поведения, вынудило партии к компромиссам и созданию прагматических коалиций. Избиратели продемонстрировали в течение трёх кампаний за 13 месяцев устойчивость своих предпочтений.

Определены стратегии преодоления правительственного кризиса, предлагаемые основными партиями. Народная партия исходила из сохранения неоллиберального политического курса и унитарного государства. ИСРП допускала частичные корректировки данной стратегии и постепенную федерализацию сверху, что привело к фрагментации партии. «Граждане» сыграли роль партии — маклера и дублёра НП, получившей выгоды от участия в создании правящей коалиции. «Подemos» стремились сохранить идеологическую непримиримость и, в меньшей

мере, образовать коалицию левых сил с участием ИСРП, что сейчас остаётся нереалистичным. Как доказал правительственный кризис 2016 г., когда партии 10 месяцев не могли договориться о создании правительственной коалиции, трансформация партийной системы идёт болезненно, и она не завершена. Создание правительства Народной партии с участием малых партий — вынужденный шаг, откладывающий разрешение конфликта.

Специалистами прогнозируется рост нестабильности партийной системы Испании вследствие отказа элит от коренных реформ политической системы. Поворотной вехой в развитии кризиса может стать незаконный референдум о статусе Каталонии, проведенный 1 октября 2017 г.

Библиографический список

1. Баранов, А. В. (2016). Кризис испанского «государства автономий» и радикализация сепаратистского движения в Каталонии: взаимовлияние. *Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС*, 12 (1), 143–155.
2. Верников, В. Л. (2016). Выиграли выборы — проиграли власть. Сюрпризы «Испанской партии». *Современная Европа*, (3), 32–41.
3. Волкова, Г. И. (2014). *Испания и регионы: политические вызовы и приоритеты XXI века*. Москва.
4. Давыдов, В. М., Тоцкий, В. П. (2006). Ведущие политические силы в демократическом контексте. В *Испания: траектория модернизации на исходе двадцатого века* (с. 75–120). Москва.
5. Данилевич, И. В. (2007). Партии и политика в государстве автономий. В *Испания. Анфас и профиль* (с. 305–361). Москва.
6. Игнаци, П. (2010). Партии и демократия в постиндустриальную эру. *Политическая наука*, (4), 49–76.
7. Куракина-Дамир, А. А. (2012). Выборы — 2011: победа Народной партии. В *Иберийские страны: трудный старт в XXI век* (с. 47–56). Москва.
8. Макаренко, Б. И. (2015). Институт политической партии в сравнительном контексте. В *Партии и партийные системы: современные тенденции развития* (с. 12–58). Москва.
9. Муфф, Ш. (2014). Большинство стран Европы находится в постполитической ситуации. Режим доступа <http://gefter.ru/archive/11075>
10. Орлов, А. Г. (2009). Избирательная система Испании. В *Современные избирательные системы. Вып. 3: Испания, США, Финляндия, Япония* (с. 9–92). Москва.
11. Прохоренко, И. Л. (2014). Проблема европеизации национальных политических партий в государствах — членах Европейского союза. *Человек. Сообщество. Управление*. Краснодар, (3), 32–40.
12. Хенкин, С. М. (2013). Системный кризис испанской политики. *Мировая экономика и международные отношения*, (7), 38–42.
13. Хенкин, С. М. (2016). Феномен Подемос. *Иberoамериканские тетради*, 1 (11), 15–28.
14. Хенкин, С. М. (2017). Партийно-политическая система Испании на перепутье. *Мировая экономика и международные отношения*, (4), 71–80.

15. Яковлев, П. П. (2015). Испания: основные черты посткризисной реальности. В *Испания на выходе из кризиса* (с. 13–48). Москва.
16. Alvarez, K., Gallego, P., Gandara, F., Rivas, O. (2011). *Nosotros, Los Indignados: Los Voces Comprometidas del #15-M*. Barcelona.
17. Ares Castro-Conde, C. (2016). A quien le importa Europa? La UE en las elecciones generales españolas de 2011. *Politica y sociedad*, 53 (1), 217–258.
18. Badia, F., Sarsanedas, O. (2013). Spain's party system. The nobody-wins situation. Retrieved from http://www.cidob.org/en/publications/articulos/spain_in_focus/july_2013/spain_s_party_system_the_nobody_wins_situation
19. Barómetro del Real Instituto Elcano (BRIE). 37a Oleada (2016). Madrid. Retrieved from http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/943d0a804b644165add8bf6eea369edc/37BRIE_Informe_Enero2016.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=943d0a804b644165add8bf6eea369edc
20. Barómetro electoral: julio 2017. (2017). Retrieved from <http://metroscopia.org/barometro-julio-2017/>
21. Barreiro Rivas, X. L., Pereira López, M., García Hípola, G. (2015). Los efectos sobre el voto de la campaña electoral en las elecciones europeas de 2014 en España. *Revista Española de Ciencia Política*, 39, 67–93.
22. Camas García, F. (2016). Confianza institucional: de los defensores del PP a los críticos de Unidos Podemos. Retrieved from <http://metroscopia.org/confianza-institucional-de-los-defensores-del-pp-a-los-criticos-de-unidos-podemos/>
23. *Constitucion Española Explicada*. (2006). Madrid: Ed. Londonbil S. L.
24. Consulta de Resultados Electorales. (2015). Retrieved from <http://www.infoelectoral.mir.es/infoelectoral/min/busquedaAvanzadaAction.html>
25. Del Campo, S., Tezanos, J. F. (2010). Modernización y cambio social en la España actual. In *España. Una sociedad en cambio* (pp. 11–32). Madrid.
26. Díez, A. (2017). Pedro Sánchez vuelve a ser el secretario general del PSOE. El País. 23 de mayo. Retrieved from https://politica.elpais.com/politica/2017/05/21/actualidad/1495392291_548232.html
27. Elecciones europeas. (2014). Resultados 2014. Total España. Retrieved from <http://resultados.elpais.com/elecciones/2014/europeas/index.html>
28. Elecciones generales. (2011). Total España. Retrieved from <http://resultados.elpais.com/elecciones/2011/generales/congreso/>
29. Elecciones generales. (2016, 26 de junio). Retrieved from www.resultados.elpais.com/elecciones/generales.html
30. Estudio Barómetro de mayo (2011). Madrid: Centro de investigaciones sociológicas, 2.888.
31. Field, B. N., Hamann, K. (2009). *Democracy and institutional development: Spain in comparative theoretical perspective*. Houndmills, Basingstoke, New York.
32. Gonzalez Enriquez, C. (2016). Los españoles ante el Estado de las autonomías y una posible reforma federalista. Retrieved from http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/observatoriomarcaespana/comentario-gonzalez-enriquez-espanoles-ante-estado-autonomias-posible-reforma-federalista

33. Gunther, R., Diamond, L. (2003). Species of Political Parties: A New Typology. *Party Politics*, 9 (2), 167–199.
34. Iglesias, P. (2014). *Disputar la Democracia*. Madrid: Acal.
35. Kneuer, M., Richter, S. (2016). Global Crisis — National Protests. How Transnational Was the Online Communication of the Occupy and Acampada Indignation Movements? In *Political Communication in Times of Crisis* (pp. 193–208). Berlin.
36. Ley Orgánica 6/2002, de 27 de junio, de Partidos políticos. (2002). Texto consolidado. Última modificación: 31 de marzo de 2015 In *Boletín oficial del estado*. Madrid, 154, de 28 de junio. Retrieved from <https://www.boe.es/buscar/pdf/2002/BOE-A-2002-12756-consolidado.pdf>
37. Lipset, S. M., Rokkan, S. (1967). Cleavage structures, party system and voter alignment. An introduction. In *Party System and Voter Alignment* (pp.1–64). New York.
38. Llera, F. J. (2010). La política en España: Elecciones y partidos políticos. In *España. Una sociedad en cambio* (pp. 239–316). Madrid.
39. Moreno Fernandez, L. (2008). *La Federalización de España: Poder Político y Territorio. Nueva Edición Actualizada*. Madrid.
40. Müller González, J. F. (Ed.). (2014). *Podemos. Desconstruyendo a Pablo Iglesias*. Barcelona.
41. Penades, A., Santiuste, S. (2013). La desigualdad en el sistema electoral español y el premio a la localización del voto. *Revista española de ciencia política*, 32, 89–116.
42. Pérez Ventura, J. (2014). El bipartidismo en España. Retrieved from <http://elordenmundial.com/2014/05/21/el-bipartidismo-en-espana/>
43. Rama, J. (2016). *Crisis económica y sistema de partidos. Síntomas de cambio político en España*. Barcelona.
44. Referendum called for October 1 2017. (2017). Retrieved from http://www.catalangovernment.eu/pres_gov/AppJava/government/news/303114/referendum-called-october-1.html
45. Ridao Martín, J. (2015). La Crisis del estado de partidos o "Ahora sí que viene el lobo". *Teoría y Realidad Constitucional*, 35, 479–510.
46. Se dispara la preocupación de los españoles por la corrupción, según el CIS. (2017). Retrieved from <http://www.heraldo.es/noticias/nacional/2017/06/06/se-dispara-preocupacion-los-espanoles-por-corrupcion-segun-cis-1179952-305.html>
47. Tezanos, J. F. (2010). Desigualdades y estratificación social en España. In *Una sociedad en cambio* (pp. 101–152). Madrid.
48. Thelen, K., Steinmo, S. (1992). Historical institutionalism in comparative politics. In S. Steinmo et al (Eds.). *Structuring politics* (pp. 1–32). Cambridge.
49. Toharia, J. J. (2016). Confianza en las instituciones: España en perspectiva comparada. Retrieved from <http://metroscofia.org/confianza-en-las-instituciones-espana-en-perspectiva-comparada/>
50. Torreblanca, J. I. (2015). *Asaltar los cielos: Podemos o la política después de la crisis*. Barcelona.
51. Unidos Podemos pierde la moción de censura contra Rajoy. (2017). El País. Madrid, 13 de junio. Retrieved from https://politica.elpais.com/politica/2017/06/13/actualidad/1497330380_345578.html
52. Ware, A. (2007). *Political parties and party systems*. Oxford.

53. 350 soluciones para cambiar España a major. (2017). Retrieved from <https://www.ciudadanos-cs.org/nuestro-proyecto> Ware, A. (2007). *Political parties and party systems*. Oxford.

Статья поступила в редакцию 18.08.2017.

.....

CRISIS OF THE PARTY SYSTEM OF SPAIN IN THE 2010S AND ITS POLITICAL CONSEQUENCES

Baranov A. V.

Baranov Andrey Vladimirovich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar,
Stavropolskaya Str., 149
E-mail: baranovandrew@mail.ru

The article defines the causes and main aspects of the crisis of the party system of Spain in the 2010-s, its consequences for the reforms of the state of autonomies. The research was carried out on the basis of historical institutionalism and concept of sociocultural disengagement.

As a result of the electoral cycle 2014–2016 Spanish party system transformed from an “imperfect bipartisan” into a system of moderate pluralism. New parties formed in the left (“Podemos”) and center-right (“Citizens”) segments of system, the role of regionalist parties increased. This made one-party government impossible and the old “caudillistic” style of behavior forced the parties to compromise and create pragmatic coalitions. Voters demonstrated stability of their preferences.

The strategies for overcoming the government crisis, proposed by the main parties, are determined. The People’s Party proceeded from the preservation of the neoliberal political course and unitary state. The PSOE allowed for partial adjustments to this strategy and gradual federalization “from above”, that led to fragmentation of own party. “Citizens” played the role of a party-broker and “backup” NP, who benefited from participation in the creation of ruling coalition. “Podemos” sought to maintain ideological intransigence and, to a lesser extent, form coalition of leftist forces with the participation of PSOE, that is now unrealistic. The transformation of party system is painful, and it is not complete. The growth of instability of the Spanish party system is predicted as a result of the refusal of elites from the fundamental reforms of the state of autonomies.

Key words: party system, Spain, crisis, state of autonomies, causes, manifestations, consequences.

References

1. Alvarez, K., Gallego, P., Gandara, F. & Rivas, O. (2011). *Nosotros, Los Indignados: Los Voces Comprometidas del #15-M*. Barcelona.
2. Ares Castro-Conde, C. (2016). A quien le importa Europa? La UE en las elecciones generales españolas de 2011. *Politica y sociedad*, 53 (1), 217–258.
3. Badia, F. & Sarsanedas, O. (2013). Spain’s party system. The nobody-wins situation. Retrieved from http://www.cidob.org/en/publications/articulos/spain_in_focus/july_2013/spain_s_party_system_the_nobody_wins_situation
4. Baranov, A. V. (2016). Krizis ispanskogo “gosudarstva avtonomij” i radikalizaciya separatistskogo dvizheniya v Katalonii: vzaimovliyanie [The Crisis of the Spanish “State of Autonomies” Andthe Radicalization of the Separatist Movement in Catalonia: Mutual

- Influence]. *Politicheskaya ekspertiza. POLITEKS* [Political Expertise. POLITEX], 12 (1), 143–155.
5. Barómetro del Real Instituto Elcano (BRIE). 37a Oleada (2016). Madrid. Retrieved from http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/943d0a804b644165add8bfefaa369edc/37BRIE_Informe_Enero2016.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=943d0a804b644165add8bfefaa369edc
 6. Barómetro electoral: julio 2017. (2017). Retrieved from <http://metroscopia.org/barometro-julio-2017/>
 7. Barreiro Rivas, X. L., Pereira López, M. & García Hípola, G. (2015). Los efectos sobre el voto de la campaña electoral en las elecciones europeas de 2014 en España. *Revista Española de Ciencia Política*, 39, 67–93.
 8. Camas García, F. (2016). Confianza institucional: de los defensores del PP a los críticos de Unidos Podemos. Retrieved from <http://metroscopia.org/confianza-institucional-de-los-defensores-del-pp-a-los-criticos-de-unidos-podemos/>
 9. Constitución Española Explicada. (2006). Madrid: Ed. Londonbil S. L.
 10. Consulta de Resultados Electorales. (2015). Retrieved from <http://www.infoelectoral.mir.es/infoelectoral/min/busquedaAvanzadaAction.html>
 11. Danilevich, I. V. (2007). Partii i politika v gosudarstve avtonomij [Parties and Politics in the State of Autonomies]. In *Ispaniya. Anfas i profil'* [Spain: Anfas and Profile] (pp. 305–361). Moscow.
 12. Davyidov, V. M. & Totiskij, V. P. (2006). Vedushie politicheskie sily v demokraticeskom kontekste [Leading Political Forces in Democratic Context]. In *Ispaniya: traektoriya modernizacii na ishode dvadtsatogo veka* [Spain: The Trajectory of Modernization at the End of the Twentieth Century] (pp. 75–120). Moscow.
 13. Del Campo, S. & Tezanos, J. F. (2010). Modernizacion y cambio social en la España actual. In *España. Una sociedad en cambio* (pp. 11–32). Madrid.
 14. Díez, A. (2017). Pedro Sánchez vuelve a ser el secretario general del PSOE. El País. 23 de mayo. Retrieved from https://politica.elpais.com/politica/2017/05/21/actualidad/1495392291_548232.html
 15. Elecciones generales. (2011). Total España. Retrieved from <http://resultados.elpais.com/elecciones/2011/generales/congreso/>
 16. Elecciones generales. (2016, 26 de junio). Retrieved from www.resultados.elpais.com/elecciones/generales.html
 17. Elecciones europeas. (2014). Resultados 2014. Total España. Retrieved from <http://resultados.elpais.com/elecciones/2014/europeas/index.html>
 18. Estudio Barómetro de mayo (2011). Madrid: Centro de investigaciones sociológicas, 2.888.
 19. Field, B. N. & Hamann, K. (2009). *Democracy and institutional development: Spain in comparative theoretical perspective*. Houndmills, Basingstoke, New York.
 20. Gonzalez Enriquez, C. (2016). Los españoles ante el Estado de las autonomías y una posible reforma federalista. Retrieved from http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/observatorio-marcaespana/comentario-gonzalez-enriquez-espanoles-ante-estado-autonomias-posible-reforma-federalista

21. Gunther, R. & Diamond, L. (2003). Species of Political Parties: A New Typology. *Party Politics*, 9 (2), 167–199.
22. Henkin, S. M. (2013). Sistemnyy krizis ispanskoj politii [System crisis of Spanish Politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], (7), 38–42.
23. Henkin, S. M. (2016). Fenomen Podemos [The Phenomenon of Podemos]. *Iberoamerikanskije tetradi* [Ibero-American Notebooks], 1 (11), 15–28.
24. Henkin, S. M. (2017). Partijno-politicheskaya sistema Ispanii na pereput'e [Party Political System of Spain At the Crossroads]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], (4), 71–80.
25. Iglesias, P. (2014). *Disputar la Democracia*. Madrid.
26. Ignatsi, P. (2010). Partii i demokratiya v postindustrial'nyu eru [Parties and Democracy in the Post-Industrial Era]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], (4), 49–76.
27. Kneuer, M. & Richter, S. (2016). Global Crisis — National Protests. How Transnational Was the Online Communication of the Occupy and Acampada Indignation Movements? In *Political Communication in Times of Crisis* (pp. 193–208). Berlin.
28. Kurakina-Damir, A. A. (2012). Vybory 2011: pobeda Narodnoi partii [Elections — 2011: The Victory of the People's Party]. In *Iberiiskije strany: trudnyi start v XXI vek* [Iberian Countries: A Difficult Start in Twenty-First Century] (pp. 47–56). Moscow.
29. Ley Orgánica 6/2002, de 27 de junio, de Partidos políticos. (2002). Texto consolidado. Última modificación: 31 de marzo de 2015 In *Boletín oficial del estado*. Madrid, 154, de 28 de junio. Retrieved from <https://www.boe.es/buscar/pdf/2002/BOE-A-2002-12756-consolidado.pdf>
30. Lipset, S. M. & Rokkan, S. (1967). Cleavage structures, party system and voter alignment. An introduction. In *Party System and Voter Alignment* (pp.1–64). New York.
31. Llera, F. J. (2010). La política en España: Elecciones y partidos políticos. In *España. Una sociedad en cambio* (pp. 239–316). Madrid.
32. Makarenko, B. I. (2015). Institut politicheskoy partii v sravnitel'nom kontekste [Institute of the Political Party in Comparative Context]. In *Partii i partiinye sistemy: sovremennye tendentsii razvitiya* [Parties and Party Systems: Current Trends of Development] (pp. 12–58). Moscow.
33. Moreno Fernandez, L. (2008). *La Federalizacion de España: Poder Politico y Territorio. Nueva Edicion Actualizada*. Madrid.
34. Mouff, Sh. (2014). Bol'shinstvo stran Evropy nahoditsya v postpoliticheskoy situacii [Most European Countries Are in A Post-Political Situation]. Retrieved from <http://gefter.ru/archive/11075>
35. Müller González, J. F. (Ed.). (2014). *Podemos. Desconstruyendo a Pablo Iglesias*. Barcelona.
36. Orlov, A. G. (2009). Izbiratel'naya sistema Ispanii [The Electoral System of Spain]. In *Sovremennye izbiratel'nye sistemy. Vyp. 3: Ispaniya, SShA, Finlyandiya, Yaponiya* [Modern Electoral Systems. Issue 3: Spain, USA, Finland, Japan] (pp. 9–92). Moscow.
37. Penades, A. & Santiuste, S. (2013). La desigualdad en el sistema electoral español y el premio a la localizacion del voto. *Revista española de ciencia politica*, 32, 89–116.
38. Pérez Ventura, J. (2014). El bipartidismo en España. Retrieved from <http://elordenmundial.com/2014/05/21/el-bipartidismo-en-espana/>

39. Prokhorenko, I. L. (2014). Problema evropeizatsii nacional'nyh politicheskikh partij v gosudarstvah — chlenah Evropeiskogo soyuza [Problem of Europeanization of National Political Parties in the Member States of the European Union]. *Chelovek. Soobshestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3), 32–40.
40. Rama, J. (2016). *Crisis económica y sistema de partidos. Síntomas de cambio político en España*. Barcelona.
41. Referendum called for October 12017. (2017). Retrieved from http://www.catalangovernment.eu/pres_gov/AppJava/government/news/303114/referendum-called-october-1.html
42. Ridao Martín, J. (2015). La Crisis del estado de partidos o “Ahora sí que viene el lobo”. *Teoría y Realidad Constitucional*, 35, 479–510.
43. Se dispara la preocupación de los españoles por la corrupción, según el CIS. (2017). Retrieved from <http://www.heraldo.es/noticias/nacional/2017/06/06/se-dispara-preocupacion-los-espanoles-por-corrupcion-segun-cis-1179952-305.html>
44. Tezanos, J. F. (2010). Desigualdades y estratificación social en España. In *Una sociedad en cambio* (pp. 101–152). Madrid.
45. Thelen, K. & Steinmo, S. (1992). Historical institutionalism in comparative politics. In S. Steinmo et al (Eds.). *Structuring politics* (pp. 1–32). Cambridge.
46. Toharia, J. J. (2016). Confianza en las instituciones: España en perspectiva comparada. Retrieved from <http://metroscopia.org/confianza-en-las-instituciones-espana-en-perspectiva-comparada/>
47. Torreblanca, J. I. (2015). *Asaltar los cielos: Podemos o la política después de la crisis*. Barcelona.
48. Unidos Podemos pierde la moción de censura contra Rajoy. (2017). El País. Madrid, 13 de junio. Retrieved from https://politica.elpais.com/politica/2017/06/13/actualidad/1497330380_345578.html
49. Vernikov, V. L. (2016). Vyigrali vybory proigrali vlast'. Syurprizy “Ispanskoi partii” [Won Elections — Lost Power. Surprises of the “Spanish Party”]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], (3), 32–41.
50. Volkova, G. I. (2014). *Ispaniya i regiony: politicheskie vyzovy i prioritety XXI veka* [Spain and the Regions: The Political Challenges and Priorities of the Twenty-First Century]. Moscow.
51. Ware, A. (2007). *Political parties and party systems*. Oxford.
52. Yakovlev, P. P. (2015). Ispaniya: osnovnye cherty postkrizisnoi real'nosti [Spain: The Main Features of Post-Crisis Reality]. In *Ispaniya na vyhode iz krizisa* [Spain at the End of the Crisis] (pp. 13–48). Moscow.
53. 350 soluciones para cambiar España a major. (2017). Retrieved from <https://www.ciudadanos-cs.org/nuestro-proyecto>

ФОРМИРОВАНИЕ СТЕРЕОТИПИЗИРОВАННОГО ОБРАЗА ЕВРОПЫ В КАРТИНЕ МИРА МОЛОДЕЖИ ЕРЕВАНА¹

Мелконян Н. А.

Мелконян Нвард Араиковна,
Ереванский государственный университет,
РА, г. Ереван, 0025, ул. Алека Манукяна, 1
Эл. почта: nvard.melkonyan@ysu.am

В данной статье рассмотрена проблема формирования стереотипизированных образов и представлений о Европе и европейцах в картине мира молодежи г. Еревана. Картину мира автор рассматривает в качестве особого социального конструкта, характерного для конкретной социальной группы, специфических ментальных блоков или фреймов, сценариев или схем, образов и стереотипов, которые выступают фундаментом для процессов социальной и этнической идентификации и самоидентификации. В статье приведены результаты социологического исследования, в котором в качестве основного метода сбора эмпирической информации применялась фокус-групповая дискуссия с участием различных слоев ереванской молодежи. В процессе проведения фокус-групп с целью выявления эмоционального отношения и оценок Европы и Армении были применены также проективные исследовательские техники. Участникам групповых дискуссий были представлены парные противоположные содержательные и эмоционально-оценочные смысловые ассоциации, предлагалось выбрать характеристики образов Европы и Армении. Основные выводы сводятся к тому, что стереотипизированные представления молодежи Еревана о Европе в целом и о европейских странах, главным образом, основаны на экономических и промышленных характеристиках и стереотипах о благополучии, экономической стабильности, богатстве, высоких стандартах потребления, а также на либеральных и демократических ценностях — демократическое разделение, равенство, права человека, солидарность, свобода, процветание, свобода слова.

На основе анализа данных исследования было сделано следующее заключение: в картине мира молодежи Еревана образ Европы реализуется преимущественно в рамках модели политической толерантности, которая может быть описана формулой «Я–Другой–Иной», наиболее соответствуя не образу «Чужого», а определенному референтному образу «Значимого Другого», на которого проецируются представления этой группы о культурных, социальных и политических ценностях.

Ключевые слова: стереотип, идентичность, Европа, молодежь, толерантность, этноцентризм, картина мира.

В наши дни перестановка сил и акторов на политической карте мира, интенсивность и динамика сменяющихся друг друга событий, происходящих как на

¹ Статья подготовлена в рамках гранта государственного комитета по науке Министерства образования и науки РА 15РГ-20 «Восприятие Европы в молодежной среде в контексте современных геополитических трансформаций (на материалах Краснодара и Еревана)».

глобальном, так и на локальном уровне, приводит к существенной трансформации привычных образов картины мира различных социальных групп, стран и народов, реорганизуя и преобразовывая их социальный опыт.

Социальный опыт включает набор ценностных ориентаций, установок, принятых в данном сообществе и тем самым, играет важную роль в конструировании картины мира — формирующегося в обществе в рамках исходных мировоззренческих установок целостного образа мира, имеющего исторически обусловленный характер (Философский словарь, 2017).

Картина мира — система интуитивных представлений о реальности, которую можно описать или реконструировать у любой социальной единицы — от нации или этноса до какой-либо социальной группы или отдельной личности (Руднев, 1997). Теоретические интерпретации картины мира заложены в работах Э. Гуссерля, М. Вебера, К. Юнга, М. Хайдеггера, Э. Фромма, К. Поппера. Следует также отметить труды Г. Гачева (Гачев, 1988, 2003). Образы в картине мира исследуются Н. А. Романович (Романович, 2009), А. В. Захаровым (Захаров, 1998), М. Арутюнян, О. Здравомысловой, Ш. Курильски-Ожвэн (Арутюнян, Здравомыслова, Курильски-Ожвэн, 2008).

Картину мира можно представить в виде особого социального конструкта, характерного для конкретной социальной группы, специфических ментальных блоков или фреймов, сценариев или схем, образов и стереотипов, которые выступают фундаментом для процессов социальной и этнической идентификации и самоидентификации (см.: Степин, 1983; Степин, 2008; Степин, Кузнецова, 1994).

В научном и общественном дискурсе проблематика идентичности вновь актуализировалась в конце XX — начале XXI в. Разноплановость и комплексность данного понятия обуславливает важность и необходимость его детального изучения, выявления его структуры и основополагающих характеристик в контексте междисциплинарных исследований.

Исследование проблем *идентичности* опирается на концептуальные основы, заложенные в работах Э. Эриксона (Эриксон, 1996), Г. Гоффмана (Goffman, 1959), Тэджфела (Tajfel, 1982), Б. Андерсона (2001). Современные проблемы идентичности в контексте социальной динамики и цивилизационных сдвигов, трансформации социального пространства и социального времени осмысливаются в трудах М. Кастельса, У. Бека, Э. Гидденса (Beck, Giddens, Lash, 1994; Beck, 1996), З. Баумана, А. Турена (Турен, 1998), Ю. Хабермаса (Хабермас, 1999).

Идентификация — это процесс осмысления человеком себя самого, в результате которого происходит осознание принадлежности индивида к какому-либо определенному классу (типу) или же признание своей уникальности (Гришаева, Цурикова, 2006).

Идентификация с определенными социальными общностями определяет социальную природу индивида, позволяя ему оценивать свои социальные связи и принадлежности, формируя его социальную идентичность — образ, который

группа конструирует относительно самой себя и с которым идентифицируются все члены этой группы (Assman, 2000).

Основополагающую роль в конструировании идентичности играют этнокультурные стереотипы², которые являются структурообразующим базисом для ее формирования.

Согласно У. Липпману, стереотипы — это упорядоченные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые, во-первых, экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и, во-вторых, защищают его ценности, позиции и права (Липпман, Левинсон, Петренко, 2004).

А. П. Садохин определял этнический стереотип как «упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической группы или общности, легко распространяемый на всех ее представителей» (Садохин, 2014).

В процессе идентификации конструирование модели «Мы — Они» основывается на противопоставлении *образа себя* и *образа другого*, т.е. на противопоставлении автостереотипов и гетеростереотипов (Russell, 1994), которым присуща выраженная эмоциональная окрашенность: позитивная или негативная, проявляющаяся в негативных установках и предрассудках³.

Гетеростереотипы, направленные на представителей других групп, являются также механизмом культурной, страновой или региональной — надэтнической самоидентификации, формируя ценностную основу этнически ориентированного поведения, т.е. идентичность может объединять не только представителей одной этнической группы, она может быть также основана на территориальной, региональной, культурной и политической общности. Результатом процесса формирования и восприятия надэтнической идентичности могут выступать стереотипизированные образы «кавказца», «африканца», «европейца» и т.п.

В современных социологических и политико-психологических исследованиях образы стран, регионов, территорий, народов рассматриваются в качестве составляющих картины мира граждан, влияющих на формирование у них толерантной или интолерантной этнической идентичности.

В рамках данного исследования авторов интересовала проблема формирования стереотипизированных образов и представлений о Европе и европейцах в картине мира такой значимой социальной группы, как молодежь г. Еревана, выявление содержания образа Европы и его конгруэнтности образу собственной страны, потенциала влияния стереотипов о Европе и «европейском» на ценностные ориентации и установки армянской молодежи.

Были поставлены следующие задачи:

² Стереотип (от греч. stereos – твердый + typos – отпечаток) – это упрощенный, схематизированный образ объекта, который разделяют достаточно большое число членов социальных групп.

³ Автостереотипы – представления и мнения представителей той или иной этнической группы о самой себе, гетеростереотипы – о другой этнической группе (Стефаненко, 2009).

- выявить рациональные и эмоциональные компоненты стереотипизации образа Европы в картине мира молодежи Еревана;
- установить конгруэнтность / неконгруэнтность образов Армении и Европы в картине мира молодежи;
- выявить потенциал образа Европы как Другого в формировании национальной идентичности молодежи;
- выявить основные поведенческие установки, связанные с стереотипизированным образом Европы в картине мира молодежи;
- определить систему факторов, влияющих на стереотипизацию образа Европы в политической картине мира молодежи.

Анализ картины мира, носителями которой являются представители молодежи, поможет понять процессы их социальной идентичности и самоидентификации, формирующихся на основе образов «мы» и «они», позволит описать особенности процесса стереотипизации в формировании такого многосоставного феномена, как национальная идентичность.

Учитывая особенности исследуемой проблемы, а также необходимость выявления разноплановых факторов, воздействующих на стереотипизацию образа Европы и его операциональных составляющих («ЕС», «европейцы», «европейское» и др.), необходимым представлялось применение совокупности качественных методов социологических и междисциплинарных исследований, применяемых в политических и социальных исследованиях. Использование качественных методов исследования позволило выявить глубинные факторы и причины, по которым представители исследуемой молодежной среды воспринимают Европу и отдельные структурные элементы данного понятия.

Соответственно, в качестве основного из методов сбора эмпирической информации применялась фокус-групповая дискуссия с участием различных слоев молодежи, представленных в Ереване⁴.

⁴ Фокус-групповая дискуссия – метод социальных исследований, основанный на обсуждении проблемы и ее составляющих, как-то: причин ее возникновения, факторов, влияющих на проявления данной проблемы среди ее носителей, особенностей восприятия данной проблемы целевой группой. Основной особенностью применения методики фокус-групп является сфокусированность дискуссии на тех ключевых вопросах, которые включены в задачи исследования и носителями информации о которых являются участники фокус-групповых дискуссий. В целях решения указанных задач было проведено 6 фокус-групповых дискуссий с различными группами молодежи, в том числе студентами точных и гуманитарных направлений подготовки уровней бакалавриата и магистратуры; молодежью, имеющей и не имеющей опыта проживания, обучения и работы в Европе. В каждой группе респонденты были равнопредставлены по следующим характеристикам:

- пол;
- возраст (три интервала: 18–22, 23–28, 28–35);
- образование (высшее; среднее специальное и среднее);
- занятость.

В каждой группе было в среднем 8–12 участников.

Результаты исследования. Существующие среди неевропейских сообществ гетеростереотипы о Европе и европейцах имеют свою специфику в зависимости от того, отождествляет ли себя то или иное сообщество с Европой и насколько, противопоставляет себя ей или же воспринимает ее как нечто далекое и мало релевантное.

Рассматривая проявления стереотипизированных представлений о Европе у респондентов, можно заметить общую тенденцию: расположение Армении на некотором континууме, полюсами которого являются две дихотомичные принципиально отличные друг от друга культурно-цивилизационные модели «Европа» и «Восток». Эта дихотомия, по мнению опрошенных, носит ярко выраженный характер социокультурной дилеммы и проявляется в смысловых и ценностных противоположностях.

Вопрос в том: идти нам в Европу или на Восток? Студентка медицинского училища, 22 года.

Противопоставляя Европе обобщенный стереотипизированный образ Востока, респонденты имеют в виду, прежде всего, исламский мир — арабские страны, Иран и Турцию, что обусловлено как географической близостью, так и спецификой отношений в ходе истории.

Интересен тот факт, что полюс «Восток» участниками групповых дискуссий рассматривается больше в негативном контексте: не прогрессивный, отсталый, патриархальный, не толерантный, не демократичный и т.д.

При этом полюс «Европа», в противопоставлении «Востоку», не рассматривается респондентами ни в историческом, ни в политическом контексте, а скорее, как определенная цель, некий идеализированный ориентир, к которому нужно стремиться, к которому можно прийти путем усвоения определенных необходимых качеств, ценностей и принципов. Характерно, что подобное представление выражалось во всех фокус-группах, практически у всех участников, в независимости от желания и обоснования респондентом целесообразности достижения данной «конечной цели».

В зависимости от близости Армении к одному из отмеченных полюсов проявляется и обосновывается тот или иной стереотипизированный сценарий восприятия.

С этой точки зрения, типологизируя проявления европейской идентичности в автостереотипах молодежи Еревана, сходство Армении с Европой, представление её в качестве европейской страны (*насколько мы — Европа*), близость, родственность стереотипов «армянского» и «европейского», условно можно выделить 3 концептуально различающиеся модели восприятия с соответствующими сценариями стереотипизации:

– *Армения — это почти Европа* — в наши дни армянская общественность переживает трансформационные процессы, и постсоветское поколение

старается интериоризировать европейские ценности, в своих политических и экономических приоритетах Армения выбирает европейский вектор развития, т.е. *«стремится стать Европой»*.

– *Армения — не Европа* — по той причине, что армянское государство не следует декларированным общеевропейским ценностям, а наше общество не воспринимает нормативные традиции Европы: либерализм, толерантность, демократию и др., *«мы слишком далеки от этого, патриархальны, не свободны, не толерантны»*.

– *Армения — уникальная страна* — наша страна не может и не должна быть европейской страной, так как у нее уникальная история и культура, отличная от всех цивилизаций. Армения, по мнению сторонников этой модели, должна развиваться в качестве отдельного культурного пространства.

Это нормально, что Армения воспринимает разное у других культур, но нужно уметь создать из этого цельный сплав и при этом не потерять себя, как вид. Я сторонник сохранения вида. Не хочу, чтобы старое забылось, было утеряно. Студент факультета востоковедения, 21 год.

Интересно, что выбор экстремумов — мнений о полном совпадении образа Армении с каким-либо из полюсов — «Востоком» или «Европой», в дискуссиях отсутствует. Армения представляется скорее пограничной страной, которая не «Восток», потому как противостояла на протяжении всей своей истории этим странам, хотя и подвергалась определенному социокультурному воздействию в большей или меньшей степени, но ее образ не конгруэнтен и образу Европы, так как Республика Армения (РА), несмотря на определенное сходство, как государство не соответствует системе норм и ценностей европейских стран. При этом, среди выражающих мнение о подобном несоответствии есть те, кто считает, что созданная политическая ситуация в Армении не благоприятна и не целесообразна для ведения проевропейской политики и выбора европейского вектора развития.

Среди участников групповых дискуссий были и те, кто видел свою страну в самом центре описанного континуума.

Я вижу одинаковое воздействие, т.е. насколько это «Восток», настолько же это и «Запад». Практически поровну — будь то в культуре, или в быту, или даже в строительстве города — я вижу одинаковое воздействие. Студентка — лингвист, 25 лет.

Необходимо отметить, что во время обсуждений молодыми людьми высказывалось мнение о том, что в наши дни прослеживается заметная тенденция смещения полюса «Восток», и его замена другой противоположной «Европе» культурно-цивилизационной моделью. Новая социокультурная дилемма, по мнению опрошенных, постепенно приобретает очертания дихотомии «Россия» — «Европа». И Армения, с этой точки зрения, стоит перед подобным выбором вектора развития.

Респондентами выражалось мнение, что противопоставление Европы и России в картине мира ереванцев создает серьезные проблемы для конструирования собственной национальной идентичности и самоидентификации. С одной стороны, и в силу исторических традиций (*Российская Империя, СССР, СНГ*), и в контексте безопасности и экономического сотрудничества отмечается практически безальтернативность партнерства РА и России, однако, отказываясь от взаимоотношений и сотрудничества с Европой, по мнению респондентов, Армения теряет исключительную возможность для демократического развития страны и выхода из политического кризиса.

Как правило, в стереотипическом образе задействован комплекс стереотипов, отражающих сложный объект восприятия. Проведенное исследование позволило выделить те основные тематики, которые в основном подвергаются стереотипизации при восприятии образа Европы.

Экономические и промышленные характеристики играют очень важную роль в представлениях о Европе, ее имидже. Эта составляющая образа поддерживается не только репутацией экономически устойчивого производителя, но и значимого инвестора в экономику и донора социальных проектов других стран.

Существующий в картине мира молодых ереванцев образ Европы сегодня в первую очередь связан со стереотипами о благополучии, экономической стабильности, богатстве, высоких стандартах потребления. Собирательный образ Европы можно выразить в стереотипической формуле: «общество экономического благосостояния». Эта стереотипическая конструкция, несмотря на свою упрощенность, настолько устойчива и приоритетна, что некоторые участники фокус-групп экономически неблагополучные страны (например, Албанию) отказываются считать европейскими, несмотря на географию и их присутствие в составе ЕС и наоборот.

Турция — европейская страна, учитывая уровень ее экономического развития. Безработный, 18 лет.

В качестве типично-европейских стран, которые по своим характеристикам полностью соответствуют стереотипу об экономической стабильности, респонденты отметили страны Западной и Северной Европы: Германию, Швейцарию, Скандинавские страны и Великобританию.

«Европа» в социальных представлениях молодежи является также неким транслятором либеральных и демократических ценностей, к которым относятся демократия, развитие, равенство, права человека, солидарность, свобода, процветание, возможности, свобода слова.

Среди стереотипов, характеризующих образы «Европа» и «европейское», в групповых дискуссиях особо отмечались стереотипические конструкции «европейские демократические ценности», «Европа — территория, где защищаются права человека». То есть, говоря о европейских ценностях, респонденты

особенно важным считают демократию и гарантированность, и возможность реализации права на свободу мысли и слова в Европе.

Одной из основных характеристик европейских стран является свобода слова. Без этого нельзя представить Европу. Студент филологического факультета, 22 года.

Анализ восприятия образа Европы, как сообщества демократических стран, в картине мира молодежи показывает, что говоря о демократии, молодые люди в большей степени имеют в виду политическую стабильность, верховенство права и равноправие граждан. Здесь, по их мнению, благодаря собственным стараниям и трудолюбию, можно достичь успехов на любом поприще. Это является результатом правильно проводимой политики, так как, по мнению респондентов, в европейских странах действуют эффективные социальные лифты и созданы равные возможности для мобильности любого члена общества.

Мобильность, по мнению опрошенных, обеспечивается социальными институтами, которые, благодаря эффективному функционированию, могут считаться образцовыми. Для ереванской молодежи европейские страны, в частности Германия и Великобритания, воспринимаются как страны, где можно получить прекрасное образование и построить профессиональную карьеру.

Европа — идеальное место для учебы и для путешествий. Аспирант, 23 года.

Говоря «Европа», я представляю в первую очередь Германию и Великобританию, потому как именно там находятся крупнейшие в мире университеты. Студент филологического факультета, 20 лет.

Медицина и здравоохранение сразу ассоциируются с Германией. Там образцовое медицинское обслуживание, и нам многому надо у них поучиться. Студентка медицинского вуза, 22 года.

Эти представления зачастую находят свое подтверждение на примерах жизненных ситуаций друзей и знакомых респондентов, которые в течение последних лет получали образование или проходили стажировку в разных странах Европы.

В процессе проведения фокус-групп с целью выявления эмоционального отношения и оценок Европе и Армении были применены также проективные техники исследования. Участникам групповых дискуссий из приведенной исследователями таблицы, в которой были представлены парные противоположные содержательные и эмоционально-оценочные смысловые ассоциации, предлагалось выбрать характеристики образов Европы и Армении (табл. 1).

В табл. 1 даны соотношения эмоциональных смысловых оценок образов Европы и Армении. Среди представленных показателей в обеих графах преобладают положительные оценки. И если в отношении Европы в большинстве своем преобладают показатели с усредненным положительным значением (1,55), то в графе «Армения» оценки существенно ниже (в среднем — 0,77), по некоторым характеристикам встречаются даже отрицательные значения.

Таблица 1

Соотношение эмоциональных смысловых оценок образов Европы и Армении

№ п/п	Характеристика	Европа	Армения
1	Хороший — плохой	1,7	1,8
2	Приятный — неприятный	1,7	1,9
3	Сильный — слабый	1,4	1,6
4	Большой — маленький	1,6	0,7
5	Быстрый — медленный	1,8	0,7
6	Активный — пассивный	2,1	1,1
7	Свой — чужой	0,9	2,3
8	Люди добрые — люди злые	1,4	1,9
9	Люди здоровые — люди больные	2,0	0,3
10	Люди белые — люди цветные	1,5	1,9
11	Социальное самочувствие: оптимизм — пессимизм	1,6	0,5
12	Социально-экономическое положение: стабильное — нестабильное	1,7	-0,6
13	Природа: чистая — загрязненная	1,7	-0,2
14	Власть: демократическая — авторитарная	1,7	-1,0
15	Общество: свободное — несвободное	2,2	-0,3
16	Политика: для людей — для политиков	1,3	-0,5
17	Пространство: единое — фрагментированное	1,3	0,5
18	Отношение к другим: терпимое — нетерпимое	1,5	0,4
19	Общность: религиозная — светская	0,4	1,7
20	Общая средняя оценка	1,55	0,77

Согласно данным табл. 1, разница несущественная между оценками по обеим графам в верхней части изображения, где представлены эмоциональные, преимущественно социально-психологические характеристики, — значения практически совпадают (в дихотомии «Хороший — Плохой»: Армения — 1,7, Европа — 1,8, в паре «Приятный — Неприятный»: Армения — 1,7, Европа — 1,9, в дихотомии «Сильный — Слабый»: Армения — 1,4, Европа — соответственно 1,6, в паре «Люди добрые — Люди злые»: Армения — 1,4, Европа — 1,9).

Однако в нижней части графика, где оценивание происходит на основе социально-политических и социально-экономических показателей, дистанция значительно увеличивается, респонденты поставили «Европе» оценки существенно выше, чем «Армении» (см. табл. 2).

Внимания заслуживает тот факт, что это именно те 5 характеристик (табл. 2), по которым респонденты поставили в графе «Армения» отрицательные значе-

Таблица 2

Соотношение оценок образов Европы и Армении на основе социально-политических и социально-экономических показателей

Характеристика	Европа	Армения
Социально-экономическое положение: стабильное — нестабильное	1,7	-0,6
Природа: чистая — загрязненная	1,7	-0,2
Власть: демократическая — авторитарная	1,7	-1,0
Общество: свободное — несвободное	2,2	-0,3
Политика: для людей — для политиков	1,3	-0,5

ния, обосновывая тем, что в нашей стране ощутим серьезный недостаток этих базовых качеств: стабильной экономической ситуации, демократичных властных отношений, направленных на людей и существующих для людей, свободного общества и чистой экологии, которые, согласно их представлениям, свойственны развитым европейским странам.

При этом в процессе групповых дискуссий большинство опрошенных отметили, что не считают себя хорошо информированными в вопросах, касающихся Европы, знания о которой у них, вне зависимости от того, имеют ли опыт проживания в европейских странах или нет, были названы скорее фрагментарными. Представленные в шкале эмоциональные и смысловые характеристики респонденты оценивали, руководствуясь преимущественно стереотипизированными образами, составляющими элементами в картине мира. По мнению участников фокус-групп, сегодня понятие «Европа» перестало быть всего лишь названием части света, оно стало политическим термином, для них являющимся, прежде всего, своеобразным идеальным типом, — собирательным образом не совсем того, как они представляют Европу, а скорее того, какой бы они хотели видеть Армению.

Примечательно, что наивысшая положительная оценка в графе «Армения» (см. табл. 1) поставлена в дихотомии «Свой — Чужой»: Армения — 2,3, Европа — 0,9, в графе «Европа» это вторая по значению низшая оценка.

Проявленный респондентами при оценивании этой пары в некотором смысле этноцентричный подход указывает на то, что в картине мира молодежи Еревана преобладает стереотипизированный сценарий восприятия Европы в данной дилемме в образе «Другого»⁵.

⁵ Образ «Другого» – это ориентация сознания индивида, связанная с его самоопределением в социальном и политическом пространстве, в основе чего – выделение тех лиц, групп и институтов, которые наделены похожими или различными для данного индивида характеристиками и определяют контуры идентичностей личности. Определение применимо также при обозначении самосознания групп и различий с другими группами. Проблемам исследования образа «Другого» («Чужого») посвящены работы М. Фуко (Фуко, 1997), Г. Зиммеля (Зиммель, 1994), А. Шютца (Шютц, 2003), Л. Арутюнян (Арутюнян, 2011) и др.

Однако тот факт, что в графе «Европа» практически по всем парным противоположным смысловым ассоциациям однозначно преобладают положительные баллы, указывает на то, что в картине мира молодежи Еревана образ Европы реализуется преимущественно в рамках модели политической толерантности, которая может быть описана формулой «Я-Другой-Иной» (Морозова, 2016)⁶, наиболее соответствуя образу не «Чужого», а определенному референтному (Давлетчина, 2005)⁷ образу «Значимого Другого» (Кондратьев, 2011), на которого проецируются представления этой группы о культурных, социальных и политических ценностях.

Библиографический список

1. Андерсон, Б. (2001). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва.
2. Арутюнян, Л. (2011). Сто лет спустя: перспективы отрицания геноцида армян. *Вестник Ереванского государственного университета, Социология, Экономика*, 133 (5), 11–19.
3. Арутюнян, М., Здравомыслова, О., Курильски-Ожвэн, Ш. (2008). *Образ и опыт права: правовая социализация в изменяющейся России*. Москва.
4. Гачев, Г. (2003). *Ментальности народов мира*. Москва.
5. Гачев, Г. (1988). *Национальные образы мира*. Москва.
6. Гришаева, Л. И., Цурикова, Л. В. (2006). *Введение в теорию межкультурной коммуникации*. Москва.
7. Давлетчина, С. Б. (2005). *Словарь по конфликтологии*. Улан-Удэ.
8. Захаров, А. В. (1998). Народные образы власти. *Полис. Политические исследования*, (1), 23–35.
9. Зиммель, Г. (1994). Человек как враг. *Социологический журнал*, (2), 114–119.
10. Кондратьев, М. Ю. (2011). «Значимый другой»: слагаемые межличностной значимости. *Социальная психология и общество*, (2), 17–28.
11. Липпман, У., Левинсон, К. А., Петренко К. В. (ред.) (2004). *Общественное мнение*. Москва.
12. Морозова, Е. В. (2016). Образ Другого/Чужого в формировании внешнеполитической идентичности (Обзор литературы). *Историческая и социально-образовательная мысль*, 8 (6/2), 183–186. doi:17748/2075–9908–2016–8–6/2–183–186.
13. Руднев, В. П. (1997). *Словарь культуры XX века*. Москва.
14. Романович, Н. А. (2009). Образ власти: противоречия традиционной и современной моделей. *Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология*, (2), 23–31.
15. Садохин, А. П. (2014). *Введение в теорию межкультурной коммуникации*. Москва.

⁶ Образ Другого может реализоваться в двух моделях. Первая из них, модель политической толерантности, может быть описана формулой «я-Другой-иной». Вторая, интолерантная, модель представлена формулой «Я-Другой-Чужой-Враг» (Морозова, 2016).

⁷ Референтный — выступающий в качестве объекта, факта или события, на которое ссылаются в подтверждение некоторых идей; служащий источником этих идей, образцом для подражания (Давлетчина, 2005).

16. Степин, В. С. (1983). *Научная картина мира: Логико-гносеологический аспект*. Киев.
17. Степин, В. С. (2008). Конструктивные основания научной картины мира. В В. А. Лекторский (ред.) *Конструктивизм в теории познания* (с. 4–31). Москва.
18. Степин, В. С., Кузнецова, Л. Ф. (1994). *Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации*. Москва.
19. Стефаненко, Т. (2009). *Этнопсихология*. Москва.
20. Турен, А. (1998). *Возвращение человека действующего. Очерк социологии*. Москва.
21. *Философский словарь*. (2017). Режим доступа <http://www.philosophydic.ru>
22. Фуко, М. (1997). *История безумия в классическую эпоху*. Санкт-Петербург.
23. Хабермас, Ю. (1999). *В поисках национальной идентичности: Философские и политические статьи*. Донецк.
24. Эрикссон, Э. (1996). *Идентичность: юность и кризис*. Москва.
25. Шютц, А. (2003). *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*. Москва.
26. Assmann, J. (2000). *Das kulturelle Gedächtnis*. München.
27. Beck, U. (1996). *The Reinvention of Politics. Rethinking Modernity in the Global Social Order*. Cambridge.
28. Beck, U, Giddens, A., Lash, S. (1994). *Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Cambridge.
29. Goffman, E. (1959). *The Presentation of Self in Everyday Life*. Edinburgh.
30. Russell, F. F. (1994). *Nationalism, Ethnicity, and Identity: Cross National and Comparative Perspectives*. New Brunswick.
31. Tajfel, H. (1982). *Social Identity & Intergroup Relations*. Cambridge, Paris.

Статья поступила в редакцию 14.09.2017.

.....

THE FORMATION OF STEREOTYPED IMAGE OF EUROPE WITHIN THE WORLD VIEW OF YEREVAN YOUTH

Melkonyan N. A.

Melkonyan Nvard Araikovna,
Yerevan State University, RA, 0025, Yerevan, Alex Manoogyan Str., 1
E-mail: nvard.melkonyan@ysu.am

This article analyses the issue of stereotyped images and concepts on Europe and Europeans in the perceptions Yerevan youth. World view is considered by the author as a social construct that is typical for the certain social group. It contains specific mental frames, scenarios and schemes, images and stereotypes, which are fundamental for the processes of social and ethnic identification and self-identification. The focus-group discussions with different clusters of Yerevan youth were applied as the main method of data collection. The projective technics were used during the focus groups to find out the emotional attitude and the assessment of Europe and Armenia. The focus group participants were asked to choose the image characteristics of Europe and Armenia out of the paired oppositions, containing substance, emotional and evaluative associations.

The following conclusion was made based on the analysis of research data: the understanding of Europe and its image by Yerevan youth is mainly based on economic and industrial characteristics and stereotypes about welfare, economic sustainability, wealth, high-consum-

ing standards as well as on liberal-democratic values: democracy development, equity, human rights, solidarity, freedom, prosperity and freedom of speech. Thus, within the world view of Yerevan youth the image of Europe is mostly considered in the context of political tolerance model, which can be described as “Me-Different-Other”. It is mostly relevant not to the image of the “Alien”, but to a certain referential image of the “Significant Other”, which incorporates the cultural, social and political values of Yerevan youth.

Key words: stereotype, identity, Europe, youth, tolerance, ethnocentrism, world view

References

1. Anderson, B. (2001). *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneniі nacionalizma* [The Imagined Communities. Reflections About Sources and Distribution of Nationalism]. Moscow.
2. Arutyunyan, L. (2011). Sto let spustya: perspektivy otricaniya genocida armyan [Hundred Years Later: Prospects of Denial of Genocide of Armenians], *Vestnik Yerevanskogo gosudarstvennogo universiteta, Sociologiya, Ekonomika* [Bulletin of the Yerevan State University, Sociology, Economy], 133 (5), 11–19.
3. Arutyunyan, M., Zdravomyslova, O. & Kuril'ski-Ozhvehn, Sh. (2008). *Obraz i opyt prava: pravovaya socializaciya v izmenyayushcheysya Rossii* [Image and Experience of the Law: Legal Socialization in The Changing Russia]. Moscow.
4. Assmann, J. (2000). *Das kulturelle Gedächtnis*. München.
5. Beck, U, Giddens, A. & Lash, S. (1994). *Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Cambridge.
6. Beck, U. (1996). *The Reinvention of Politics. Rethinking Modernity in the Global Social Order*. Cambridge.
7. Davletchina, S. B. (2005). *Slovar' po konfliktologii* [The Dictionary on Conflictology]. Ulan-Ude.
8. Erikson, Eh. (1996). *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow.
9. *Filosofskij slovar'* [Philosophical Dictionary]. Retrieved from <http://www.philosophydic.ru>
10. Foucault, M. (1997). *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu ehphu* [Madness History During a Classical Era]. St. Petersburg.
11. Gachev, G. (1988). *Nacional'nye obrazy mira* [National Images of the World]. Moscow.
12. Gachev, G. (2003). *Mental'nosti narodov mira* [Mentalities of People of the World]. Moscow.
13. Goffman, E. (1959). *The Presentation of Self in Everyday Life*. Edinburgh.
14. Grishaeva, L. I. & Curikova, L. V. (2006). *Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoj kommunikacii* [Introduction to the Theory of Cross-Cultural Communication]. Moscow.
15. Habermas, Yu. (1999). *V poiskah nacional'noj identichnosti: Filosofskie i politicheskie stat'i* [In Search of National Identity: Philosophical and Political Articles]. Doneck.
16. Kondrat'ev, M. Yu. (2011). “Znachimyj drugoj”: slagaemye mezhlichnostnoj znachimosti [“Significant Another”: Composed the Interpersonal Importance]. *Social'naya psihologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], (2), 17–28.
17. Lippman, U. Levinson, K. A. & Petrenko, K. V. (Eds.) (2004). *Obshchestvennoe mnenie* [Public Opinion]. Moscow.

18. Morozova, E. V. (2016). *Obraz drugogo/chuzhogo v formirovanii vneshnepoliticheskoj identichnosti (Obzor literatury)* [Image of Other/Alien in Formation of Foreign Policy Identity (Literature Review)]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and social Educational Ideas], 8 (6/2), 183–186. doi:17748/2075–9908–2016–8–6/2–183–186.
19. Romanovich, N. A. (2009). *Obraz vlasti: protivorechiya tradicionnoj i sovremennoj modelej* [Image of Power: The Contradiction of the Traditional and Modern Models]. *Vestnik VGU. Ser. Istorija. Politologiya. Sociologiya* [Proceedings of Voronezh State University. History. Political science. Sociology], (2), 23–31.
20. Rudnev, V. P. (1997). *Slovar' kul'tury XX veka* [Dictionary of Culture of the 20th Century]. Moscow.
21. Russell, F. F. (1994). *Nationalism, Ethnicity, and Identity: Cross National and Comparative Perspectives*. New Brunswick.
22. Sadohin, A. P. (2014). *Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoj kommunikacii* [Introduction to the Theory of Cross-Cultural Communication]. Moscow.
23. Stefanenko, T. (2009). *Etnopsihologiya* [Ethnopsychology]. Moscow.
24. Stepin, B. C. & Kuznecova, L. F. (1994). *Nauchnaya kartina mira v kul'ture tekhnogennoj civilizacii* [Scientific Picture of the World in The Culture of a Technogenic Civilization]. Moscow.
25. Stepin, B. C. (1983). *Nauchnaya kartina mira: Logiko-gnoseologicheskij aspekt* [Scientific Picture of the World: Logical and Gnoseological Aspects]. Kiev.
26. Stepin, B. C. (2008). *Konstruktivnye osnovaniya nauchnoj kartiny mira* [Constructive Bases of a Scientific Picture of the World]. In V. A. Lektorskij (Ed.) *Konstruktivizm v teorii poznaniya* [Constructivism in the Theory of Knowledge] (pp. 4–31). Moscow.
27. Shyutc, A. (2003). *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sociologii* [Semantic Structure of the Daily World: Sketches on Phenomenological Sociology]. Moscow.
28. Tajfel, H. (1982). *Social Identity & Intergroup Relations*. Cambridge, Paris.
29. Turen, A. (1998). *Vozvrashchenie cheloveka dejstvuyushchego. Ocherk sociologii* [Return of the Person Acting. Sociology Sketch]. Moscow.
30. Zaharov, A. V. (1998). *Narodnye obrazy vlasti* [National Images of the Power]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], (1), 23–35.
31. Zimmel', G. (1994). *Chelovek kak vrag* [Person as Enemy]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], (2), 114–119.

«ЧУЖОЙ» VERSUS «НЕОЧУЖОЙ»: К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ АДАПТАЦИОННЫХ ПРАКТИК МИГРАНТОВ В ЕВРОПЕ И РОССИИ¹

Хлыщева Е. В.

Хлыщева Елена Владиславовна, Астраханский государственный университет,
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
Эл. почта: culture_mar@mail.ru

Пространственная гетеротопия современного коммуникативного пространства способствует появлению новых культурных паттернов, определяющих современные формы культурных и социальных контактов. Однако сохраняющиеся стереотипы в плоскости «Чужой — Другой», последовательно воспроизводимые обществом, вступают в противоречие с изменяющимися социокультурными реалиями, когда мощные миграционные потоки сталкивают разноуровневые культуры между собой.

Закономерное желание сохранить культурную самобытность способствует консервации многих культурных форм, не соответствующих развитию постиндустриального общества. Гетеротопия ломает сложившиеся стереотипы и конструирует новое транскультурное пространство, требующее теоретического осмысления. В статье анализируется проблема «сохранения»: что мы сохраняем — культуру в целом или культурный код, представленный набором стереотипов и традиций? Чью культуру мы должны защищать и от кого — традиционную от вызовов глобализации или «Свою» от «Чужого»?

В статье исследуются два противоположных подхода: сохранение традиционности вне инновационного пространства и ломка всех традиционных устоев. В гетеротопном пространстве современного общества преобладающим становится по ряду причин первый подход. Усложняющим фактором становится трансформация «Чужого» в форму «Неочужого» с ризомным видением мира, что существенно усложняет его адаптацию в принимающие общества. Это ставит задачу создания новой стратегии межкультурной коммуникации. Автор дает теоретический анализ существующих проблем внедрения адаптационных практик «Неочужого» в гетеротопном пространстве, который выводит на уровень понимания глубинных причин культурной конфронтации и определяет необходимые меры по ее преодолению.

Ключевые слова: чужой — неочужой, картина мира, миграция, социальная интеграция, глокализация, гетеротопия.

Ведущим сигнификатом² современности продолжает оставаться глобализационный процесс, который рассматривается преимущественно как линейный,

¹ Выполнено при финансовой поддержке РФФИ проект № 15-33-11172 а(ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии».

² Сигнификат – знак, вписанный в историю и выступающий в качестве ценностного ориентира (Романова, Хлыщева, Якушенков, 2014).

идуший из определенного центра и нацеленный на формирование единого взаимосвязанного мира с высокой проницаемостью национальных границ, повышением интенсивности, объема и скорости культурных взаимодействий. Такая «культурная трансформация» (Robertson, 2003) ставит целью моделирование «глобального пространства», а вот в каких формах пойдут изменения — вопрос дискуссионный.

Фактором, затрудняющим сосуществование культур в гетеротопном пространстве, является понимание глобализации как нивелирующего и унифицирующего процесса, что в определенной мере ведет к усилению охранительных тенденций «малых» культур для предотвращения «растворения» в глобализационном потоке. Такой процесс лучше всего представлен термином «глокализация» (Giulianotti and Robertson, 2006), объясняющим трансформации процесса глобализации, вызванные региональной спецификой. Глокализацию можно даже рассматривать в качестве «регионального сценария» глобализации, объясняющего социокультурные процессы, обусловленные переменами в современном обществе в представлениях о ценностях и социокультурных практиках.

В действительности глокализация — процесс гораздо более сложный, чем простой противовес унифицированному стандарту мировых монополий, это скорее «местный» вариант глобализации, проявляемый в способности мировых тенденций в сфере производства и потребления переоплотиться в региональные формы, т.е. подстроиться к специфике локального рынка. Поэтому этническая самобытность в таком процессе — это своеобразный «бренд», узнаваемый в мировом контексте усредненной масс-культуры.

Любое государство — это сосуществование различных культурных миров, с особыми этническими историями, конфессиональной принадлежностью, спецификой бытовой культуры. В любом государстве в рамках одного политического и социально-экономического целого сосуществуют, вступая в контакты или противоречия, различные культурные миры, с особыми этническими историями, конфессиональной принадлежностью, спецификой бытовой культуры. Усложняющим фактором является и культурная дифференциация на уровне индивидов, обусловленная системами воспитания, социальным опытом и способами самореализации. Поэтому, если рассматривать культуру как специфичную форму бытия в определенных пространственных координатах, опирающуюся на историческую традицию, формирующую систему ценностей и соответствующий тип личности, можно утверждать, что она превращает социальную жизнь региона и даже мира в целостность. Значит, именно культура выступает в качестве основы анализа происходящих в современном мире изменений.

Задача глобализации — создание транскультурного пространства, но существование разных «картин мира» народов не способствует или по крайней мере сильно затрудняет создание такого пространства, где должны мирно сосуществовать и взаимодействовать глобальные тенденции общественного

развития и локальные особенности культурной динамики тех или иных народов. Формирование нового способа бытия — «на выходе из своей культуры и на перекрестке с чужими» (Эпштейн, 2005), которые проявляются в самых различных формах, обусловленных той или иной цивилизационной степенью их эволюции — процесс длительный, требующий анализа трансгрессивной³ практики адаптации «чужого» и поиска эффективных механизмов межкультурного диалога. Для этого необходимо обратиться к существующим адаптивным практикам с целью выявления их конструктивных и деструктивных сторон.

Методология исследования

С целью осмысления перехода от локального к транснациональному при характеристике процесса глобализации за основу был взят антропологический подход, отождествляющий «глобализацию» по значимости с понятием «транснациональный поток» (Eriksen, 1993).

Приоритет западного сценария глобализации вызывает обострение противоречий между местным и глобальным уровнями и вместо культурной унификации наблюдается культурная гетеротопия, берущая начало в национальных и региональных культурах (Foucault, 1994; Kimlicka, 2001; McMichael, 1996; Федотова, 2005; Бауман, 2004; Романова, Якушенков, Хлыщева, 2013; Хлыщева, 2015), реализующаяся в идее глокализации, аккумулирующей и синтезирующей современные тенденции глобализации и локализации (Morita, Robertson, 2003).

Проект «космополитической альтернативы» (Benhabib, 2003; Waldron, 2000), согласно которому можно выбирать «культурные фрагменты» из огромного разнообразия этнокультур без осознания себя членом этих культур, сегодня чрезвычайно популярен. Концепции «калейдоскопа культур» (Waldron, 2000) соответствует «постмодернистская» («кулинарно-циническая») форма мультикультурного дискурса (Малахов, 2007), одобряющая «инаковость», проявляющаяся исключительно в вестиментарной и алиментарной культуре⁴, не затрагивая устоявшихся основ бытия, но добавляя экзотики. Именно такое отношение к культурному многообразию во многом способствовало появлению новой формы «пришельца» — «неочужого», адаптация которого в мире гетеротопии крайне проблемна.

Исследование построено на основании метода социального конструктивизма и критического анализа, нацеленного на анализ и обоснование критической перспективы культурных контактов в плоскости «свой — чужой». Главная задача такого анализа — выявление и сравнение специфических базовых характеристик,

³ Трансгрессия – это способ адаптироваться к новым условиям существования в поликультурном пространстве.

⁴ Вестиментарная культура (от лат. *vestimentum* – одежда) культура ношения одежды; алиментарная культура – культура еды (пищевая культура).

свидетельствующих о трансгрессии адаптационных практик, направленных на интеграцию мигрантов в принимающее общество.

Феномен «Неочужого» (дестабилизирующие факторы)

Кардинальные изменения в социокультурной картине мира, связанные с процессами глобализации, возрастающими миграционными потоками, новыми своими культурными паттернами принимающим странам и, соответственно, возрастающая сложность ассимиляционных тенденций, постоянные изменения в социально-политической жизни, локальные войны на этноконфессиональной почве, постмодернистские тенденции понимания действительности неизбежно ведут к переосмыслению картины мира. Четко обозначилась тенденция разрушения традиционных представлений о структуре как стабильно определенной, предлагая радикальную альтернативу замкнутым и статичным линейным структурам с жесткой осевой ориентацией.

По сути происходит столкновение культурных миров традиционной и постмодернистской картины мира, разнящихся по своему цивилизационному уровню развития. Традиционная модель мира, выстроенная вертикально и четко структурированная, обеспечивает целостное «стабильное бытие социума, в котором энергия связности элементов превышает внешние воздействия» (Морина, 2011), а значит все, что находится за пределами этой культуры, позиционируется как «чужое», т.е. «принципиально неприемлемое» (Романова, Хлыщева, Якушенков, 2013). В парадигме постмодерна «чужое» практически отождествляется с «другим», становясь просто «иным культурным опытом» (Хлыщева, 2016), поэтому главным является обеспечение наибольшего пространства для межкультурного и межэтнического диалога. Однако даже сама возможность диалога наталкивается на серьезные трудности, так как ценности либерализма принципиально неприемлемы для традиционных систем.

Иными словами, если западный мир уже вступил в постнациональную стадию и согласно эволюционистской концепции развития рассматривает «чужие» общества чаще как традиционные, которые в результате культурного контакта должны приспособиться к постиндустриальному обществу в силу преимуществ последнего, то многие общества Азии, Африки и Латинской Америки еще переживают период «этнизации», т.е. рассматривают нацию с точки зрения этнического фактора, что и обуславливает непонимание чужой для них культуры постиндустриального общества. Традиционная культура — это иной мир, «неадаптируемый к собственной системе и, следовательно, определяемый в категориях враждебности и чуждости» (Романова, Хлыщева, Якушенков, 2013). Закономерное желание сохранить культурную самобытность способствует консервации многих культурных форм, не соответствующих развитию постиндустриального общества. Противоречия и конфликты в данной ситуации переходят с межличностного уровня на социальный, затрагивая отношения между социальными группами,

а «чужой» — с индивидуального плана на уровень «социального типа», что выводит проблему типологии «Чужого» на новый, более сложный этап.

Во многом отношение к чужой культуре связано с установившейся в конкретном обществе картиной мира, поэтому оппозиция «Свои — Чужие» имеет в каждом отдельном случае свое конкретное наполнение. Однако общим становится тот факт, что если ранее культурная разность была преимущественно «внешним фактом» либо фактом временных контактов, то в современном обществе культурная разность превращается во внутреннюю проблему. Жить в таком «культурном водовороте, где каждый способен воспринимать изменение, видеть “растворение” своей культуры в другой» достаточно проблемно, так как именно «своя» культура, как правило, признается лучшей и служит критерием, точкой отсчета на шкале развития по сравнению с «другими».

Дестабилизирующим фактором является и сохраняющийся в научной среде примордиалистский подход к пониманию «этничности» (особенно наглядно проявляется в России), когда каждая этногруппа «наделяется» своей культурой, а за «культурами» закрепляется определенный этнический носитель, т.е. культура рассматривается как достояние того или иного этноса, и в процессе коммуникации идет ориентация в первую очередь на этноконфессиональные признаки, что крайне затрудняет культурный диалог. «Чужой» чаще всего воспринимается как представитель другой этнической группы или религиозной конфессии, чей образ жизни кардинально не совпадает с традициями и образом жизни основных культурных групп региона. Появление такого «Чужого» создает различные точки бифуркаций, которые могут в конечном итоге стать неуправляемыми. Главную трудность в этом случае представляет мнение, что этнически различные индивиды не могут принадлежать одной культуре. Поэтому сегодня в большинстве случаев общество воспринимается не как культурное единство, а как совокупность этнокультурных и этноконфессиональных сообществ, которым необходимо «договариваться» между собой (модель «миска салата»).

Нельзя сказать, что «смешивание культур» — это кардинально новая проблема, возникшая в конце XX — начале XXI в. Процессы культурного синтеза происходили на протяжении всей истории, а «Чужой» становился своеобразным конструктом, необходимым для самоидентификации. В то же время граница между «Своими» и «Чужими» подвижна, и на этом «культурном пограничье» предопределены прямые контакты нескольких культур, что приводит к изменению как самой границы, так и критериев самоидентификации культур. Особую трудность и в то же время эволюционную возможность представляют контакты культур разного уровня цивилизованного развития.

Нуждаясь в рабочей силе, индустриальные общества открыли «двери» мигрантам развивающихся стран, которые в своем большинстве являются носителями иных культурных традиций, стереотипов и моделей поведения. Такая разность в принципе не способствует формированию единой общности. Многие приезжие не говорят на

языке принимающей страны и не выражают стремления его учить; в определенных районах национальные языки становятся основными, а владение ими оказывается дополнительным основанием для приема на работу в муниципальные учреждения. Даже в судебном делопроизводстве действует «стратегия культурной защиты» (Benhabib, 2003), что также не способствует культурному диалогу.

Трудности процесса адаптации нагляднее всего проявляются в повседневной сфере, так как любая культура, прежде всего, представляет собой определенные структуры повседневности: специфические навыки, умения, характерные модели поведения и взаимодействий. В одних культурах более всего ценится индивидуализм, самостоятельность, активность, в других — коллективизм, послушание, подчинение. Каждая культура имеет свой язык, который служит средством и коммуникации, и мышления индивидов и становится важным социальным явлением. Поэтому степень адаптации иммигрантов определяется не только создаваемыми государством условиями, но и готовностью самих переселенцев интегрироваться в это общество, что и составляет главную проблему.

Понимание чужих культур затрудняет культурная дистанция: большая часть мигрантов в мировоззренческом, конфессиональном, этнокультурном, лингвистическом отношении в силу своей картины мира сильно отличается от местного населения, и преодолеть такой барьер за короткий срок невозможно. Именно разница в ценностных представлениях привела к образованию закрытых этнических сообществ, где иммигранты стараются как можно дольше сохранить привычный образ жизни. Тем не менее, опыт показывает, что невозможно «на чужой почве» (Thranhardt, 1992) сохранить свою культуру, она в любом случае деформируется и превращается «в некую версию культуры страны происхождения» (Thranhardt, 1992).

В идеале приезжие должны согласиться с нормами, существующими в принимающем обществе. А это требует изменения собственного традиционного видения мира, вплоть до права выбора своей идентичности и права интегрирования (или не интегрирования) в принимающее общество. Мультикультурные практики предполагали, что признание всех культур равноценными и достойными внимания и уважения автоматически приведет к преодолению хаоса и дезинтеграции, обеспечит внутренний мир посредством укрепления принципов толерантности и умения сосуществовать с инокультурными группами и индивидами. Однако культивирование уникальности культур меньшинств привело к обратному процессу, названному исследователями «реактивным» мультикультурализмом (Малахов, 2007), когда этнические меньшинства активно пропагандируют возврат к своей прежней идентичности. И то, что раньше считалось отрицательной характеристикой, получаемой группой извне, сегодня становится положительной самохарактеристикой группы.

В такой ситуации резонно встает вопрос о границах допустимости возрождения и сохранения культурной традиции как опоры традициональной

картины мира, где демонстрация этноконфессиональных отличий далеко не всегда способствует социальной интеграции, а главное — замыкает представителей конкретных групп в узкие рамки традиционного мышления. По сути, происходит конструирование неких симулякров, плохо соотносимых даже с традиционными этническими паттернами. Групповые различия становятся своеобразным маркером современного пространства принимающих социумов (узбек, таджик, молдаванин в России занимаются преимущественно строительством, выходцы с Кавказа, из арабских государств — торговлей, казахи, корейцы заняты в сельском хозяйстве и т.д.). Эти симулякры⁵, основанные на обязательном сохранении и воспроизведении народных традиций, когда этническая идентичность становится более важной, чем общенациональные ценности, искусственны и не могут решить реальных проблем адаптации, а только приводят к напряженности в отношениях минорити-групп, между которыми необходимо не позиционировать «свою специфику», не создавать «беспорядок неуместного и сближения несовместимого» (Foucault, 1994), а искать точки «соприкосновения», чтобы избежать конфликта и «определить общее место для тех и других» (Foucault, 1994). Правда, здесь возникают серьезные сложности в силу устойчивых паттернов традиционной картины мира, которые побуждают иммигрантов к формированию сообществ именно по этническому признаку, что придает каждой группе четкую этническую маркировку.

Сегодняшний иммигрант не похож на своего «предшественника», стремящегося во что бы то ни стало стать частью нового социума. На смену этому «Чужому» приходит «Неочужой» эпохи постмодернизма, с ризомным видением мира и размытым мейнстримом. Он явился «извне», ему чужды нормы и идеалы принимающей страны. Он не стремится вписаться в социум, противопоставляя свою культуру культуре «новой родины». Как правило, «иной» и «другой», хотя и были иноверцами, представителями иной культуры, все-таки пытались адаптироваться в социум, составляя с ним одно целое. Сегодня наблюдается обратное: «Неочужой» «приходит и остается, живя по своим правилам и законам» (Зиммель, 2008). Именно он пытается возродить этнические и религиозные традиции своей «идеальной прародины» для самоутверждения в чужой для него стране. Это вносит серьезный дисбаланс в сложившуюся систему культурной идентификации и нарушает культурный паритет. Однако, если «чужое» — это «неизвестное, которое может быть освоено *per analogiam*» (Вальденфельс, 1999), то в случае «неочужого» в принципе отсутствует сама возможность интерпретации.

Феномен «неочужого» не только не «объясняется», а напротив, еще больше уходит от понимания, поэтому легче его отделить, вывести за пределы либеральных ценностей и предоставить самому себе, культивируя его традиционные практики. Этому способствует и дистанция между представителями разных

⁵ Симулякр – «копия», не имеющая оригинала в реальности; «псевдовещь, замещающая реальность постреальностью посредством симуляции» (Бодрийяр, 2015).

культур, когда большая часть в мировоззренческом, конфессиональном, этнокультурном, лингвистическом отношениях в силу своей картины мира сильно отличается друг от друга. Значит, для преодоления сбоев реальность должна быть либо «узнана» с учётом современных корректив, либо *перетолкована заново*, создавая новые контуры обжитого пространства. В противном случае складывается ситуация «пассивного претерпевания», означающая отсутствие возможности активной реакции, что в принципе и происходит в странах Западной Европы. Чтобы вернуть возможность активного воздействия, «необходимо вновь оказаться в истолкованном пространстве» (Вальденфельс, 2004).

Адаптационные практики «Неочужого»: сравнительный анализ

Действенного механизма инкорпорирования «Неочужого» в общество пока не существует и даже пространственная близость мигрантов не гарантирует их полного принятия в группу или сообщество и не является показателем «внутреннего статуса, гражданства или членства в культуре» (Псан, 1999).

Закрытые пространственные общины иммигрантов представляют собой вызов западной цивилизации. И хотя у многих стран к середине XX в. уже имелся определенный опыт по выработке механизмов адаптации приезжих, столкнувшись с массовой миграцией из стран Азии и Африки, западные общества признали неэффективность прежних методов. Даже американское, канадское и австралийское общества, успешно решающие задачу по инкорпорированию «Чужого» в социум, сегодня вынуждены были отказаться от прежних методик адаптации приезжих — к «Неочужому» они оказались не действенны.

В результате исследователи заговорили о происходящей переоценке европейских ценностей и процессе исламизации Запада, куда оказались втянуты жители стран либеральной демократии. Ислам превратился в идентификационный маркер, принадлежность к которому становится символической границей внутри населения европейских стран. Феномен усиления исламизма правильнее интерпретировать в качестве политизированной формы идентичности, когда сама идентичность становится действенным политическим инструментом.

В сложившейся обстановке массовой миграции беженцев возникают опасения перед «исламизацией» Европы: это страх перед политическим доминированием ислама и опасения культурного свойства: чем больше в Европе будет мусульман, тем выше вероятность вытеснения европейских норм, ценностей и образа жизни неевропейскими, из стран исламского мира. Можно спорить об истинных масштабах исламизации Западной Европы, но вникнуть в глубину происходящего процесса стоит.

Таким образом, в определенной степени государственная поддержка потребностей этнических групп и демонстрация этноконфессиональных отличий тормозит социальную интеграцию. Социальные льготы для «слабых» часто превращаются в дискриминацию «сильного», принижение доминирующей

культуры. В конечном итоге культурное разнообразие трансформировалось из «характеристик равенства всех культур» в практику сохранения культурных различий, усиливающих замкнутость культурных групп и создающих искусственные границы между ними.

«Неочужой» в России: общее и специфичное

Свой «Неочужой» имеется и в России, хотя иммиграция здесь достаточно специфична и отличается по своему характеру от всех западных вариантов. В России этническая пестрота, обусловленная огромной территорией, природными различиями, политикой государства в отношении разнородного населения, существует веками. И общая идентичность жителей страны обеспечивалась сначала подданством царю и православием, а затем советским патриотизмом. Исторически на территории России подразумевалась русская государственность, поэтому и жители воспринимались как «русские», этничность же проявлялась преимущественно на бытовом уровне.

Сегодня модель социокультурной системы России содержит альтернативные варианты развития: православно-славянский (евразийский), буддийский, тюркский, мусульманский и др., наглядно демонстрирующие связь двух культурных моделей — Запада и Востока. Этнокультурный облик России исторически отличается большим разнообразием, которое обусловлено «мозаикой местностей» и существованием множества своеобразных культурных миров на огромной территории. Процесс присоединения земель сопровождался ассимиляцией и освоением «местных» культур, технических достижений, новых пространств. В таком способе освоения земель заключается специфика российского общества: заселение, как правило, происходило в форме малочисленных поселений, где бок о бок жили славянские и неславянские народы. Численное превосходство и отсутствие опасности гибели этноса привели к тому, что именно русские с легкостью воспринимали чужие обычаи, естественным образом включая в собственное культурное пространство элементы жизни других народов, заключали межнациональные браки. Такая максимальная открытость приводила к интересному феномену, который исследователи определяют как «невывяленность характерных этнических черт», «стертость этнохарактера» (Костина, Гудима, 2007).

Пространственный фактор во многом определил российскую поликультурную модель, где под эгидой центра сосуществуют различные культурные миры, с особыми этническими историями, разной конфессиональной принадлежностью, отличающимся уровнем экономического развития и т.д. Население подобных «миров» становится носителем различных «культур» — этнической, региональной, общероссийской, что создает определенные условия для «преодоления этнических противоречий за счет наднациональной идентичности и региональной самоидентификации людей разных национальностей» (Костина, Гудима, 2007).

Однако с распадом советской системы государственной власти, в 90-х гг. XX в. фактор «этничности» становится доминирующим, эффективно функционирующим институтом, поэтому проблемы культурного самоопределения, обострившиеся в эпоху «перестройки», сводились к самоопределению этническому, что мешало формированию гражданского общества. Миграционные волны 1990-х гг. можно даже условно сравнить с историей заселения США: первоначально шло активное вытеснение славянского населения из неславянских республик в Россию, затем появились беженцы с Кавказа и, наконец, трудовая миграция из стран Средней Азии, Молдавии, Украины. Кроме того, можно говорить о приезде в Россию на заработки выходцев из стран Азии (преимущественно Китай, Вьетнам, Корея) и Африки (часто это студенты, не желающие возвращаться на родину). Нельзя сбрасывать со счетов и так называемый «транзит» — из Азии через Россию в Европу.

«Первая волна» миграции отличалась незначительной культурной дистанцией, так как приезжими оказывались в основном жители бывших союзных республик. В силу существования в советское время единой системы образования, которая обеспечивала общность систем знания, адаптационная способность этих мигрантов была гораздо выше, чем способность к интеграции иммигрантов из Азии и Африки, т.е. «Чужие» по сути таковыми не являлись, хотя определенная культурная дистанция все-таки имеет место. Главное — их шансы вписаться в российское общество были достаточно велики.

По мере национальной консолидации республик, отделившихся от СССР, молодое поколение усвоило собственные этнические коды, которые начали «окрашиваться» в национальные цвета (Хлыщева, 2014), поэтому такие мигранты, замкнутые на себя посредством своего языка и культурных символов, не способны, да и не стремятся вписаться в существующую систему принимающей страны, создавая пригодную почву для межэтнических столкновений. Значимую роль в культурных контактах играет сегодняшний низкий образовательный уровень иммигрантов, что существенно затрудняет (или делает практически невозможным) социальную адаптацию к российским условиям и на рынке труда, и в быту.

Способность к взаимной адаптации определяется «этнической дистанцией» (Джереми, 2007), т.е. величиной культурных различий между представителями разных этнических общностей. Индикатором такой дистанции является показатель смешанных браков, а для этнических меньшинств — это еще и степень владения языком народа, составляющего на данной территории большинство. Практика наглядно показала, что наилучшая адаптация у русских к родственным славянским народам (белорусам, украинцам), а наибольшая этническая дистанция у русских с народами Азербайджана, Чечни, Дагестана, Узбекистана, Таджикистана, с трудом признающих иные этносы и их культуры.

Сегодня Россия привлекает «трудовые ресурсы из стран условного Юга» (Малахов, 2015). Однако страна только недавно стала практиковать использование

труда гастарбайтеров, поэтому в российском обществе «отсутствует согласие не только относительно необходимости интеграции мигрантов, но и относительно необходимости самой иммиграции» (Малахов, 2015).

До 2014 г. основными миграционными донорами России являлись страны Средней Азии, в 2015–2016 гг. события на Украине превратили эту страну в основного «миграционного донора» России. В 2016 г. роль Украины в миграционном балансе несколько снизилась, зато восстановился баланс с Узбекистаном и Таджикистаном (Малева, 2017).

Контингент иностранцев из развитых стран Запада сокращается, что несомненно, является результатом экономического и политического кризиса. Однако можно говорить о росте численности граждан Китая, вышедших на первое место среди представителей стран дальнего зарубежья, в том числе и по пребывающим с целью «работа по найму» (Малева, 2017).

В новых суверенных государствах (бывших советских республиках) синдром «этнического меньшинства» проявился в агрессии против этнических меньшинств уже на этой территории. Кроме того, здесь остро встала проблема государственного языка, что привело практически к недоступности для русскоязычного населения высшего образования и работы. Нагляднее всего такая ситуация проявилась в странах Прибалтики. Среди иммигрантов из Средней Азии (внешняя миграция) и Северного Кавказа (внутренняя миграция) сильно выражен элемент автономности и дистанцированности не только от принимающего общества, но и по отношению друг к другу. Страхи вторжения «иного», «чужого» заставляют рассматривать «других» как «чужеродных, незваных гостей» (Рыбаковский, 2009), что еще больше увеличивает «этническую дистанцию».

Кроме того, спецификой России является культурное противостояние не по религиозному или этническому принципу, а «по принципу “Свой”, как представитель традиционно проживающего на данной территории этноса, вне зависимости от его религиозной принадлежности, и “Чужой”, вновь прибывший. При этом проявляется определенный парадокс, когда “культурно далеких” переселенцев, сумевших удачно “вписаться” в порядок принимающей страны, перестают замечать, а “культурно близких”, не интегрировавшихся в жизнь общества, игнорируют и пытаются от них избавиться» (Малахов, 2001).

«Старые» этнические группы, исторически проживающие на территории того или иного региона, различаются по своему языку, культуре, «стажу» проживания в нем, но, так или иначе, все они живут бок о бок на протяжении столетий. За это время складываются общие традиции внутрикультурного взаимодействия, устанавливается известный баланс или динамическое равновесие между ними. Иммигранты 1990-х гг. были далеки от традиций, сложившихся в регионах, поэтому воспринимаются населением как «иные», а отношения с ними проецируются через призму «свой — чужие» (Мукомель, 2005). В результате появляются этнические группы иммигрантов, довольно замкнутые по отношению к социаль-

ному окружению (особенно это проявляется в случае с переселенцами с Кавказа). Специфическими особенностями новообразованных общин являются заметное преобладание мужчин и ярко выраженный религиозный характер. Ситуация становится аналогичной происходящему в Западной Европе, где встречаются разные культурные миры, не готовые идти на контакт друг с другом.

Еще одна достаточно специфичная черта России — сезонная миграция (в основном из Вьетнама, Северной Кореи, Средней Азии, Украины и Молдовы), когда временные сезонные работники весной и летом едут в Россию на работу в основном в сельском хозяйстве и строительстве, а осенью возвращаются домой. По примерным оценкам в некоторых регионах России на таджиков и узбеков приходится 75–80% сезонных мигрантов (Рязанцев, 2016).

Такая миграция имеет ряд негативных последствий для принимающих стран: наблюдается рост теневой экономики, формируются замкнутые этнические анклавы, происходит отток денежных средств из страны. В то же время нагрузка по обслуживанию таких мигрантов и членов их семей ложится на местные учреждения социальной сферы (образования, здравоохранения). Так, уже сегодня каждая третья пациентка роддома — иностранка из стран СНГ (в основном из Средней Азии) (Новости канала НТВ, 2013). А в российских школах при сохранении нынешней миграционной политики в ближайшем будущем треть всех учеников будут составлять дети мигрантов. При этом одна из главных проблем заключается в том, что единой государственной программы социокультурной интеграции, системы языковой адаптации детей мигрантов к условиям жизни в новой для них российской среде нет.

В результате опросов местного населения российских городов (Москва, Волгоград, Астрахань) автор приходит к выводу о существовании низкой оценки квалификационных возможностей приезжих. Многие местные жители считают, что мигранты нужны только как рабочая сила на улицах (дворники, уборщики мусора и т.д.) и обслуживающий персонал в магазинах, кафе, офисах. Большинство же вообще склоняется к тому, что мигранты не нужны вовсе. Такое отношение находит свое подтверждение в «Справочнике трудового мигранта» (2011), в котором приезжие изображены в образах малярной кисти, валика, веника и мастерка — очень милых, но все же инструментов (Справочник, 2011).

Конечно, не все настроены столь критически. 40% опрошенных соглашаются с фактом проживания и работы приезжих, но подчеркивают необходимость их адекватного поведения (Юрьев, 2012). Для этого в Москве в 2017 г. для мигрантов подготовлен сборник рекомендаций в виде комиксов по поведению в российской столице. С правилами приезжих знакомят герои русских сказок: три богатыря, Снегурочка, Василиса Премудрая, Купава, Кашей Бессмертный и др. Памятка состоит из четырех глав и приложения со справочной информацией и ориентирована прежде всего на нелегальных мигрантов. Им объясняется, как нужно получить миграционную карту, регистрацию и патент на работу. Цель данного

текста — повышение уровня правовой грамотности среди мигрантов, снижение напряженности среди москвичей и внутри среды мигрантов и успешная интеграция мигрантов в российское общество. Однако россияне справедливо опасаются, что приезжие, плохо знающие язык, мало что поймут в предлагаемой книжке.

Аналогично мигрантам на Западе, в России этнические общности различаются и в отношении профессиональных предпочтений. Приезжие из Азербайджана, Дагестана, Чечни более мобильны в социальном плане, чем местное население, поэтому активно заполняют ниши, образовавшиеся в условиях рыночной экономики. Особенно востребованы таджики и узбеки, готовые трудиться за гроши. Основная часть мигрантов с Кавказа реализуют себя в торговле, создавая при этом довольно замкнутые и малопроницаемые для взаимодействия с внешней средой сообщества. Такая «обособленность и конфликтность придают кавказским общинам полумаргинальный статус» (Разгонникова, 2007), что в условиях недостаточной социально-правовой отрегулированности отношений является фактором, усиливающим социальную напряженность. Добровольная сегрегация таких общин этнических мигрантов чаще всего является «осознанной стратегией адаптации к принимающему обществу» (Мукомель, 2005), демонстрирующей низкий уровень готовности мигрантской общины к интеграции с местным сообществом.

Так же, как и в западных странах, проблемой для России является нелегальная миграция в основном из среднеазиатского региона, Украины и Молдавии. Большинство мигрантов прибывает в поисках работы, однако официальными приглашениями располагает лишь незначительная часть. Нелегально прибывшие граждане за счет незнания языка и норм права в России, взаимодействуя с обществом, становятся причиной массы проблем. Настороженность вызывают и нормы поведения, не соответствующие нормам и традициям принимающего общества. Отсюда — растущее стремление жителей отгородиться от переселенцев Северного Кавказа и Средней Азии (прежде всего Чечни, Дагестана, Узбекистана и Таджикистана).

Кроме того, стабилизации положения препятствует ряд внешних и внутренних факторов: приграничное положение территорий, неадекватная оценка миграционной ситуации и мигрантофобия, и как результат — «широкая распространенность этнических фобий, сопровождающаяся консервативностью общественного сознания на фоне относительно низкого уровня развития гражданского общества» (Назарова, 2006). Не способствует сближению и культурная дистанция между мигрантами и местным населением, информационное конструирование негативного образа «чужих», оказывающее значительное влияние на массовое сознание.

В отличие от западных стран, в России даже статус «национального меньшинства» имеет устойчиво негативные коннотации, что объясняется отчасти тем, что выбор этнической идентичности не был результатом культурного самосо-

знания индивида, а совершался в результате административных решений, что фиксировалось записью в паспорте и оформлением прописки. Иными словами, идентификация индивида с некоей этнической группой не была добровольной. Она была «внешне предписана, причем иногда предельно жестко» (Малахов, 2008). Даже нация в России воспринимается не как сообщество граждан (как например, во Франции), а как культурная (часто этническая) целостность, т.е. вместо того, чтобы говорить о «единой нации россиян, объединенных общим прошлым и будущим, мы говорим о существовании под крышей одного государства различных наций» (Малахов, 2002).

Это подтверждает факт сохранения примордиалистского подхода к культуре, т.е. несмотря на определенную трансформацию картины мира, группа мигрантов по-прежнему связывается с чужой культурой. В российском контексте понятию «этнос», которое тождественно понятию «народ», придается культурный смысл, а группе в целом приписывается несуществующая «гомогенность», и в процессе коммуникации идет ориентация в первую очередь на этнические признаки чужого.

Особенности иммиграционной политики порождают нежелательные эффекты в виде этнокультурного расслоения общества, этнизации социальных отношений и политизации повседневных конфликтов, сводя их до конфронтации «своего» и «чужого». Так, понимание культурного разнообразия трансформировалось из «признания равенства всех культур» в практику сохранения в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий, что более напоминает традиционалистскую картину мира, усиливая замкнутость культурных групп и порождая искусственные границы между ними.

Между тем трансформация картины мира — процесс обоюдный, затрагивающий и приезжих, и местное население принимающих обществ. Процесс осознания своего места в окружающем пространстве всегда осуществляется через сопоставление ценностей и целей индивида или социальной группы с целями и ценностями иных индивидов, иных социальных и этнических групп, иных культур и вероисповеданий.

Дискуссия и выводы

Таким образом, современный мир зафиксировал пространственную гетеротопию, наглядно проявляющуюся в дихотомии «Свой — Чужой», но этого мало — нужно видеть, как эта «чуждость» преодолевается. Чтобы вернуть возможность активного воздействия, «необходимо вновь оказаться в истолкованном пространстве» (Вальденфельс, 2004). «Чужое» в интерпретации «лишается своего Жала, утрачивает природу сбоя» (Вальденфельс, 2004).

Важной характеристикой фронтальных территорий является высокая мобильность больших групп людей, несущих новые формы культурных и социальных контактов. Поэтому процесс коммуникации здесь нацелен прежде всего на

практический контакт представителей разных культур, эффективность которого определяется многими причинами, в частности:

- степенью адаптации к культуре стороны-реципиента;
- равными правами культурных меньшинств и культуры большинства;
- правом свободного выхода из группы, т.е. правом человека не причисляться автоматически к определенной культурной, религиозной, языковой группе лишь по факту своего рождения.

Последняя причина представляется одной из самых значимых, хотя и трудно достижимых.

Этнокультурные симулякры, основанные на обязательном сохранении и воспроизведении традиций, искусственны и не могут решить реальных проблем адаптации; когда в рамках одного общества сосуществуют люди с разными культурными традициями, жизненно важно согласие относительно общих норм поведения, официального языка, праздников, внешнего вида, а также соотношения властных полномочий государственного и местного уровня, прав и обязанностей индивидов и сообществ. Решить эти вопросы бывает непросто, поскольку у представителей этнокультурных групп существуют устоявшиеся мнения о том, что считать правильным и неправильным, хорошим и плохим, а потому они не готовы с легкостью изменить свое поведение и образ мысли.

Межкультурное взаимодействие осложняется тем, что право быть иным логически порождает неравенство, а льготы только стимулируют консервацию привычных образов поведения, но не нацеливают на их ликвидацию. Как следствие — происходит этнокультурное расслоение общества, этнизация социальных отношений и политизация повседневных конфликтов, сводя их до конфронтации «своего» и «чужого».

Только в случае нахождения адекватных механизмов сосуществования концепт «свой — чужой» может стать культуuroобразующим, т.е. формирующим современную культуру, так как соприкосновение с другой культурой в обязательном порядке приводит к выходу за границы установленной нормы, расширяя диапазон взаимодействия. Современный фронт не столько разделяет, сколько объединяет, «буквально навязывая контакты, предполагая через столкновение прийти к конструктивному культурному диалогу и взаимодействию» (Романова, Якушенко, Хлыщева, 2014).

Для сближения культур наиболее важным являются не размеры территории или численность населения, даже не наличие природных ресурсов, а культурные и психологические факторы: «уровень национального самосознания и способность к самореализации» (Фурман, 2009). Удачи или провалы на пути включения новых членов в общество определяются множеством объективных и субъективных факторов, важнейшими из которых становятся занятость или безработица, уровень образования, наличие у выходцев из мигрантской среды

необходимой профессиональной квалификации, достойное жилье, отсутствие явной и скрытой дискриминации в доступе к рабочим местам и т.д. Если эти проблемы не решены, то никакая мультикультуралистская риторика не принесет желаемого эффекта.

Общество не может быть стабильным и не может долго существовать, не развивая чувство идентичности у своих граждан. Причем речь идет об идентичности не этнической и даже не основанной на общих культурных характеристиках, так как мультикультурное общество слишком разнообразно, но оно должно быть политическим и основываться на понимании, что ты являешься гражданином определенной страны. Поэтому способность одного народа осваивать достижения другого, не подменяя своих, — один из главных показателей жизнеспособности его культуры. Именно на этом пути взаимодействия культур складывается общечеловеческая культура, единая и вместе с тем многообразная.

Единство не устанавливается по приказу, а формируется из «гражданского воспитания, из обязательств по отношению к общему благу, из национальной истории, из общих ценностей, общего опыта, из традиционных социальных учреждений, из дискуссий об общественных интересах и о том, что требуется от людей, которые живут вместе и сталкиваются с одинаковыми вызовами на одном и том же уголке Земли» (Фурман, 2009). Современный человек должен обладать множеством разных идентичностей, что служит гарантией толерантности. Восприятие, усвоение и адаптация другого культурного опыта является мощным стимулом порождения новых культурных форм, поэтому для лучшей адаптации претендент на гражданство в любой стране обязан владеть языком принимающего общества на уровне, достаточном «для общения в устной и письменной форме в условиях языковой среды» (Федеральный закон, 2002). Разработаны тесты по русскому языку как иностранному для проведения государственного тестирования граждан зарубежных стран с целью обеспечения минимальной способности мигранта вести диалог с населением принимающей страны.

Кроме того, «работники-иностранцы должны выплачивать из своих зарплат 1,8% на страхование. Это гарантирует не только обеспечение медицинской помощи, но и возможность встать на учет в Центр занятости и получать компенсацию за потерю работы. Чтобы оформить ее, необходимо делать взносы минимум 6 месяцев. Если у будущего работника нет медицинского полиса, то его не имеют права брать на работу. Есть и льготы: иностранцы, которые закончили любое русское учебное заведение (не только институт, но и колледж), имеют право получить работу в упрощенном режиме. Не требуется в данном случае и опыт работы, а срок получения гражданства может составлять всего 9 месяцев» (Миграция в России, 2017).

Иными словами, адаптационный механизм существует, но его следует четко и последовательно применять, что, к сожалению, не всегда происходит. Иммиграционным процессам необходимо придать управляемый и цивилизо-

ванный характер, учитывающий особый геополитический статус принимающей страны. Регулирование миграции должно исходить из особенностей этнического состава населения территорий, из особенностей природного, экономического, политического, социокультурного и духовно-религиозного характера каждой территории.

Процесс осознания своего места в окружающем пространстве всегда осуществляется через сопоставление ценностей и целей индивида или социальной группы с целями и ценностями иных индивидов, иных социальных и этнических групп, иных культур и вероисповеданий. Все, чем мы пользуемся, принадлежит «культурному калейдоскопу», а не только одной этнической культуре, а потому и выбор человека не может определяться этническим происхождением. В данном контексте исчезает само понятие «отдельная культура», а степень культурной интеграции зависит от мобильности населения, а также уровня международной торговли и коммуникации. Уолдрон называет такую форму «плюралистической культурой» (Waldron, 2000), где культуры не изолированы от мира, напротив, они открыты и плюралистичны, перенимая и интегрируя значимые элементы других культур. Такой обмен не угрожает культурной самобытности.

Джон Милль считал, что культура общества должна быть богатой и разнообразной, а большая часть этого богатства «приходит путем усвоения плодов других культур. Никто не хочет строить неприступные стены вокруг культуры, чтобы отрезать ее от мирового прогресса» (Милль, 1993). Культуры демократического общества должны быть космополитами, участвуя в культурном обмене, оставаясь при этом «глубоко привязанными к своим общинным корням» (Kymlicka, 2001), но воспринимая «культурный код» «чужой» культуры, не худшей и не лучшей, а просто «другой», которую надо понять в целях осуществления мирного диалога.

Для этого необходимо искать более широкие формы самоидентификации. Но на этом пути возникают большие трудности из-за устойчивых моделей традиционного мировоззрения. Вот почему необходим теоретический анализ существующих противоречий в мировоззрении разных культур, который выявляет коренные причины культурной конфронтации и определяет необходимые меры по ее преодолению. Цель такого анализа — «изменить образ мышления в глобальном аспекте, который предполагает признать «Чужого» как «другого, но равного» (Robertson, 1998).

Библиографический список

1. Бенхабиб, С. (2003). *Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эпоху*. Москва.
2. Бодрийяр, Ж. (2015). *Симулякры и симуляция*. Москва.
3. Вальденфельс, Б. (1999). *Мотив Чужого*. Минск.
4. Вальденфельс, Б. (2004). *Топография Чужого*. Киев.

5. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. (2010). *Тысяча плато. Капитализм и шизофрения*. Санкт-Петербург.
6. Зиммель, Г. (2008). Эссе о чужаке. В А. В. Филиппов (ред.) *Социологическая теория: История, современность, перспективы* (с. 9–15). Санкт-Петербург.
7. Джереми, Р. (1997). *Миграции в постсоветском пространстве: политическая стабильность и международное сотрудничество*. Москва.
8. Костина, А. В., Гудима, Т. М. (2007). *Культурная политика современной России: соотношение этнического и национального*. Москва.
9. Малахов, В. С. (2007). Демократический плюрализм и дискурс мультикультурализма. В В. С. Малахов *Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме* (с. 154–161). Москва.
10. Малахов, В. С. (2015). *Интеграция мигрантов: концепции и практики*. Москва.
11. Малахов, В. С. (2008). Почему в России нет мультикультурных исследований? *Вестник Института Кеннана в России*, 13, 24–29.
12. Малева, Т. М. (ред.). (2017). *2016: социально-экономическое положение населения-продолжающийся кризис или новая реальность?* Режим доступа <http://www.ranepa.ru/images/News/2017-05/24-05-2017-insap-issledovanie.pdf>
13. Мигранты едут рожать в Россию: 200000 рублей за ребёнка оплачивают российские граждане. (2013). *Новости канала НТВ*. Режим доступа <https://www.msk.kp.ru/daily/26100.5/2998032/>
14. Миграция в России 2017. (2017). Режим доступа <http://migrant.ru/migraciya-v-gossii-2017/>
15. Милль, Дж. (1993). О свободе. *Наука и жизнь*, 11, 10–15.
16. Морина, Л. П. (2011). Концептуализация чужого в аспекте проблемы мультикультурализма. Свое и Чужое в культуре. *Научный журнал Санкт-Петербургского отделения Российского института культурологии*, 1(2), 15–19.
17. Мукомель, В. И. (2005). Грани интолерантности (мигрантофобия, этнофобия). *Социологические исследования*, (2), 56–66.
18. Назарова, Е. А. (2006). Особенности миграционных процессов в южных регионах России. *Социологические исследования*, (6), 73–78.
19. Паин, Э. А. (2006). *Конструирование мифов*. Москва.
20. Разгонникова, Н. В. (2007). *Исследование проблем миграции с Северного Кавказа в Астраханскую область: социальные и экономические факторы адаптации (на материале социологического опроса)*. Волгоград.
21. Романова, А. П., Якушенков, С. Н., Хлыщева, Е. В. (2014). *Нижневолжский фронтир: культурная память и культурное наследие: учебное пособие*. Астрахань.
22. Романова, А. П., Хлыщева, Е. В., Якушенков, С. Н. (2013). *Чужой и культурная безопасность*. Москва.
23. Рязанцев, С. (2016). *Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса*. Режим доступа <http://www.globalaffairs.ru/valday>
24. Рыбаковский, Л. Л. (ред.). (2009). *Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве*. Москва.
25. *Справочник трудового мигранта*. (2011). Санкт-Петербург.

26. Фуко, М. (2006). *Интеллектуалы и власть*. Москва.
27. Фуко, М. (1994). *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. Санкт-Петербург.
28. Хлыщева, Е. В. (2016). Изменение картины мира в результате миграционных процессов эпохи глобализации. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3 (48), 106–111.
29. Хлыщева, Е. В. (2014). Культурное многообразие: граница между «своими» и «чужими». *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 2 (39), 280–285.
30. Эпштейн, М. (1995). *На границах культур: российское — американское — советское*. Нью-Йорк.
31. Giulianotti, R., Robertson, R. (2006). Glocalization, Globalization and Migration: The Case of Scottish Football Supporters in North America. *Intern. Sociology*, 21 (2), 171–198.
32. Eriksen, Th. H. (2003). *Globalisation: Studies in Anthropology*. London.
33. Ilcan, S. (1999). Social Spaces and Micropolitics of Differentiation: An Example from Northwestern Turkey. *Ethnology*, 38, (3), 243–256.
34. Robertson, R. (2003). Values and Globalization: Communitarianism and Globality. In R. Robertson & K. E. White (Eds.) *Globalization: Critical Concepts in Sociology*. Vol. 4. London.
35. Thranhardt, P. (Ed.). (1992). *Europe — A New Immigration Continent: Policies and Politics in Comparative Perspective*. Hamburg.
36. Wadron, J. (2000). What is Cosmopolitan? *The Journal of Political Philosophy*, 8 (2), 227–243.

Статья поступила в редакцию 04.09.2017.

.....

FROM THE STRANGER TO THE NEOSTRANGER: TO A PROBLEM OF FORMING THE MODERN IMMIGRANT'S ADAPTATION MECHANISMS (COMPARISON OF EUROPE AND RUSSIA)

Khlysheva E. V.

Khlysheva Elena Vladislavovna, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, Tatishcheva Str., 20A

E-mail: culture_mar@mail.ru

This article has been written with the assistance of RFBR project No. 15–33–11172 a(c) “Cultural security in heterotopic conditions”.

The modern world has fixed the spatial heterotopia which is visually shown in a multi-vector orientation of a dichotomy "our-others" where cross-cultural communication promotes emergence of the new cultural patterns defining modern forms of cultural and social contacts. However, the remaining traditional stereotypes in the field of “Stranger and Other”, conflict with the changing sociocultural realities. Heterotopia breaks stereotypes and designs a new transcultural space which demands theoretical comprehension.

In this article the author analyzes the problem of preserving culture: what do we keep — culture in whole or the cultural code, presented by a set of stereotypes and traditions? Whose culture do we protect and from whom — traditional culture from globalization calls, or "our culture" from the Stranger, or maybe we protect culture from ourselves? And, at last, how do we protect it — carefully preserving against innovations or actively break all traditional forms, clearing away the road for innovative development?

The transformation of "stranger" to a form of "neostranger" with the rhizome world view becomes the factor that significantly complicates his adaptation into the accepting societies. It sets a task of creation a new strategy of cross-cultural communication.

Key words: stranger, neo-stranger, world view, immigration, social integration, glocalisation, heterotopia.

References

1. Baudrillard, J. (2015). *Simuljakry i simuljacija* [Simulacra and Simulation]. Moscow.
2. Benhabib, S. (2003). *Pritjazanija kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nuju jepohu* [Claims of Culture. Equality and Diversity in a Global Era]. Moscow.
3. Deleuze, J. & Guattari, F. (2010). *Tysjacha plato. Kapitalizm i shizofrenija* [A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia]. St. Petersburg.
4. Epstein, M. (1995). *Na granicah kul'tur: rossijskoe — amerikanskoe — sovetskoe* [On the Borders of Cultures: Russian — American — Soviet]. New York.
5. Eriksen, Th. H. (2003). *Globalisation: Studies in Anthropology*. London.
6. Foucault, M. (1994). *Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk* [Words and Things. Archeology of the Humanities]. St. Petersburg.
7. Foucault, M. (2006). *Intellektualy i vlast'* [Intellectuals and Power]. Moscow.
8. Giulianotti, R. & Robertson, R. (2006). Glocalization, Globalization and Migration: The Case of Scottish Football Supporters in North America. *Intern. Sociology*, 21 (2), 171–198.
9. Ilcan, S. (1999). Social Spaces and Micropolitics of Differentiation: An Example from Northwestern Turkey. *Ethnology*, 38, (3), 243–256.
10. Jeremy, R. (1997). *Migracii v postsovetском prostranstve: politicheskaja stabil'nost' i mezh-dunarodnoe sotrudnichestvo* [Migration in the Post-Soviet Space: Political Stability and International Cooperation]. Moscow.
11. Khlysheva, E. V. (2014). Kul'turnoe mnogoobrazie: granica mezhdu "svoimi" i "chuzhimi" [Cultural Diversity: The Boundary Between "Own" and "Stranger"]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economy, Culture], 2 (39), 280–285.
12. Khlysheva, E. V. (2016). Izmenenie kartiny mira v rezul'tate migracionnyh processov jepohi globalizacii [Changing of the Worldview as The Result of the Migration Processes in Globalization Era]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economy, Culture], 3 (48), 106–111.
13. Kostina, A. V. & Gudima, T. M. (2007). *Kul'turnaja politika sovremennoj Rossii: soot-noshenie jetnicheskogo i nacional'nogo* [The cultural policy of modern Russia: the ratio of ethnic and national]. Moscow.
14. Malahov, V. S. (2007). Demokraticeskij pljuralizm i diskurs mul'tikul'turalizma [Democratic Pluralism and the Discourse of Multiculturalism]. In V. S. Malahov *Ponaehali tut... Oчерki o nacionalizme, rasizme i kul'turnom pljuralizme* [They came here ... Essays on Nationalism, Racism and Cultural Pluralism] (pp. 154–161). Moscow.
15. Malahov, V. S. (2008). Pochemu v Rossii net mul'tikul'turnyh issledovanij? [Why is there No Multicultural Research in Russia?]. *Vestnik Instituta Kennana v Rossii* [Bulletin of the Kennan Institute in Russia], 13, 24–29.

16. Malahov, V. S. (2015). *Integracija migrantov: koncepcii i praktiki* [Integration of migrants: concepts and practices]. Moscow.
17. Maleva, T. M. (Ed.). (2017). 2016: social'no-jekonomicheskoe polozhenie naselenija — prodolzhajushhij krizis ili novaja real'nost'? [2016: Socio-Economic Situation of the Population — An Ongoing Crisis or a New Reality?]. Retrieved from <http://www.ranepa.ru/images/News/2017-05/24-05-2017-insap-issledovanie.pdf>
18. Migracija v Rossii 2017. (2017). [Migration in Russia 2017]. Retrieved from <http://migraciya-v-rossii-2017/>
19. Migranty edut rožhat' v Rossiju: 200000 rublej za rebjonka oplachivajut rossijskie grazhdane [Migrants go to Give Birth in Russia: 200000 Rubles for the Child is Paid by Russian Citizens] (2013). *Novosti kanala NTV* [News Channel NTV]. Retrieved from <https://www.msk.kp.ru/daily/26100.5/2998032/>
20. Mill, J. (1993). O svobode [About Freedom]. *Nauka i zhizn'* [Science and Life], 11, 10–15.
21. Morina, L. P. (2011). Konceptualizacija chuzhogo v aspekte problemy mul'tikul'turalizma. Svoe i Chuzhoe v kul'ture [Conceptualization of Another's Aspect of the Problem of Multiculturalism. Its and the Alien in Culture]. *Nauchnyj zhurnal Sankt-Peterburgskogo otdelenija Rossijskogo instituta kul'turologii* [Scientific Journal of the St. Petersburg Branch of the Russian Institute of Cultural Studies], 1 (2), 15–19.
22. Mukomel', V. I. (2005). Grani intolerantnosti (migrantofobija, jetnofobija) [The Boundaries of Intolerance (Migrantophobia, Ethnophobia)]. *Sociologičeskie issledovanija* [Sociological Studies], (2), 56–66.
23. Nazarova, E. A. (2006). Osobennosti migracionnyh processov v juznyh regionah Rossii [Features of Migration Processes in the Southern Regions of Russia]. *Sociologičeskie issledovanija* [Sociological Studies], (6), 73–78.
24. Pain, Je. A. (2006). *Konstruirovanie mifov* [The Construction of Myths.]. Moscow.
25. Razgonnikova, N. V. (2007). *Issledovanie problem migracii s Severnogo Kavkaza v Astrahanskuju oblast': social'nye i jekonomičeskie faktory adaptacii (na materiale sociologičeskogo oprosa)* [Research of Migration Problems from The North Caucasus to The Astrakhan Region: Social and Economic Factors of Adaptation (On The Basis of a Sociological Survey)]. Volgograd.
26. Rjazancev, S. (2016). Trudovaja migracija iz Central'noj Azii v Rossiju v kontekste jekonomičeskogo krizisa [Labor Migration from Central Asia to Russia in the Context of the Economic Crisis]. Retrieved from <http://www.globalaffairs.ru/valday>
27. Robertson, R. (2003). Values and Globalization: Communitarianism and Globality. In R. Robertson, K. E. White (Eds.) *Globalization: Critical Concepts in Sociology. Vol. 4*. London.
28. Romanova, A. P., Hlyshheva, E. V. & Jakushenkov, S. N. (2013). *Chuzhoj i kul'turnaja bezopasnost'* [Alien and Cultural Security]. Moscow.
29. Romanova, A. P., Jakushenkov, S. N. & Hlyshheva, E. V. (2014). *Nizhnevolzhskij frontir: kul'turnaja pamjat' i kul'turnoe nasledie: uchebnoe posobie* [The Lower Volga Region Frontier: Cultural Memory and Cultural Heritage: Study Guide.]. Astrahan'.
30. Rybakovskij, L. L. (Ed.). (2009). *Transformacija migracionnyh processov na postsovetskom prostranstve* [Transformation of Migration Processes in the Post-Soviet Space]. Moscow.

31. Simmel, G. (2008). Jekskurs o chuzhake [Excursus about the Stranger] In A. V. Filippov (Ed.) *Sociologicheskaja teorija: Istorija, sovremennost', perspektivy* [Sociological Theory: History, Modernity, Perspectives] (pp. 9–15). St. Petersburg.
32. *Spravochnik trudovogo migranta* [Handbook of Labor Migrants]. (2011). St. Petersburg.
33. Thranhardt, P. (Ed.). (1992). *Europe — A New Immigration Continent: Policies and Politics in Comparative Perspective*. Hamburg.
34. Wadron, J. (2000). What is Cosmopolitan? *The Journal of Political Philosophy*, 8 (2), 227–243.
35. Waldenfels, B. (1999). *Motiv chuzhogo* [Motive of the Alien]. Minsk.
36. Waldenfels, B. (2004). *Topografija chuzhogo* [Topography of the Alien]. Kiev.

ПРОБЛЕМЫ СПОРТА И ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Михайлова Т. А., Студеникина Е. С.

Михайлова Татьяна Александровна, Южный федеральный университет, филиал
в г. Геленджике, 353461, Россия, Геленджик, Заставная, 10
Эл. почта: tatanastydent@yandex.ru

Студеникина Елена Станиславовна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Эл. почта: el.studenikina@yandex.ru

Физическая культура и спорт впервые стали предметом изучения отечественных социологов в 20-е гг. XX в., однако исследования в этой сфере долгое время находились на периферии социологического знания. В статье рассматривается история формирования данного научного направления и акцентируется внимание на работах современных ученых в области социологии спорта и физической культуры. Авторами проводится анализ диссертационных исследований и публикаций в российских научных журналах: «Социологические исследования», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Социологическая наука и социальная практика», «Вестник спортивной науки», «Теория и практика физической культуры» и ряда других с начала 2000-х гг. по настоящее время. Это позволяет зафиксировать рост научного интереса к проблемам физической культуры и спорта и выделить несколько преобладающих направлений современных исследований: социализирующая функция спорта (на примере различных групп населения), формирование здорового образа жизни, история спорта как социального института, социокультурные, философские и правовые аспекты спортивной деятельности, специфика профессионального спорта, влияние физической культуры на молодежь и т.д. При этом социологические публикации в российских спортивных журналах встречаются чаще, чем статьи о физической культуре — в социологических изданиях. Социология физической культуры и спорта за последние сто лет постепенно сформировалась как научная дисциплина, однако ее представленность в предметном поле современной российской социологии все еще непропорционально мала относительно возросшего общественного и государственного интереса к вопросам развития массового и профессионального спорта.

Ключевые слова: спорт, физическая культура, социологические исследования, социология физической культуры и спорта, социальный институт спорта, социологические исследования спорта.

В настоящее время актуальной темой научных исследований, а также одним из важных направлений разработки и реализации социальных проектов

и стратегий является проблематика спорта и физической культуры. Возросший интерес к данным вопросам очевиден и связан в том числе с ростом значимости спорта, физкультуры и здорового образа жизни в общественном сознании и государственной политике.

Внимание к спорту в самых разных его проявлениях привлекают и СМИ: освещение Олимпийских игр и международных соревнований, допинговые скандалы и взаимоотношения спортсменов иногда переводят интерес читателя (зрителя) из сугубо соревновательной сферы в социальную и политическую.

Тематика спорта и физической культуры включает в себя целый круг таких насущных вопросов, как: спорт и молодежь, личность в спорте, спорт и общество, ценностные аспекты спорта и физической культуры, спорт и девиация и т.п. Все эти направления находятся в предметном поле довольно молодой отрасли — социологии физической культуры и спорта (ФКС).

По мнению Н. Н. Визитея, «социологию спорта можно определить как научную дисциплину, изучающую, структуру и характер отношений, которые складываются в ходе социального взаимодействия индивидов в сфере спорта» (Визитей, 2005).

П. А. Виноградов, В. И. Жолдак, Н. В. Коротаева и В. И. Чеботкевич рассматривают социологию ФКС как науку, которая «выясняет структуру, механизмы и характер общественных отношений и взаимодействий в сфере физической культуры и спорта, рассматривает и изучает роль и место физической культуры и спорта в образе жизни людей, а также социальные взаимоотношения людей в связи с их участием в физкультурно-спортивной деятельности» (Виноградов, Жолдак, Чеботкевич, 1995).

По мнению известного ученого в области социологии спорта О. А. Мильштейна, «одной из центральных проблем социологии физической культуры и спорта является спорт и личность, которая имеет ряд аспектов — стремление к всестороннему гармоничному развитию личности как гражданина-творца; стремление к физкультурно-спортивной деятельности широких масс населения; потребление спорта как зрелища; достижение спортивных максимальных результатов» (Кошкарев, 2010).

В начале XX в. формирование, становление и развитие социологии спорта проходило независимо в разных странах. В Европе и Северной Америке первые тексты по социологии спорта появились в начале 1920-х гг., но фактически дисциплина не развивалась до 1960-х гг. В России в начале XX в. на формирование теоретических и социально-педагогических основ физической культуры и физического воспитания повлияла деятельность таких ученых, как П. Ф. Лесгафт, Н. А. Семашко и др. В 1920–1930-е гг. были организованы и проведены первые конкретно-социологические исследования в области физической культуры, рассматривающие факторы оздоровления народа и повышение производительности

труда (Городилин, 2001). В качестве примера можно сослаться на исследования С. Г. Струмилина, проведенные в 1922–1924 гг. в рабочих семьях городов центра страны с целью установить, какое место в совокупном бюджете их времени отводится физической культуре и спорту (Спортивная энциклопедия систем жизнеобеспечения, 2011).

Со временем происходило формирование научных центров, где, в числе прочего, рассматривалась и социологическая проблематика. В первую очередь к ним следует отнести кафедру теории и методики физического воспитания Государственного центрального ордена Ленина института физической культуры (ГЦОЛИФК), где под руководством известного педагога и ученого А. Д. Новикова в конце 1940 — середине 1950-х гг. разрабатывались проблемы общих основ физического воспитания. Изучались также проблемы взаимодействия и взаимовлияния спорта и личности, спорта и общества, спорта и образа жизни и др. (Городилин, 2001). Другими крупными научными центрами в области социологии физической культуры и спорта в эти годы были Ленинградский институт физической культуры им. П. Ф. Лесгафта, где открылась кафедра социологических основ физической культуры, возглавляемая профессором Е. Ю. Зеликсоном, и Центральный институт физической культуры в Москве. В этот период исследуются в основном проблемы физкультуры и массового спорта.

В 1951 г. Н. И. Пономарев первым представил и защитил кандидатскую диссертацию «Классовая сущность профессионализма и «любительства» в буржуазном спорте» (Городилин, 2001; Фомин, Починкин, Котов, 2000). В 1960–1970 гг. выходят работы М. А. Арвисто, В. А. Артемова, Т. И. Кукушкина, В. И. Жолдака, О. А. Мильштейна, В. И. Столярова, И. В. Вишневого, В. М. Выдрины и других авторов, посвященные методологическим вопросам социологии физической культуры и спорта; отношению различных групп населения к спорту; мотивам, побуждающим к занятиям спортом; разработке культурологических основ физической культуры и спорта; проблемам социальной адаптации и формирования здорового образа жизни населения и т.д. (Лубышева, 2001; Чесноков, 2005). Например, с 1963 по 1975 г. в Северодонецке, в рамках движения «Город здоровья и спорта», были проведены комплексные обследования трудящихся промышленных предприятий, неоднократно осуществлены массовые социологические опросы (Чесноков, 2005).

В 1964 г. был создан Международный комитет социологии спорта (International Committee for the Sociology of Sport (ICSS)) при ЮНЕСКО, который способствовал становлению и развитию социологии физической культуры и спорта в мире (Визитей, 2005). Среди восьми основателей этого комитета был советский ученый Александр Новиков (Всемирный конгресс социологии спорта, 2016).

В 1968 г. в составе социологической ассоциации Академии наук создается научно-исследовательская секция социологических проблем физической культуры и спорта (Городилин, 2001). Первым ее председателем был избран А. Д. Новиков.

В 1978 г. было организовано международное сотрудничество ученых НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, ЧССР и СССР в разработке философско-социологических проблем спорта (страна — координатор исследования — СССР, руководитель — профессор В. И. Столяров). Главной темой совместного международного исследования была избрана тема «Спорт, образ жизни, культура», которая включала в себя широкий круг важных и сложных социологических проблем, касающихся роли спорта в образе жизни людей и в системе ценностей современной культуры. Данной группой был проведен ряд международных конкретно-социологических исследований (Спортивная энциклопедия систем жизнеобеспечения, 2011). Сектор социологических проблем физкультурного движения и системы физического воспитания ВНИИФКа под руководством профессора Г. И. Кукушкина к концу 1960-х гг. насчитывал около 50 штатных научных сотрудников (Городилин, 2001).

В 1970–1980 гг. активно изучалась пропаганда физической культуры и спорта (П. А. Виноградов, А. В. Оганесян, И. И. Переверзин), развивалась олимпийская тематика (В. И. Столяров, В. С. Родиченко, О. А. Мильштейн, Н. Н. Бугров) и др. (Лубышева, 2001; Чесноков, 2005). Один из создателей современной российской социологии спорта — О. А. Мильштейн возглавлял в 1971–1977 гг. общесоюзный социологический проект «Образ жизни и спортивная карьера советского спортсмена-олимпийца» (Мильштейн, Кулинкович, 1979). Хотя участники олимпиад формально считались спортсменами-любителями, фактически это было первое масштабное исследование, посвященное людям, для которых спорт стал делом всей жизни.

В 1990-е гг. возрастающую роль в организации взаимосвязей и обеспечении исследований стала играть личная творческая инициатива отдельных авторов; укрепились функции ВНИИФКа как реального центра, объединяющего и поддерживающего творческую работу социологов ФКС. Участие ученых данного института, в частности социологов, особенно проявилось в разработке Основ законодательства Российской Федерации о ФКС, Федеральной программы «Развитие физической культуры и формирование здорового образа жизни населения РФ», концепций совершенствования систем физкультурного образования, физического воспитания населения, нормативных основ в сфере ФКС, изучения общественного мнения и действенности средств массовой информации в развитии ФКС, проблем и опыта международного спортивного движения и зарубежных спортивных организаций (Чесноков, 2005).

Проводя анализ истории изучения профессионального спорта отечественными учеными, Ю. А. Фомин, А. В. Починкин и А. В. Котов фиксируют существенное увеличение публикаций по данной теме в 1990-е гг., однако их количество все же остается в этот период небольшим — 28 статей за 10 лет (Фомин, Починкин, Котов, 2000).

В 2016 г. в Будапеште прошел 51-й Всемирный конгресс социологии спорта под названием «Спорт, глобальное развитие и социальные изменения», проведенный

Международной ассоциацией социологии спорта (ISSA). На конгрессе были подняты разнообразные проблемы, связанные со спортом: вопросы этничности, гендера, СМИ, политики, этики, экономики, классов, миграций, молодежи, здоровья, насилия, образования, глобализации, идентичности и др. Обсуждение такого многообразия тем свидетельствует, с одной стороны, о тесной связи спорта практически со всеми сферами жизни современного общества, а с другой — об интенсивных международных исследованиях в этом направлении социологической науки. От России на конгрессе были представлены работы петербургских социологов М. В. Синютина, А. С. Гонашвили, А. Ивановой (факультет социологии СПбГУ) (Всемирный конгресс социологии спорта, 2016).

В настоящее время на территории Российской Федерации выходят более десятка научных журналов в области социологии, в том числе: «Социологические исследования» (Социс), «Социологический журнал», «Вопросы социологии», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Социологическая наука и социальная практика», «Социология образования» и др. Среди статей, публикуемых этими изданиями, можно встретить и посвященные проблемам спорта. Однако социология физической культуры и спорта не представлена в рубриках ведущих социологических журналов. Ввиду малого количества публикаций по данной тематике имеющиеся материалы чаще всего попадают в рубрики, связанные с медициной и здоровьем, образом жизни, либо являются информацией о научной жизни за рубежом.

Например, в 2000–2016 гг. в журнале «Социологические исследования» было опубликовано всего 12 статей, касающихся проблем спорта. К рубрике «Социология здоровья и медицины» отнесено 9 публикаций, к рубрикам «Факты, комментарии, заметки», «Социология культуры» и «Научная жизнь» — по одной статье. Следует отметить, что половина статей написана зарубежными авторами: из Литвы (3), Украины (2) и США (1), что указывает на интерес к социологическим аспектам спортивной деятельности, в том числе и на постсоветском пространстве.

В основном рассматриваемые публикации посвящены социализирующему влиянию спорта на личность. Так, один из основоположников современной социологии физической культуры и спорта в России — профессор Ю. А. Фомин — рассматривает взаимосвязь спорта и идеологии. Он отмечает наличие в спортивной деятельности патриотической идеи (от уровня команды до уровня государства) и ее позитивное влияние на формирование системы ценностей как спортсменов, так и болельщиков (Фомин, 2008).

Заведующий кафедрой физической культуры Пермского государственного технического университета В. Д. Паначев анализирует различные функции спорта, обращая особое внимание на формирование личности молодых людей, занимающихся спортом (Паначев, 2007), и рассматривает специфику организации физического воспитания в вузе (Паначев, 2005).

Различным аспектам взаимосвязи здоровья и занятий физической культурой на примере студенческой молодежи посвящены также статьи С. Дадело и Р. Даделиене (Дадело, Даделиене, 2014) и К. Кардялиса, Л. Кардялене, С. Шукиса и Р. Янкаускене (Кардялис, Кардялене, Шукис, Янкаускене, 2007). Еще одну свою статью сотрудники лаборатории социальных проблем физической культуры и спорта Львовской академии физической культуры С. Шукис, К. Кардялис, Р. Янкаускене посвятили анализу влияния занятий спортом на формирование позитивных и негативных моделей поведения у подростков и молодежи. Проанализировав публикации в зарубежных журналах с 1995 по 2003 г., они приходят к выводу о позитивном влиянии спорта на самоуважение и противоречивости данных о его влиянии на агрессивность и употребление алкоголя, никотина, наркотиков и допинга молодыми людьми (Шукис, Кардялис, Янкаускене, 2005).

Функцию социализации, характерную для спорта, К. П. Скучас рассматривает на примере инвалидов. Сравнивая группы инвалидов, занимающихся и не занимающихся спортом, автор подчеркивает позитивное влияние физической активности на самооценку, включенность в социум и удовлетворенность качеством жизни (Скучас, 2013).

Проблемы физической культуры и массового спорта в конкретном регионе поднимают в своей статье М. А. Гуревич и Т. Ю. Радилова. На основе анкетного опроса жителей г. Челябинска они отмечают дисбаланс между высоким уровнем признания респондентами значимости физической активности для человека и низкой включенностью жителей в непосредственные спортивные практики (Гуревич, Радиловская, 2003).

Несколько меньше статей, опубликованных в журнале «Социологические исследования», посвящены профессиональному спорту. Так, А. Вакан, опираясь на идеи П. Бурдье, на основе опыта включенного наблюдения описывает процесс становления боксера-профессионала. В статье «Габитус как объект и инструмент. Анализ становления боксера-профессионала» он представляет свою книгу «Душа и тело» и предлагает читателю своеобразную «этнографию спорта» (Вакан, 2014).

В журнале «Социологические исследования» встречаются и работы, посвященные теоретическому анализу спорта как социального феномена. Литовские авторы С. Ласкане и В. Чингене, анализируя работу Европейской коллегии спортивной науки (дислоцирована в Германии), фиксируют, что в исследованиях спорта по-прежнему доминирует биомедицинское направление. Тем не менее социологические и социокультурные исследования также развиваются, и в статье предпринимается попытка анализа существующих социологических парадигм изучения спорта.

Итоги Международной конференции Европейской ассоциации социологии спорта, проведенной в 2014 г. в Утрехтском университете (Голландия), подводит

в своей статье Л. Н. Вдовиченко, выделяя перспективные направления развития отрасли (Вдовиченко, 2015).

В «Журнале социологии и социальной антропологии» за указанный период была опубликована одна статья по социологии спорта — «Всемирный конгресс социологии спорта «Спорт, глобальное развитие и социальные изменения» (в рубрике «Научная жизнь»). В статье не только дается обзор прошедшего в Будапеште в июне 2016 г. конгресса, но и освещаются некоторые вехи истории Международной ассоциацией социологии спорта (ISSA), а также констатируется междисциплинарность большинства современных исследований в данной сфере (Всемирный конгресс социологии спорта, 2016).

Журнал «Социологическая наука и социальная практика» напечатал в 2013 г. статью И. Н. Трофимовой «Молодежь группы риска и спорт», в которой рассматривается эффективность использования новых социальных практик вовлечения молодежи группы риска в занятия спортом и исследуются вопросы влияния спорта на процессы социализации. Автор подвергает вторичному анализу материалы исследований ВЦИОМ, ИС РАН и Минобрнауки (Трофимова, 2013).

В «Социологическом журнале», а также журналах «Социология образования» и «Гуманитарий юга России» с 2000 г. не было публикаций по проблемам спорта и физической культуры.

В то же время публикации по социологии спорта встречаются и в несоциологических журналах, например, в таких, как «Теория и практика физической культуры», «Вестник спортивной науки» и других, где помимо основной предметной области — теории и методике физической культуры рассматриваются вопросы философии, психологии и социологии.

Журнал «Вестник спортивной науки» с 2003 г. издается ФГБУ «Федеральный научный центр физической культуры и спорта» (ФГБУ ФНЦ ВНИИФК). Основная тематика публикаций — теория и методика спорта высших достижений, детско-юношеского спорта, проблемы профилактической и спортивной медицины, оздоровления населения и т.д. С 2003 г. до начала 2017 г. в журнале опубликовано 5 статей, так или иначе касающихся социальных и/или социологических аспектов спортивной деятельности. Это, в частности, публикации, рассматривающие спорт как элемент политики: внешней, через государственную идеологию, с одной стороны, и публичную дипломатию, с другой (Долматова, Сорокина, 2015), или внутренней, где необходим баланс между федеральной и региональными властями (Якубов, 2015). Статьи Кыласова А. В. об этносporte и идеях олимпизма в современном обществе (Кыласов, 2009, 2011) и статья Барина С. Ю., посвященная культурным аспектам спортивной деятельности на примере формирования гуманистического отношения студентов к спортивному противоборству (Барин, 2010), освещают различные аспекты социокультурных исследований феномена спорта.

Особое внимание хотелось бы обратить на журнал «Теория и практика физической культуры», который издается с 1925 г. Основная направленность журнала — физиология, психология и методология физической культуры. Вопросы социализации и физического воспитания подробно рассматриваются применительно к различным группам: дошкольникам, школьникам, студентам, военнослужащим, будущим учителям и т.д. Кроме того, журнал размещает материалы, посвященные менеджменту в спорте, правовым и социокультурным аспектам развития физической культуры в России и за рубежом.

С 2000 по 2017 г. в журнале «Теория и практика физической культуры» было опубликовано 57 статей, связанных с социологическими исследованиями спортивной деятельности. Кроме достаточно широко изучаемых проблем формирования здорового образа жизни, влияния спорта на социализацию детей и молодежи (Апциаури, 2003) и особенностей преподавания физической культуры в учебных заведениях различного уровня в журнале обсуждается широкий круг вопросов. Например, в фокусе внимания исследователей оказываются проблемы профессиональной подготовки, а затем ресоциализации и социальной адаптации профессиональных спортсменов (Шихвердиев, 2007, Габов, 2010, Даниленко, 2010). Л. И. Лубышева и И. А. Грец анализируют влияние спорта на женщин в современном обществе (Лубышева, 2000, Грец, 2010). Более 10 статей посвящены социокультурным, философским и правовым аспектам спортивной деятельности (Николаев, 2003, Мухамитянов, 2008, Литвиненко, 2012, Лубышева, 2014, Аристов, 2016 и др.). Также в поле зрения исследователей попадают такие специфические группы, как болельщики и волонтеры (Зуев, 2007, Кузьмичева, 2008).

В целом, можно отметить, что спорт постепенно отвоевывает свое место в сфере научных интересов социологов. В рассматриваемый нами период (2000–2017 гг.) было защищено несколько диссертаций по данной проблематике. Мы можем выделить работы, посвященные изучению особенностей спорта как социального феномена, например, докторскую диссертацию В. С. Козловой «Спорт как социально-зрелищная сфера: формирование, функционирование, управление» (2005) и кандидатскую диссертацию А. Л. Славко «Социокультурный потенциал физкультурно-спортивной деятельности студенческой молодежи и условия его эффективного использования» (2012).

Некоторые диссертации были выполнены в русле институционального подхода: докторская диссертация В. Д. Паначева «Спорт в системе физической культуры общества: институциональный подход» (2008), кандидатские диссертации Е. В. Шапкиной «Социальная ответственность спортивной школы» (2009) и В. В. Сенчук «Эволюция спорта как социального института России» (2012). Кандидатская диссертация М. Е. Абросимовой «Теоретико-методологический анализ роли адаптивного спорта в самореализации лиц с ограниченными возможностями» (2012) посвящена месту спорта в социализации лиц с особенностями развития.

Часть исследователей сосредотачивает свое внимание на специфике профессионального спорта, например: Т. А. Михайлова «Социокультурные аспекты спорта и профессиональной деятельности спортсменов в современной России» (2016), М. Л. Митрофанов «Управление профессиональными футбольными клубами (на примере Российской профессиональной футбольной лиги)» (2011), А. А. Корнеев «Спорт в системе социально-трудовых отношений» (2004), М. П. Безруков «Социальная защита социально-профессиональной группы спортсменов» (2002).

Мы можем констатировать, что государственный и общественный интерес к физической культуре и спорту в России в начале XXI в. существенно возрос. Вопросы здоровья, физкультурной и спортивной деятельности все чаще становятся объектом исследования представителей различных научных направлений. Об этом говорит и увеличение количества кандидатских и докторских диссертаций, посвященных проблемам физической культуры и спорта.

Но если в мировой науке спорт и его связь с другими социальными явлениями обсуждаются достаточно интенсивно, то в российской социологии проблематика спорта и физической культуры пока еще не получила должного освещения. В ведущих социологических журналах статьи рассматриваемой тематики встречаются еще редко, к тому же часть публикаций подготовлена зарубежными авторами. В качестве объекта исследования чаще всего выступает молодежь (в рамках изучения социализирующей функции спорта и/или формирования здорового образа жизни). Крайне немногочисленны работы, посвященные взрослым спортсменам и специфике различных видов спорта. При этом российские исследователи спорта пока чаще публикуются в спортивных журналах, чем в социологических.

Библиографический список

1. Абросимова, М. Е. (2012). *Теоретико-методологический анализ роли адаптивного спорта в самореализации лиц с ограниченными возможностями*. (Автореферат канд. диссертации). Саратов.
2. Апциаури, Л. Ш. (2003). Спорт как социальное явление и фактор социализации личности. *Теория и практика физической культуры*, (1), 12–14.
3. Аристов, Е. В. (2016). Место и значение спорта в правовом пространстве социального государства. *Теория и практика физической культуры*, (6), 52–54.
4. Баринов, С. Ю. (2010). Формирование гуманистического отношения студентов к спортивному противоборству как элемент системы воспитания спортивно-гуманистической культуры. *Вестник спортивной науки*, (5), 42–46.
5. Безруков, М. П. (2002). *Социальная защита социально-профессиональной группы спортсменов*. (Автореферат канд. диссертации). Москва.
6. Вакан, Л. (2014). Габитус как объект и инструмент. Анализ становления боксера-профессионала. *Социологические исследования*, (11), 113–120.

7. Вдовиченко, Л. Н. (2015). Второе дыхание социологии спорта. *Социологические исследования*, (9), 151–153.
8. Визитей, Н. Н. (2005). *Социология спорта*. Курс лекций. Киев.
9. Виноградов, П. А., Жолдак, В. И., Чеботкевич, В. И. (1995). *Социология физической культуры и спорта*. Пенза.
10. Всемирный конгресс социологии спорта. (2016). «Спорт, глобальное развитие и социальные изменения». *Журнал социологии и социальной антропологии*, 19 (3(86)), 203–206.
11. Габов, М. В., Валеев, Р. З., Мартемьянов, Ю. Г. (2010). Социальная адаптация высококвалифицированных борцов, выступающих на Сурдлимпийских играх. *Теория и практика физической культуры*, (1), 29–31.
12. Городилин, С. К. (2001). *История развития социологии физической культуры и спорта*. Гродно.
13. Грец, И. А. (2010). Современный спорт и социальная адаптация женщин. *Теория и практика физической культуры*, (12), 34–38.
14. Гуревич, М. А., Радиловская, Т. Ю. (2003). Физическая культура в уральском регионе. *Социологические исследования*, (3), 89–93.
15. Дадело, С., Даделиене, Р. (2014). Взаимосвязь показателей здоровья студентов с выбором дисциплин физической культуры. *Социологические исследования*, (11), 108–113.
16. Даниленко, Т. А. (2010). Социально-педагогические условия адаптации спортсменов высокого класса после завершения спортивной карьеры к условиям гражданского общества. *Теория и практика физической культуры*, (1), 26–28.
17. Долматова, Т. В., Сорокина, Л. В. (2015). Физическая культура и спорт как фактор публичной дипломатии. *Вестник спортивной науки*, (4), 10–12.
18. Зуев, В. Н. (2007). Социально-экономические условия формирования типологии болельщиков при проведении соревнований на спортивных сооружениях. *Теория и практика физической культуры*, (3), 18–21.
19. Кардялис, К., Кардялене, Л., Шукис, С., Янкаускаене, Р. (2007). Отношение будущих специалистов физической культуры к здоровому образу жизни. *Социологические исследования*, (12), 129–132.
20. Козлова, В. С. (2005). *Спорт как социально-зрелищная сфера: формирование, функционирование, управление*. (Автореферат докт. диссертации). Орел.
21. Корнеев, А. А. (2004). *Спорт в системе социально-трудовых отношений*. (Автореферат канд. диссертации). Майкоп.
22. Кошкарев, А. Т. (2010). *Социология физической культуры и спорта*. Великие Луки.
23. Кузьмичева, Е. В. (2008). Социальные аспекты деятельности волонтеров зарубежных спортивных клубов. *Теория и практика физической культуры*, (2), 78–82.
24. Кыласов, А. В. (2009). Идея олимпизма в контексте глобализации. *Вестник спортивной науки*, (6), 64–66.
25. Кыласов, А. В. (2011). Методология и терминология этноспорта. *Вестник спортивной науки*, (5), 41–43.
26. Ласкане, С., Чингене, В. (2007). Возможности анализа спорта как социального феномена. *Социологические исследования*, (11), 117–125.

27. Литвиненко, С. Н. (2012). Обсуждаем проблемы философии и социологии спорта. *Теория и практика физической культуры*, (5), 104.
28. Лубышева, Л. И. (2000). Женщина и спорт: социальный аспект. *Теория и практика физической культуры*, (6), 13.
29. Лубышева, Л. И. (2001). *Социология физической культуры и спорта*. Москва.
30. Лубышева, Л. И. (2014). Спортивная культура в философском, историческом и социально-педагогических измерениях. *Теория и практика физической культуры*, (5), 30–31.
31. Мильштейн, О. А., Кулинкович, К. А. (1979). *Советский олимпиец: социальный портрет*. Москва.
32. Митрофанов, М. А. (2011). *Управление профессиональными футбольными клубами (на примере Российской профессиональной футбольной лиги)*. (Автореферат канд. диссертации). Санкт-Петербург.
33. Михайлова, Т. А. (2016). *Социокультурные аспекты спорта и профессиональной деятельности спортсменов в современной России*. (Автореферат канд. диссертации). Майкоп.
34. Мухамитянов, Ф. Д. (2008). Физическая культура как социальное явление и культурный феномен. *Теория и практика физической культуры*, (9), 10–14.
35. Николаев, Ю. М. (2003). Физическая культура и основные сферы жизнедеятельности человека и общества в контексте социокультурного анализа. *Теория и практика физической культуры*, (8), 2.
36. Паначев, В. Д. (2005). Спорт и личность: проблемы социального управления. *Социологические исследования*, (11), 82–86.
37. Паначев, В. Д. (2007). Спорт и личность: опыт социологического анализа. *Социологические исследования*, (11), 125–128.
38. Паначев, В. Д. (2008). *Спорт в системе физической культуры общества: институциональный подход*. (Автореферат докт. диссертации). Пермь.
39. Сенчук, В. В. (2012). *Эволюция спорта как социального института России*. (Автореферат канд. диссертации). Санкт-Петербург.
40. Скучас, К. П. (2013). Спорт — эффективная мера социализации инвалидов. *Социологические исследования*, (9), 149–152.
41. Славко, А. Л. (2012). *Социокультурный потенциал физкультурно-спортивной деятельности студенческой молодежи и условия его эффективного использования*. (Автореферат канд. диссертации). Тамбов.
42. Спортивная энциклопедия систем жизнеобеспечения. (2011). Режим доступа http://sportwiki.to/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B0
43. Трофимова, И. Н. (2013). Молодежь группы риска и спорт. *Социологическая наука и социальная практика*, (2), 61–86.
44. Фомин, Ю. А. (2008). Влияние российского спорта на формирование личности. *Социологические исследования*, (10), 143–146.
45. Фомин, Ю. А., Починкин, А. В., Котов, А. В. (2000). Профессиональный спорт как объект отечественных исследований. *Социологические исследования*, (7), 128–130.

46. Чесноков, Н. Н. (2005). *Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта. Часть 1*. Москва.
47. Шапкина, Е. В. (2009). *Социальная ответственность спортивной школы*. (Автореферат канд. диссертации). Москва.
48. Шихвердиев, С. Н. (2007). Ресоциализация спортсменов высокой квалификации после их ухода из большого спорта. *Теория и практика физической культуры*, (1), 75–76.
49. Шукис, С., Кардялис, К., Янкаускаене, Р. (2005). Юношеский спорт — фактор социализации. *Социологические исследования*, (11), 87–95.
50. Якубов, Ю. Д. (2015). Роль субъектов Российской Федерации в формировании государственной физкультурно-спортивной политики. *Вестник спортивной науки*, (1), 15–19.

Статья поступила в редакцию 27.06.2017.

.....

SOCIOLOGICAL RESEARCH OF SPORTS AND PHYSICAL EDUCATION IN RUSSIA: HISTORY AND FUTURE DEVELOPMENT

Mikhailova T. A., Studenikina E. S.

Mikhaylova Tatyana Aleksandrovna,
Southern Federal University, Branch in Gelendzhik,
353461, Russia, Gelendzhik, Zastavnaya Str., 10
E-mail: tatanastydent@yandex.ru

Studenikina Elena Stanislavovna,
Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar, Stavropolskaya Str., 149
E-mail: el.studenikina@yandex.ru

Regardless of the fact that physical education and sports have been in the centre of attention of native sociologists since 1920th these research stayed in the periphery of Russian sociology. This article reveals the history of that research area and focuses on the recent research of physical education and sports sociology. The authors analyze thesis research and articles in Russian academic journals such as "Sociological Studies", "The Journal of Sociology and Social Anthropology", "Sociological Science and Social Practice", "Sports science bulletin", "Theory and Practice of Physical Culture" and others published since 2000th until now. This allows pointing out the growth of research interest and emphasizing some predominant areas of recent research e.g. socializing function of sports (based on population groups' research); development of healthy living; establishment of sports as a social institution; socio-cultural, philosophic and legal aspects of sporting activities; features of professional sports; sports' impact on youth and so on. However, sociology publications more frequently appear in sports magazines than sociological journals. Despite the fact that Sociology of physical education and sports is presented as the branch of science in Russia, its contribution to Sociology is astonishingly low comparing to constantly growing state and public interest in development of popular and professional sport.

Key words: sports, physical education, PE, sociological research, physical education and sports' sociology, sociology of sports and physical education, sports social institution, sociological study of sports

References

1. Abrosimova, M. E. (2012). *Teoretiko-metodologicheskii analiz roli adaptivnogo sporta v samorealizacii lic s ogranichennimi vozmozhnostyami*. (Avtoreferat kand. dissertacii) [Theoretical-Methodological Analysis of the Role of Adaptive Sports in the Self-Realization of Persons with Disabilities. (Abstract of Cand. Dissertation)]. Saratov.
2. Aptsyauri, L. S. (2003). Sport kak sotsialnoye yavlenie i factor sotsializatsii lichnosti [Sport as a Social Phenomenon and a Socialization Agent]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and Practice of Physical Education], (1), 12–14.
3. Aristov, E. V. (2016). Mesto i znachenije sporta v pravovom prostranstve sotsialnogo gosudarstva [The Place and Importance of Sport Within the Legal Framework of the Welfare State]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and Practice of Physical Education], (6), 52–54.
4. Barinov, S. Y. (2010). Formirovanie gumanisticheskogo otnosheniya studentov k sportivnomu protivoborstvu kak element sistemy vospitaniya sportivno-gumanisticheskoy kul'tury [The Building of Students' Humanistic Attitude Towards Sports Confrontation as a Part of Sports Humanistic Culture Educational System]. *Vestnik sportivnoy nauki* [Sports Science Bulletin], (5), 42–46.
5. Bezrukov, M. P. (2002). Socialnaya zaschita socialno_professionalnoi gruppi sportmenov. (Avtoreferat kand. dissertacii) [Social Protection Socio-Professional Group of Athletes. (Abstract of Cand. Dissertation)]. Moscow.
6. Chesnokov, N. N. (2005). *Hrestomatija po sotsiologii fizicheskoy kul'tury i sporta* [A Reader On the Sociology of Physical Education and Sports. Part 1]. Moscow.
7. Dadelo, S. & Dadeliene, R. (2014). Vzaimosvyaz' pokazatelej zdorov'ya studentov s vyborom disciplin fizicheskoy kul'tury [How Does Students' Health Markers Affect the Selection of Physical Education Subjects]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (11), 108–113.
8. Danilenko, T. A. (2010). Social'no-pedagogicheskie usloviya adaptacii sportmenov vysokogo klassa posle zaversheniya sportivnoj kar'ery k usloviyam grazhdanskogo obshchestva [Socio-Pedagogical Conditions of Adaptation of Retired Athletes to the Conditions of Civil Society]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and Practice of Physical Education], (1), 26–28.
9. Dolmatova, T. V. & Sorokina, L. V. (2015). Fizicheskaya kul'tura i sport kak faktor publichnoj diplomatii [Physical Education and Sports as the Factor of Public Diplomacy]. *Vestnik sportivnoy nauki* [Sports Science Bulletin], (4), 10–12.
10. Fomin, J. A., Pochinkin, A. V. & Kotov, A. V. (2000). Professional'nyj sport kak ob"ekt otechestvennyh issledovanij [Professional Sport as an Object of Domestic Research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (7), 128–130.
11. Fomin, Y. A. (2008). Vliyanie rossijskogo sporta na formirovanie lichnosti [The Impact of Sport On the Formation of Personality]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (10), 143–146.
12. Gabov, M. V., Valeev, R. Z. & Martemyanov, Y. G. (2010). Sotsialnaya adaptatsiya vysokokvalifitsirovannykh bortsov, vystupayuschikh na Surdlimpiyskikh igrakh [Social Adaptation of Highly Skilled Fighters, Competing at the Deaflympics]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and Practice of Physical Education], (1), 29–31.

13. Gorodilin, S. K. (2001). *Istorija razvitija sotsiologii fizicheskoj kul'tury i sporta* [The History of Development of Sociology of Physical Education and Sports]. Grodno.
14. Grec, I. A. (2010). Sovremennyyj sport i social'naya adaptacija zhenshchin [Social Adaptation of Women Within the Sphere of Modern Sports]. *Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury* [Theory and Practice of Physical Education], (12), 34–38.
15. Gurevich, M. A. & Radilovskaya, T. Y. (2003). Fizicheskaya kul'tura v ural'skom regione [Physical Education in the Ural Region]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (3), 89–93.
16. Kardyalis, K., Kardyalene, L., Shukis, S. & Yankauskene, R. (2007). Otnoshenie budushchih specialistov fizicheskoj kul'tury k zdorovomu obrazu zhizni [Future Specialists in Physical Education Attitudeto Healthy Lifestyle]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (12), 129–132.
17. Korneev, A. A. (2004). *Sport v sisteme socialno-trudovih otnoshenii*. (Avtoreferat kand. dissertacii) [Sport in the Socio-Labour Relations. (Abstract of Cand. Dissertation)]. Maikop.
18. Koshkarev, L. T. (2010). *Sotsiologija fizicheskoj kul'tury i sporta* [Sociology of Physical Education and Sports]. Velikie Luki.
19. Kozlova, V. S. (2005). *Sport kak socialno-zrelischnaya sfera: formirovanie, funkcionirovanie, upravlenie*. (Avtoreferat dokt. dissertacii) [Sport as a Socially Entertaining Sphere: Formation, Operation, Management. (Abstract of Doct. Dissertation)]. Orel.
20. Kuz'micheva, E. V. (2008). Social'nye aspekty deyatel'nosti volonterov zarubezhnyh sportivnyh klubov [Social Dimension of Activity of Foreign Sports Club Volunteers]. *Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury* [Theory and Practice of Physical Education], (2), 78–82.
21. Kylasov, A. V. (2009). Ideya olimpizma v kontekste globalizacii [The Idea of Olympism in the Context of Globalization]. *Vestnik sportivnoj nauki* [Sports Science Bulletin], (6), 64–66.
22. Kylasov, A. V. (2011). Metodologiya i terminologiya etnosporta [The Methodology and Terminology of Ethnosport]. *Vestnik sportivnoj nauki* [Sports Science Bulletin], (5), 41–43.
23. Laskane, S. & Chingene, V. (2007). Vozmozhnosti analiza sporta kak social'nogo fenomena [Sports as a Social Phenomenon Analysis and Its Opportunities]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (11), 117–125.
24. Litvinenko, S. N. (2012). Obsuzhdaem problemy filosofii i sociologii sporta [Discussing the Problems of Philosophy and Sociology of Sport]. *Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury* [Theory and Practice of Physical Education], (5), 104.
25. Lubysheva, L. I. (2014). Sportivnaya kul'tura v filosofskom, istoricheskom i social'no-pedagogicheskikh izmereniyah [The Culture of Sports in Philosophical, Historical and Socio-Educational Dimensions]. *Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury* [Theory and Practice of Physical Education], (5), 30–31.
26. Lubysheva, L. I. (2000). Zhenshchina i sport: social'nyj aspekt [Women and Sport: The Social Aspect]. *Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury* [Theory and Practice of Physical Education], (6), 13.
27. Lubysheva, L. I. (2001). *Sotsiologija fizicheskoj kul'tury i sporta* [Sociology of Physical Education and Sports]. Moscow.
28. Mihajlova, T. A. (2016). *Sociokul'turnye aspekty sporta i professional'noj deyatel'nosti sportsmenov v sovremennoj Rossii*. (Avtoreferat kand. dissertacii) [Sociocultural Aspects

- of Sport and Professional Athletes in the Context of Today's Russia. (Abstract of Cand. Dissertation)]. Maikop.
29. Mil'shtejn, O. A. & Kulinkovich, K. A. (1979). *Sovetskij olimpiets: social'nyj portret* [Soviet Olympian: A Social Portrait]. Moscow.
 30. Mitrofanov, M. L. (2011). *Upravlenie professionalnimi futbolnymi klubami _na primere Rossijskoj professionalnoi futbolnoi ligi*. (Avtoreferat kand. dissertacii) [The Management of Professional Football Clubs in Terms of Russian Professional Football League. (Abstract of Cand. Dissertation)]. St. Petersburg.
 31. Muhamityanov, F. D. (2008). Fizicheskaya kul'tura kak social'noe yavlenie i kul'turnyj fenomen [Physical Education as Social Phenomenon and Cultural Phenomenon]. *Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury* [Theory and Practice of Physical Education], (9), 10–14.
 32. Nikolaev, Y. M. (2003). Fizicheskaya kul'tura i osnovnye sfery zhiznedeyatel'nosti cheloveka i obshchestva v kontekste sociokul'turnogo analiza [Physical Education and Fundamental Areas of Human Life and Society in the Context of Social and Cultural Analysis]. *Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury* [Theory and Practice of Physical Education], (8), 2–3.
 33. Panachev, V. D. (2005). Sport i lichnost': problemy social'nogo upravleniya [Sport and Personality: Problems of Social Management]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (11), 82–86.
 34. Panachev, V. D. (2007). Sport i lichnost': opyt sotsiologicheskogo analiza [Sport and Personality: The Experience of Sociological Analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (11), 125–128.
 35. Panachev, V. D. (2008). *Sport v sisteme fizicheskoi kulturi obshchestva_ institucionalnii podhod*. (Avtoreferat dokt. dissertacii) [Sport in the System of Physical Education: An Institutional Approach. (Abstract of Doct. Dissertation)]. Perm.
 36. Senchuk, V. V. (2012). *Evoluciya sporta kak socialnogo instituta Rossii*. (Avtoreferat kand. dissertacii) [The Evolution of Sport as a Social Institution in Russia. (Abstract of Cand. Dissertation)]. St. Petersburg.
 37. Shapkina, E. V. (2009). *Socialnaya otvetstvennost sportivnoi shkoli*. (Avtoreferat kand. dissertacii) [Social Responsibility of Sports School. (Abstract of Cand. Dissertation)]. Moscow.
 38. Shihverdiev, S. N. (2007). Resocializaciya sportsmenov vysokoj kvalifikacii posle ih uhoda iz bol'shogo sporta [Resocialization of Sportsmen of High Qualification Retired from the Sport]. *Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury* [Theory and Practice of Physical Education], (1), 75–76.
 39. Shukis, S., Kardyalis, K. & Yankauskene, R. (2005). Yunosheskij sport — faktor socializacii [Youth Sports as a Factor of Socialization]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (11), 87–95.
 40. Skuchas, K. P. (2013). Sport — ehffektivnaya mera socializacii invalidov [Sport as an Effective Measure of Socialization of the Disabled]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (9), 149–152.
 41. Slavko, A. L. (2012). *Sociokulturnii potencial fizkulturno_sportivnoi deyatel'nosti studentcheskoj molodezi i usloviya ego ehffektivnogo ispolzovaniya*. (Avtoreferat kand. dissertacii) [Socio-Cultural Potential of Physical Education and Sports Activities of Students and the Conditions for Its Effective Use. (Abstract of Cand. Dissertation)]. Tambov.

42. Sportivnaja entsiklopedija sistem zhizneobespechenija [Sports Encyclopedia of Life-Support Systems]. (2011). Retrieved from http://sportwiki.to/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B0
43. Trofimova, I. N. (2013). Molodezh' gruppy riska i sport [High-Risk Youth and Sports]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice], (2), 61–86.
44. Vakan, L. (2014). Gabitus kak obyekt i instrument. Analiz stanovleniya boksyora-professionala [Habit as Object and Instrument. Analysis of Becoming a Professional Boxer]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], (11), 113–120.
45. Vdovichenko, L. N. (2015). Vtoroye dykhaniye sotsiologii sporta [The Second Breath of the Sociology of Sport]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], (9), 151–153.
46. Vinogradov, P. A., Zholdak, V. I. & Chebotkevich, V. I. (1995). *Sotsiologiya fizicheskoy kul'tury i sporta* [Sociology of Physical Education and Sports]. Penza.
47. Vizitej, N. N. (2005). *Sotsiologiya sporta. Kurs lektsij* [Sociology of Sport. A Course of Lectures]. Kiev.
48. Vsemirnyj Kongress Sotsiologii Sporta (2016). «Sport, global'noe razvitie i sotsial'nye izmeneniya» [Sports, Global Development and Social Change]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 19 (3(86)), 203–206.
49. Yakubov, Y. D. (2015). Rol' sub"ektov Rossijskoj Federacii v formirovanii gosudarstvennoj fizkul'turno-sportivnoj politiki [The Role of Constituent Entities of the Russian Federation in the Formation of the State Physical Education and Sports Policy]. *Vestnik sportivnoj nauki* [Sports Science Bulletin], (1), 15–19.
50. Zuev, V. N. (2007). Social'no-ehkonomicheskie usloviya formirovaniya tipologii bolejshchikov pri provedenii sorevnovanij na sportivnyh sooruzheniyah [Socio-Economic Conditions the Formation of a Typology of Fans During the Competition for Sporting Facilities]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and Practice of Physical Education], (3), 18–21.

СВЯЗЬ ОБРАЗА ПАРТНЕРА С ОБРАЗОМ РОДИТЕЛЕЙ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЯХ ЖЕНЩИН

Шлыкова Ю. Б., Ейбоженко В. Ю.

Шлыкова Юлия Борисовна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Эл. почта: magnoly@mail.ru

Ейбоженко Виктория Юрьевна, ДОУ ООО «ОТКРЫТИЕ»,
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Будённого, 221
Эл. почта: e-vikka@yandex.ru

В статье представлено исследование образов родителей и партнера по отношениям через автобиографические воспоминания женщин. Авторы опираются на психоаналитический и субъектно-бытийный подходы в описании ситуации переноса собственного детско-родительского опыта на отношения с партнером. В работе анализируется схожесть или различие в структуре и содержании воспоминаний о родителях и о партнере по отношениям. Авторами предложена модель анализа воспоминаний личности, включающая шесть основных критериев: наличие Я-ситуации, Мы-ситуации в описываемом событии как показатель готовности к партнерским конструктивным отношениям; активность главного персонажа как проявление субъектности в собственной жизни; степень осознанности и вербализации переживаний как показатель принятия или отвержения личного опыта; число персонажей воспоминания как готовность включаться в разнообразные социальные отношения; время описания воспоминания (прошедшее, настоящее, будущее), отражающее актуальность в настоящем описываемых событий и некоторые защитные эффекты автобиографической памяти; сила выраженности Эго как показатель локуса контроля, идентификации с другим, значимости отношений с описываемыми субъектами отношений. На основании выделенных критериев авторы анализируют структуру и содержание воспоминаний респондентов. Проводится сравнительный анализ двух групп женщин: имеющих одинаковые либо различающиеся структурно-содержательные характеристики автобиографических воспоминаний о родителях и о партнере по отношениям. Авторы рассматривают рассогласованность структуры и содержания воспоминаний о родителях и о партнере, как неготовность женщины включить образ мужчины (партнера) в собственную историю жизни, субъективную картину жизненного пути. Такая деформация объясняется авторами с позиций психоаналитического подхода, как результат неадекватности детско-родительского опыта. Авторы указывают ряд причин, обуславливающих согласованность или рассогласованность воспоминаний о родителях и о партнере, среди них: стиль и другие особенности детско-родительских отношений в собственном детском опыте; зрелость и длительность отношений с партнером; удовлетворенность отношениями с партнером; оправданность или неоправданность ролевых ожиданий в отношениях. Различия между двумя группами женщин выявлены по всем выделенным критериям. В результате исследования авторы показывают, что связь образа родителей и образа партне-

ра по отношению носит стилевой характер, связанный с феноменами идентичности, включенности в отношения и готовности восприятия партнера как части собственной истории жизни.

Ключевые слова: автобиографические воспоминания, критерии анализа воспоминаний, образ родителей, образ партнера, субъективная картина жизненного пути.

Происходящие на сегодняшний день изменения в обществе, системе норм и ценностей, социальных установках охватили все социальные институты, в том числе и семью. Несомненно, что на современном этапе семья переживает кризис. Однако, согласно данным различных исследований, семья, несмотря на происходящие изменения в социуме, продолжает занимать одно из приоритетных мест в иерархии жизненно важных ценностей человека (Шнейдер, 2000; Антонов, Лактюхина, 2015).

В связи с приведенными выше тенденциями возрастает роль психологической помощи. А это, в свою очередь, делает актуальной проблему поиска адекватной теоретико-методологической базы для разработки основ психологической работы с семьей.

Семья — это фактор, воздействующий на человека. Для ребенка семья — первичная социальная микросреда. Структура отношений в семье определяет особенности позиций и ролей членов семьи (Шнейдер, 2000; Морозова, Сорокина, 2009; Галимзянова, Романова, Москвина, 2010, 2011).

Процессы, которые происходят в семье, отражаются на процессе становления личности. У человека с раннего детства формируется и закрепляется опыт жизни именно в семье (Шнейдер, 2000; Хамитова, 2003). Для ребенка она выступает как безопасная форма его существования. В семье формируются морально-нравственные и этические ценности, нормы общения, социальные установки. Они, как правило, усваиваются бессознательно и сохраняются на всю жизнь (Исполатова, Николаева, 1999; Хамитова, 2003; Howe, 2011; Тихонова, Яновский, 2015).

Характер детско-родительских отношений способствует формированию у детей «образа семьи» (Шнейдер, 2000). В свою очередь «образы» родителей могут влиять на формирование «образа» будущего партнера, что определяет в будущем выборы супругов (Айгунов, 2008; Морозова, Сорокина, 2009; Галимзянова, Романова, Москвина, 2010, 2011; Змановская, Карташова, 2011; Романова, Щербакова, 2011).

Данная статья является частью исследования, посвященного анализу автобиографических воспоминаний женщин и мужчин, отражающих образы родителей и партнеров по отношениям.

В воспоминаниях детства находят свое отражение глубинные переживания и травматический опыт, которые бессознательно определяют жизнь индивида в будущем (Фрейд, 1901; Адлер, 1920; Исполатова, Николаева, 1999; Nelson, Fivush, 2004; Theiler, 2005; Pasupathi, Weeks, 2010; Howe, 2011; Бенгози, 2013). Новизна

и актуальность данного исследования определяется тем, что внимание психологов до настоящего времени было сосредоточено на проблемах эффективности работы памяти, а изучение субъективной представленности феноменов ее функционирования оставалось в стороне. Но без глубинного изучения внутреннего мира человека любое изучение личности остается неполным.

В исследовании оказались затронутыми такие психологические феномены и явления, как самоотношение, образ-Я, значимые другие, детско-родительские отношения, психосоциальные стадии развития.

Автобиографическую память можно рассматривать как субъективное отражение пройденного человеком отрезка жизненного пути (Wilson, Ross, 2003; Nelson, Fivush, 2004; Шлыкова, 2006). Человек, проживая свою жизнь, конструирует ее историю. То, какой она будет, зависит от многих условий и обстоятельств, одни из которых сложились еще до его рождения, а другие — в детстве или более позднем возрасте. Родителям (или тем, кто их заменяет) принадлежит важнейшая роль в этом процессе на протяжении первых лет после рождения; впоследствии в написании «личной истории» начинают участвовать и другие значимые люди (Хамитова, 2003; Nelson, Fivush, 2004; Шлыкова, 2006; Pasupathi, Weeks, 2010).

Мы предположили, что существует связь в образах родителей и партнера по отношениям, представленных в автобиографических воспоминаниях личности.

Для проверки выдвинутой гипотезы мы поставили перед собой цель — изучить структурно-содержательные характеристики образов родителей и партнера по отношениям, представленные в воспоминаниях личности.

В данной статье представлены результаты анализа автобиографических воспоминаний 27 женщин в возрасте от 24 до 44 лет.

Для проверки гипотезы нами использовались следующие методы:

- модифицированная техника анализа ранних детских воспоминаний Е. Н. Исполатовой и Т. П. Николаевой (Исполатова, Николаева, 1999);
- контент-анализ автобиографических воспоминаний (Шлыкова, 2006);
- беседа.

Для анализа автобиографических воспоминаний нами был разработан список стимульных воспоминаний о родителях и о партнере / супруге. Всего 16 воспоминаний.

Теоретический обзор и практический опыт использования техники анализа ранних детских воспоминаний позволяет по определенным параметрам определить ряд закономерностей, дающих информацию о социальной дезадаптации, нарушенных межличностных отношениях, индивидуальных способах преодоления проблем (Адлер, 1920; Исполатова, Николаева, 1999; Theiler, 2005; Фицджеральд, 2007; Pasupathi, Weeks, 2010; Howe, 2011; Бенгози, 2013; Тихонова, Яновский, 2015; Шлыкова, Лагутова, 2016). Перечислим основные критерии анализа содержания воспоминаний, используемые нами в данном исследовании:

1. Число персонажей, независимо от степени родства. Количество действующих персонажей в нашем исследовании связывалось со способностью личности устанавливать разнообразные социальные связи. Выраженное ограничение числа персонажей мы оценивали, как показатель нарушенных межличностных отношений, в основе которых чаще всего лежит состояние эмоциональной депривации (Исполатова, Николаева, 1999).

2. Направленность на совместную деятельность. Наличие «Я-» «Мы-ситуации» свидетельствует о том, что человеку свойственно устанавливать разнообразные связи с окружением, наличие только «Я-ситуации» — о пониженной включенности в отношения, тенденции к изоляции, только «Мы-ситуации» — о тенденции к симбиотическим отношениям, к слиянию (Исполатова, Николаева, 1999).

3. Активность главного персонажа в организации «психологического пространства». Активное поведение персонажа свойственно людям, стремящимся к самостоятельному преодолению трудностей, к субъектности в организации собственной жизни. В ходе психотерапии такие люди могут творчески развивать результаты сессий, «опережая» работу с психотерапевтом. Клиентам, в ранних воспоминаниях которых главным персонажам присуще пассивное поведение, свойственна позиция «реципиента» как в жизни, так и в ситуации психотерапии (Шлыкова, 2006).

4. Степень осознания и вербализация эмоциональных переживаний. Ограниченность в описании эмоциональных переживаний часто свидетельствует о выраженных межличностных нарушениях и проблемах в эмоциональной сфере (Исполатова, Николаева, 1999).

5. Сила выраженности Эго (частота использования местоимений в тексте) (Шлыкова, 2006). Выраженность данного критерия определялась количеством разных местоимений в процентном соотношении к общему количеству слов в тексте. Данный критерий позволяет определить ряд очень важных особенностей самоотношения личности и отношения с окружением. Среди них: выраженность Эго, идентификация с Другим, локализация контроля.

6. Временная форма описания события (в прошедшем, настоящем, будущем времени) (Шлыкова, 2006; Pasupathi, Weeks, 2010). Определение временного расположения события осуществлялось через времена глаголов, используемых для его описания. Подсчитывалось количественное соотношение событий, принадлежащих разным временам.

При реализации первого этапа исследования мы условно разделили общее число испытуемых женского пола на две группы:

– 1-я группа (14 человек), в которой образ партнера описан так же, как и образ родителя; мы обозначили данную группу «группа, включающая партнера в общую структуру автобиографии»;

– 2-я группа (13 человек) — «не включающая образ партнера в общую структуру автобиографии». В данной группе образ партнера по структуре и содержанию описывается отличным от образов родителей.

Результаты анализировались по выделенным выше критериям.

1. Направленность на совместную деятельность.

В первой группе в воспоминаниях о родителях и партнере по «Я-ситуации» нет существенных отличий. А ситуация «Мы» преобладает в воспоминаниях о родителях в первой группе (72%; 44%). Это говорит о том, что испытуемые из этой группы склонны в совместной деятельности включать в ситуацию родителей, выражая таким образом склонность к взаимодействию, сотрудничеству. Это свидетельствует о способности устанавливать разнообразные связи с близким окружением («*Мы с мамой на море, брызгаемся, плещемся и безостановочно смеемся. Смешит абсолютно все. Нам очень радостно...*»; «*Мы идем с папой на первомайскую демонстрацию, он держит меня за руку. Он очень красивый: в элегантном костюме-тройке...*»).

Во второй группе количество «ситуаций Мы» преобладает при описании партнера (75%), мы предположили, что это показатель не склонности к взаимодействию и сотрудничеству, а тенденция к слиянию с партнером. А количество «ситуаций Я» значительно преобладает при описании родителей (46%).

Мы видим, что к независимости от родителей стремится вторая группа (46%), а первая наоборот стремится к совместной деятельности с родителями и включает их в свою ближайшую зону. Однако преобладающая позиция «Я-сам» по отношению к родителям во второй группе может отражать не только затруднения во взаимоотношениях с родителями, но и нарушения своей идентичности. Можно предположить, что эти люди были не способны в детско-родительских отношениях включить родителей в свою ближайшую зону, таким образом, мы видим эту проблему и во взаимоотношениях с партнером. Так как только после стадии симбиотического слияния с родителем возможно отделение от него (Фицджеральд, 2007; Howe, 2011; Бенгози, 2013). За страхом включить в совместную деятельность родителя и партнера стоит страх собственного «Я», а за отрицанием зависимости от родителей стоит именно склонность к симбиотическим отношениям («*я заканчивала колледж с красным дипломом, я этого очень сильно хотела, но в итоге на гос. экзамене на одном из этапов меня завалили, вызвали мою маму и назвали сумму, которую ей надо было заплатить, но мои родители не посчитали нужным это сделать, и я с ними поссорилась...*»; «*я не вовремя приготовила ужин, и был скандал*»; «*я устроилась на работу, и родители поддержали меня*»).

2. Активность главного персонажа в организации «психологического пространства».

Во второй группе преобладает пассивная позиция у испытуемых, т.е. пассивный (страдательный) залог используется чаще в описаниях воспоминаний

с родителями (46%). Таким образом, наше предположение о наличии внутреннего конфликта во второй группе подтверждается: испытуемые сознательно описывают независимую позицию от родителей, но бессознательно их взаимоотношения, как видно из воспоминаний, симбиотичны. Можно предположить, что модель не включения родителя переносится на партнера, хотя истинный характер взаимоотношений в паре, по нашим предположениям, будет также носить зависимый характер («меня хвалили, когда я пошла в 19 лет работать...»; «мама всегда меня баловала...»; «меня наказали, когда я прогуляла школу, мама впервые ударила меня»; «когда я забеременела, он поддержал меня»; «он снял для меня квартиру...»; «мама била меня сильно»; «он не разговаривал со мной...»).

Первая группа испытуемых проявляет активную позицию во взаимоотношениях и с родителями, и с партнером, что доказывает характер отношений при описании первого критерия. Активное поведение свойственно людям, стремящимся к самостоятельному преодолению трудностей («Я играла на улице, во двор заехала белая машина, в ней сидел какой-то мужчина и папа, папа улыбался во все 32 зуба, я подбежала к нему, словно понимая, что у него что-то есть для меня...он достал куклу... Я была счастлива и прыгала до потолка...»; «Я в начальной школе училась, сделала домашнее задание по русскому языку, но мама нашла в нем ошибку, я очень расстроилась»; «я все время ему говорила о своих проблемах на работе»; «я выговорила папе, что он неуважительно относится к бабушке. Он что-то кричал, и я тоже...»).

По образу партнера различий у первой и второй групп не выявлено.

3. Степень осознания и вербализация эмоциональных переживаний.

Вербализация переживаний у испытуемых первой группы достаточно высокая в описаниях воспоминаний и с родителями, и с партнером, что обусловлено тем, что опыт детско-родительских отношений включен в структуру самоотношения, и эта же модель переносится и на отношения с партнером. Также отметим, что вербализация переживаний в первой группе одинаковая при описании родителей и партнера, что свидетельствует о рациональном отношении, устойчивой сформированной я-концепции.

Также можно отметить, что во второй группе испытуемых женского пола больше выражена вербализация переживаний с партнером (83%; 60%). Это является свидетельством актуальности переживаний партнерских отношений в настоящем. У испытуемых не рациональное отношение к партнеру, а эмоциональное, так как определенные проблемы во взаимоотношениях с партнером порождают сильные эмоциональные переживания у испытуемых в этой группе. Мы предполагаем, что причина этого в неспособности включить его в свою жизненную позицию («Мы просто изводили друг друга. Самое ужасное, что он не оставлял меня одну, закрывал дверь на замок... Ощущение закрытого пространства приводило меня в состояние полнейшего ...Я ненавидела его, а он

меня в эти минуты»). Мы предполагаем, что нарушения в контакте с родителями не позволили женщинам данной группы сформировать удовлетворительные отношения с супругами.

4. Число персонажей, независимо от степени родства.

В первой группе при описании образа родителя и образа партнера количество персонажей почти равное (2,8 и 2,6), а во второй группе наблюдается снижение количества персонажей в воспоминаниях о партнере. Мы можем наблюдать сужение пространства до двух человек — это испытуемый и партнер. Можно предположить, что, с одной стороны, мы наблюдаем стремление испытуемых второй группы сепарироваться от родителей, с другой — центрация на партнере может свидетельствовать о склонности к симбиозу.

5. Временная форма описания события (в прошедшем, настоящем, будущем времени).

В целом в обеих группах преобладает использование прошедшего времени, что объяснимо общей тенденцией автобиографических воспоминаний (Шлыкова, 2006; Шлыкова, Лагутова, 2016).

В описании родителей преобладает прошедшее время, так как это прошлый опыт («у моего папы были проблемы со здоровьем, и он был готов оплатить свое лечение»; «наказывала меня в основном мама и ставила в угол, иногда на колени»).

Во второй группе использование настоящего времени преобладает в описаниях воспоминаний о родителях, т.е. образ родителя чаще выступает в активном виде. Мы предполагаем, что непроработанные отношения с партнером актуализируются при появлении эмоциональных отношений с партнером. Кроме того, можно предположить, что неприятные воспоминания указываются в прошедшем времени («он вообще меня не слышал, а продолжал думать о том, как еще доказать, что он прав, мои слова проходили мимо»).

Можно отметить и такую особенность: приятные моменты часто описываются в настоящем времени, хотя произошли они в раннем детстве («Мама на санках везет меня из детсада домой. Уже темно, и на небе видны звезды, по сторонам — снег, дома, ели. Очень красиво и хорошо»).

6. Сила выраженности Эго (частота использования местоимений в тексте).

Количество местоимений «Я» больше в первой группе и при описании родителей, и при описании партнера (2,2 > 1,8). Это подтверждает вывод о том, что испытуемые в первой группе проявляют активность позиции, инициативность, показывают включенность родителя в их жизненную позицию в детстве и, в связи с этим, способность к проявлению самостоятельности, построению отношений с окружающими и партнером («Я пошла к маме на работу, у меня были длинные волосы, во дворе их управления стоял вагончик, где стриг парикмахер... я чувствовала, как она нравится фотографу, как он к ней относится

с симпатией, это вызывало чувство гордости и восхищения за маму... Потом мы пошли с ней к инженерам, и я смотрела, как они работают, чертят что-то на больших досках... Для меня это было большим приключением»).

Анализируя использование местоимения мы, можно сказать, что в первой группе наблюдается большее использование этого местоимения в отношениях с партнером, что говорит о позитивном переносе модели отношений на собственную семью и идентификации с партнером, о его включенности в со-бытие. («Мы были знакомы с Андреем 2 недели! Мы катались с ним на велике... я испытывала необыкновенные ощущения... Тем самым заявив, что всегда будет рядом...»).

Во второй группе использование местоимения мы в описаниях воспоминаний с родителями и партнером почти не различаются, незначительно проявлена тенденция к более частому использованию местоимения мы в воспоминаниях с партнером, что подтверждает склонность испытуемых из второй группы к построению симбиотических отношений.

Во второй группе наблюдается тенденция к более частому использованию местоимения «они» в воспоминаниях, связанных с партнером. Выраженность местоимения он / она / они связана с обозначением Другого как ответственного за произошедшее («Он не оставлял меня одну ни на минуту... он закрывал дверь на замок, чтобы я не убежала... он поддержал меня при поступлении в вуз»; «Он опоздал. Заходит в класс. Такой веселый, красивый. Рассказывает какую-то историю. В деловом костюме»; «Он говорил, что я красиво рисую, что я художник. Вся в него. Он хвалил меня за большое количество отжиманий и приседаний»). Высокая выраженность данных местоимений связана с определенным снятием ответственности автора с себя и перекладыванием на другого человека. Можно предположить, что такая особенность построения автобиографических текстов у испытуемых второй группы отражает неспособность самостоятельно решать и преодолевать трудности, несамостоятельность, нерешительность и отсутствие готовности нести ответственность за события своей жизни. Мы снова возвращаемся к вопросу неудовлетворительно пройденной стадии сепарации / индивидуации (Фицджеральд, 2007; Theiler, 2005; Howe, 2011; Бенгози, 2013).

При подведении итогов анализа воспоминаний можно сделать вывод, что в анализируемых воспоминаниях мы увидели две модели отношений. В первой модели партнер включен в жизнеописание как часть субъективной картины жизненного пути, во второй — является отдельным элементом, еще не включенным в устойчивую систему отношений с окружающим миром. Понятие «включение» подразумевает общую позицию описания жизни и с родителями, и с партнером, включение партнера в общую картину переживания эмоционального фона, в общий контекст воспоминаний.

Таким образом, мы выявили перенос модели отношений в семье на отношения с супругом. Причем сам пол родителя не играет существенной роли

при формировании образа партнера, важное значение здесь играет сама модель детско-родительских отношений. Предположение о том, что построение образа супруга и образа супружеских взаимоотношений достаточно связано с тем, как был построен в детстве образ собственного «Я» находит свое подтверждение. Речь идет об идентичности, целостности собственного «Я», которое формируется в детско-родительских отношениях посредством оценок, запретов / поощрений, системы наказаний, установок. Огромную роль играет также процесс взросления и отделения от родителей. В процессе исследования мы выявили, что именно эта фаза развития личности будет в дальнейшем определять способность индивида к построению эмоционально близких отношений, созданию собственной семьи и включение супруга в свое жизненное пространство.

По результатам исследования, мы можем выделить факторы, определяющие включение партнеров в жизнеописание респондентов:

- особенности детско-родительских отношений;
- зрелость и длительность супружеских отношений;
- удовлетворенность браком;
- ролевые ожидания.

Подводя итог, можно сказать, что полученные результаты могут использоваться в консультативной работе с личностью, в семейном консультировании. Стоит отметить, что исследуемые располагают достаточно сложной структурой субъективного опыта, поэтому обобщение данных позволяет лишь систематизировать и структурировать полученные факты и тенденции для формулировки новых задач и направлений исследования.

Библиографический список

1. Адлер, А. (2002). *Практика и теория индивидуальной психологии*. Москва.
2. Айгунов, В. Р. (2008). *Мотивация выбора брачного партнера у молодежи* (Автореф. канд. диссертации). Москва.
3. Антонов, Г. В., Лактюхина, Е. Г. (2015). Кризис института брака в современной России: реальность или вымысел? *Вопросы статистики*, (7), 21–31.
4. Бенгози, П. (2013). Психоаналитическая парная и семейная терапия: объединение, разъединение/неединение и переобъединение связей. *Журнал практической психологии и психоанализа*, (3). Режим доступа <http://psyjournal.ru/articles/psichoanaliticheskaya-parnaya-i-semeynaya-terapiya-obedinenie-razedinenie-needinenie-i>
5. Галимзянова, М. В., Романова, Е. В. (2011). Эмоциональные переживания, связанные с событиями детства и партнерскими отношениями. *Вестник Санкт-Петербургского ун-та*, (1), 209–216.
6. Галимзянова, М. В., Романова, Е. В., Москвина, Е. А. (2010). Особенности образа родителя и брачного партнера у взрослых, переживших развод родителей в детстве. *Вестник Санкт-Петербургского ун-та*, (4), 113–119.

7. Змановская, Е. В., Карташова, Т. Е. (2011). Структура и содержание брачно-семейных установок современной молодежи. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, (12), 222–226.
8. Исполатова, Е. Н., Николаева, Т. П. (1999). Модифицированная техника анализа ранних воспоминаний личности. *Вопросы психологии*, (1), 69–76.
9. Морозова, Е. А., Сорокина, Т. Ю. (2009). Модель семьи как фактор формирования брачно-семейных установок и личностных качеств молодежи. *Сибирский психологический журнал*, (32), 100–104.
10. Романова, Е. В., Щербакова, А. С. (2011). Влияние опыта взаимоотношений в родительской семье на формирование супружеских отношений и удовлетворенность браком. *Вестник Санкт-Петербургского университета*, (3), 121–128.
11. Тихонова, О. И., Яновский, С. С. (2015). Особенности семейной психоаналитической психотерапии. *Журнал практической психологии и психоанализа*, (1). Режим доступа <http://psyjournal.ru/articles/osobennosti-semeynoy-psihoanaliticheskoy-psihoterapii>
12. Фицджеральд, Р. (2007). Психотерапевтическая работа с парами. *Журнал практической психологии и психоанализа*, (1). Режим доступа <http://psyjournal.ru/articles/psihoterapevticheskaya-rabota-s-parami>
13. Фрейд, З. (2007). *Психология бессознательного*. Санкт-Петербург.
14. Хамитова, И. Ю. (2003). Межпоколенные связи. Влияние семейной истории на личную историю ребенка. *Журнал практической психологии и психоанализа*, (4). Режим доступа <http://psyjournal.ru/articles/mezhpokolennye-svyazi-vliyanie-semeynoy-istorii-na-lichnyu-istoriyu-rebenka>
15. Шлыкова, Ю. Б. (2006). *Переживание личностью смысла бытия и тип автобиографического текста* (Автореф. канд. диссертации). Краснодар.
16. Шлыкова, Ю. Б., Лагутова, Л. О. (2016). Автобиографические воспоминания о супружеских отношениях и гендерная самооценка женщин. *Человек. Сообщество. Управление*, (3), 73–91.
17. Шнейдер, Л. Б. (2000). *Психология семейных отношений*. Москва.
18. Howe, M. L. (2011). *The Nature of Early Memory: An Adaptive Theory of the Genesis and Development of Memory*. New York.
19. Theiler, S. (2005). *The efficacy of Early Childhood Memories as Indicators of Current Maladaptive Schemas and Psychological Health*. Victoria, Australia.
20. Nelson, K., Fivush, R. (2004). The Emergence of Autobiographical Memory: A Social Cultural Developmental Theory. *Psychological Review*, (3), 486–511.
21. Pasupathi, M., Weeks, T. L. (2010). Integrating Self and Experience in Narrative as a Route to Adolescent Identity Construction. *New Directions for Child and Adolescent Development*, 131, 31–43.
22. Wilson, A. E., Ross, M. (2003). The Identity Function of Autobiographical Memory: Time is on Our Side. *Memory*, (2), 137–149.

Статья поступила в редакцию 12.09.2017.

RELATION BETWEEN IMAGES OF PARTNER WITH IMAGE OF PARENTS IN WOMEN'S AUTOBIOGRAPHICAL RECOLLECTIONS

Shlikova Y. B., Eibozhenko V.

Shlikova Yulia Borisovna,
Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar, Stavropolskaya Str., 149
E-mail: magnoly@mail.ru

Eibozhenko Viktoria Yuryevna,
Preschool educational institution "OTKRYTIE", Russia, Krasnodar, Budennogo Str., 221
E-mail: e-vikka@yandex.ru

The article dwells upon a study of parents and a partner's images in relationships through women's autobiographical recollections. The authors base on the psycho-analytic and subjective-existential approaches in describing the situation of transferring one's own child-parent experience to the relationship with a partner. The article analyzes the similarity or difference in the structure and content of recollections about parents and a partner in relationships.

The authors propose a model for analyzing personal recollections, which includes six basic criteria: existence of the I-situation, We-situations in the described event as an indicator of readiness for partner constructive relations; activity of the main character as a manifestation of subjectivity in his/her own life; degree of awareness and verbalization of experiences as an indicator of acceptance or rejection of personal experience; a number of recollections as a willingness to be involved in different social relationships; time of a recollection description (past, present, future), reflecting the relevance in the present described events and some protective effects of autobiographical memory; strength of the ego expression as an indicator of the locus of control, identification with others, importance of relations with the described subjects of relationships.

Based on the criteria, the authors analyze the structure and content of the respondents' recollections. A comparative analysis of two groups of women is carried out: having identical or differing structural-content characteristics of autobiographical recollections about parents and a partner in relationships. The authors consider the mismatch of the structure and content of recollections about parents and a partner as a woman's unwillingness to include the image of a man (partner) in her own life story, a subjective picture of her life's path. Such deformation is explained by the authors from a perspective of a psychoanalytic approach as a result of the incongruity of the child-parent experience. The authors point out a number of reasons for the coherence or matching fault of recollections about parents and a partner.

Among them are style and other features of child-parent relationships in their own children's experience; maturity and duration of the relationship with the partner; satisfaction with the relationship with the partner; the justification or unjustified role expectations in the relationship. Differences between the two groups of women were identified by all the criteria. As a result of the research, the authors show that the relation between the image of parents and the image of a partner in relationships is stylistic in its nature, associated with the phenomena of identity, involvement in relationships and the willingness to perceive a partner as a part of their own life history.

Key words: autobiographical recollections, criteria for analyzing memories, the image of parents, the image of a partner, the subjective picture of the life path.

References

1. Adler, A. (2002). *Praktika i teorija individual'noj psikhologii* [Practice and Theory of Individual Psychology]. Moscow.

2. Ajgunov, V. R. (2008). *Motivacija vybora brachnogo partnera u molodezhi* [Motivation to Choose a Marriage Partner for Young People] (Abstract of Cand. Dissertation). Moscow.
3. Antonov, G. V. & Laktjuhina, E. G. (2015). Krizis instituta braka v sovremennoj Rossii: real'nost' ili vymysel? [The Crisis of the Institution of Marriage in Modern Russia: Reality or Fiction?]. *Voprosy statistiki* [Statistics Questions], (7), 21–31.
4. Bengozi, P. (2013). Psihoanaliticheskaja parnaja i semejnaja terapija: ob#edinenie, raz#edinenie/needinenie i pereob#edinenie svjazej [Psychoanalytic Pair and Family Therapy: Unification, Disconnection / Nonunion and Re-Unification of Relations]. *Zhurnal prakticheskoy psihologii i psihoanaliza* [Magazine of Practical Psychology and Psychoanalysis], (3). Retrieved from <http://psyjournal.ru/articles/psihoanaliticheskaya-parnaya-i-semejnaya-terapiya-obedinenie-razedinenie-needinenie-i>
5. Ficdzheral'd, R. (2007). Psihoterapevticheskaja rabota s parami [Psychotherapeutic Work with Couples]. *Zhurnal prakticheskoy psihologii i psihoanaliza* [Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis], (1). Retrieved from <http://psyjournal.ru/articles/psihoterapevticheskaya-rabota-s-parami>
6. Frejd, Z. (2007). *Psihologija bessoznatel'nogo* [Dynamic Psychology]. St-Petersburg.
7. Galimzjanova, M. V. & Romanova, E. V. (2011). Jemocional'nye perezhivanija, svjazanye s sobytijami detstva i partnerskimi otnoshenijami [Emotional Experiences Related to Childhood Events and Relationships]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta* [Bulletin of the St. Petersburg University], (1), 209–216.
8. Galimzjanova, M. V., Romanova, E. V. & Moskvina, E. A. (2010). Osobennosti obraza roditelja i brachnogo partnera u vzroslyh, perezhivshih razvod roditel'ej v detstve [Peculiarities of The Parents and Partner's Image in Adults Who Survived the Divorce of Parents in Childhood]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta* [Bulletin of the St. Petersburg University], (4), 113–119.
9. Hamitova, I. Ju. (2003). Mezhpokolennye svjazi. Vlijanie semejnoj istorii na lichnuju istoriju rebenka [Intergenerational Relations. Influence of Family History on the Personal History of a Child]. *Zhurnal prakticheskoy psihologii i psihoanaliza* [Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis], (4). Retrieved from <http://psyjournal.ru/articles/mezhpokolennye-svjazi-vliyanie-semejnoy-istorii-na-lichnuyu-istoriju-rebenka>
10. Howe, M. L. (2011). *The Nature of Early Memory: An Adaptive Theory of the Genesis and Development of Memory*. New York.
11. Ispolatova, E. N. & Nikolaeva, T. P. (1999). Modificirovannaja tehnika analiza rannih vospominanij lichnosti [Modified Technique for Analyzing Early Personal Recollections]. *Voprosy psihologii* [Psychology Questions], (1), 69–76.
12. Morozova, E. A. & Sorokina, T. Ju. (2009). Model' sem'i kak faktor formirovanija brachno-semejnyh ustanovok i lichnostnyh kachestv molodezhi [Family Model as A Factor in The Formation of Marriage and Family Attitudes and Personal Qualities of Youth]. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal* [Siberian Psychological Magazine], (32), 100–104.
13. Nelson, K. & Fivush, R. (2004). The Emergence of Autobiographical Memory: A Social Cultural Developmental Theory. *Psychological Review*, (3), 486–511.
14. Pasupathi, M. & Weeks, T. L. (2010). Integrating Self and Experience in Narrative as a Route to Adolescent Identity Construction. *New Directions for Child and Adolescent Development*, 131, 31–43.

15. Romanova, E. V. & Shherbakova, A. S. (2011). Vlijanie opyta vzaimootnoshenij v roditel'skoj sem'e na formirovanie supruzheskih otnoshenij i udovletvorennost' brakom [The Influence of the Relationships Experience in The Parents' Family on the Formation of Marital Relations and Satisfaction with Marriage]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of the St. Petersburg University], (3), 121–128.
16. Shlykova, Ju. B. & Lagutova, L. O. (2016). Avtobiograficheskie vospominanija o supruzheskih otnoshenijah i gendernaja samoocenka zhenshhin [Autobiographical Recollections of Marital Relations and Gender Self-Esteem of Women]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3), 73–91.
17. Shlykova, Ju. B. (2006). *Perezhivanie lichnost'ju smysla bytija i tip avtobiograficheskogo teksta* [The Experience of the Person's Sense of Being and The Type of Autobiographical Text] (Abstract of Cand. Dissertation). Krasnodar.
18. Shnejder, L. B. (2000). *Psihologija semejnyh otnoshenij* [Psychology of Family Relations]. Moscow.
19. Theiler, S. (2005). *The efficacy of Early Childhood Memories as Indicators of Current Maladaptive Schemas and Psychological Health*. Victoria, Australia.
20. Tihonova, O. I. & Janovskij, S. S. (2015). Osobennosti semejnoj psihoanaliticheskoj psihoterapii [Particularities of Family Psychoanalytic Psychotherapy]. *Zhurnal prakticheskoj psihologii i psihoanaliza* [Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis], (1). Retrieved from <http://psyjournal.ru/articles/osobennosti-semeynoy-psihoanaliticheskoy-psihoterapii>
21. Wilson, A. E. & Ross, M. (2003). The Identity Function of Autobiographical Memory: Time is on Our Side. *Memory*, (2), 137–149.
22. Zmanovskaja, E. V. & Kartashova, T. E. (2011). Struktura i sodержanie brachno-semejnyh ustanovok sovremennoj molodezhi [Structure and Content of Modern Youth's Marriage and Family Attitudes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], (12), 222–226.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДЧИНЕННЫХ И ПРЕДПОЧИТАЕМЫЙ ИМИ СТИЛЬ УПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ)

.....

Григорьев М. В., Макаревская Ю. Э.

Григорьев Михаил Викторович, Сочинский государственный университет,
350000, Россия, г. Сочи, ул. Советская, 26-а
Эл. почта: info_grigoriev@mail.ru

Макаревская Юлия Эдуардовна, Сочинский государственный университет,
350000, Россия, г. Сочи, ул. Советская, 26-а
Эл. почта: yuliya-sochi@mail.ru

В статье раскрывается проблема исследования личностных особенностей подчиненных и предпочитаемого ими стиля управления. В тексте приведены теоретические аспекты вопроса, а также результаты практического исследования, в котором приняли участие военнослужащие, претендующие на управленческие или исполнительские должности.

Стиль управления рассмотрен в новом ракурсе: с позиции подчиненных, что актуально для психологии управления, где в основном представлены исследования психологических аспектов именно управленческой деятельности, а не исполнительской.

Большая часть исследований подчиненных сделана на выборке представителей силовых структур, так как данная сфера имеет линейную структуру управления и специфику четко определённого вертикального подчинения. Однако и в этих исследованиях личность подчиненного раскрыта недостаточно. Наверняка потребуется не одно исследование, чтобы раскрыть эту проблему в психологии управления.

Суть проблемы мы видим в том, что управленческая деятельность по определению предполагает влияние руководителя на объект управленческого воздействия, а таковым объектом является подчиненный. Следовательно, для разработки каких-либо психологических рекомендаций по поводу эффективного управления необходимо исследовать не только личность управленца или руководителя, но и личность подчиненного как объекта управленческих воздействий.

В данной работе показано, что предпочитаемый подчиненными-военнослужащими стиль руководства не зависит от их личностных особенностей (по 16-факторному опроснику Кеттелла) и характерологических свойств (акцентуаций характера). Определено, что военнослужащие, претендующие на исполнительские должности обладают существенно более выраженным общим экстернальным локусом контроля в сравнении с военнослужащими, претендующими на управленческие должности.

Результаты являются достоверными по показателям статистических критериев, однако не исчерпывают проблему исследования личности подчиненного в психологии управления.

Ключевые слова: руководство, стиль управления, личностные особенности, психология подчиненного

Введение

Сложность многоуровневой целостной и динамично развивающейся социальной системы в любом ее виде требует управления, которое предполагает сохранение, рост, контроль за структурой, взаимодействие с внешним миром этой системы. То есть управление и руководство — это неисчерпаемый источник задач для теоретиков и практиков психологии менеджмента (Журавлев, Нестик, 2009; Королев, 2016, 2017; Родыгина, 2013; Романов, 2000, Шелудченко, 2017 и др.).

Известно, что современный руководитель большую часть времени тратит не на финансовые и технические вопросы, а на решение психологических задач, возникающих в процессе общения с коллегами, начальством, подчинёнными (Евтихов, 2010; Богатырева, 2012; Журавлев и др., 2009; Романов, 2000).

Особенности стилей руководства и эффективного управления изучены достаточно хорошо, но при этом не обращается внимание на то, что все работники организаций, предприятий, фирм и т.д., кроме руководителя, а именно его заместители, руководители низшего уровня, рядовые исполнители — являются подчинёнными (Коровкина, 2011; Королев, 2016; Мухамедов, 2012; Armstrong, 2011).

Подчинённый — лицо, находящееся в подчинении старшего по должности. Таких людей в организациях большинство. И в то же время личность подчинённого изучена недостаточно в психологии управления. Точнее говоря, мы не встречаем в публикациях по психологии менеджмента последних 10 лет ни одного исследования по теме психологии подчинённых.

Что же сделано сейчас в этом направлении?

Анализ актуальных публикаций за последние 3 года, представленных в системе РИНЦ, выставленных в e-library, показал, что различные аспекты, хотя бы косвенно касающиеся психологии подчинённых, изучены в области управления персоналом силовых структур (Беляев, Максимчук, Навроцкий, Ильина, Безнебева, Некрасова, 2014; Петров, Ходнаева, 2012; Соломатин, Зотов, Утюганов, 2015; Щербаков, 2016; Долинин 2017, Федорова, 2001; Хасанова, Галяуова, 2014 и др.)

В научно-популярных изданиях делаются попытки выделения различных типов подчинённых по нечетким критериям, однако источники таких типологий не известны.

Встречаются отдельные публикации, где называют четыре типа подчинённых (на основании особенностей их поведения).

1. Самостоятельные. Они независимо мыслят и стремятся к поиску новых решений, осуществляя творческий подход к делу; смело отстаивают свои взгляды, при выполнении распоряжений проявляют самостоятельность, нередко выходят за предписанные рамки, не боясь вступить в конфликт; способны выполнять задания повышенной сложности и полностью отвечать за порученную работу.

2. Осторожные. Ориентированы на запланированный результат и не выходят за пределы заданий, хотя иногда могут иметь собственное мнение и отстаивать свою позицию и право на самостоятельность, что расценивается как упрямство.

3. Добросовестные. Ориентированы на широкий подход к делу, глубокий анализ обстановки, творчество, но робки и не всегда могут изложить свое понимание ситуации и представление о необходимых действиях; при несогласии не противодействуют, а лишь снижают активность, что нередко порождает внутриличностный конфликт.

4. Терпеливые. Безропотно воспринимают любые задания и пунктуально их выполняют; к распоряжениям руководителя относятся доверительно, так как считают, что тот все знает лучше (Евтихов, 2010).

Выделены такие характеристики деятельности подчинённого, как:

- зависимость от вышестоящего руководителя;
- функциональная узость и односторонность работы;
- тесная связь с первичным коллективом;
- преобладание межличностных форм отношений при выполнении служебных обязанностей;
- влияние со стороны авторитетных коллег (Евтихов, 2010).

В целом характеристика управленческой деятельности такова, что начальник больше думает о том, что нужно сделать, а подчиненный — как это сделать. Вернее, подчинённый чаще и получает конкретное указание, как ему выполнить то или иное поручение руководителя.

Руководитель стратегически планирует и организует деятельность подчинённых, поэтому именно ему в психологии управления посвящено большее количество исследований и публикаций (Журавлев и др., 2009; Миллер, Леонов, 2012; Мухамедов, 2012; Коровина, 2011; Королев, 2016, 2017; Шелуденко, 2014; Armstrong, 2011; Torrington, 1991)

В подчинённых руководителя чаще всего интересует не столько их ожидания от руководства, сколько мотивация, потребностный и ценностный компоненты личности.

Выбирая и используя определённый стиль руководства, управленцы также мало интересуются личностными особенностями подчинённых. Это обусловлено в большей мере их должностным статусом и имеющимися полномочиями. Особенно, на наш взгляд, это выражено именно в силовых структурах.

Полагаем, что выбор определенного стиля руководства в конкретной ситуации должен быть обусловлен множеством факторов, степень соответствия которым определяет эффективность управленческого процесса в целом и деятельности организации в частности (Королев, 2017; Иванова, 2012, б). В этих условиях акту-

альным представляется исследование личностных особенностей подчиненных и предпочитаемого ими стиля управления.

На формирование предпочтений подчиненных определенных стилей управления влияют четыре фактора: ожидание, интерес к поставленному заданию или ситуации, терпение к неопределенности, возрастные категории группы и опыт ее членов. Например, упоминается, что сотрудники, которые не имеют опыта работы, нуждаются в регламентации их деятельности и чувствуют себя уверенно при директивном стиле руководства (Азимов, Безнощук, 2016, 592). Вполне вероятно, что и другие стили руководства имеют своих адептов среди подчиненных.

Исследование

При проведении эмпирического исследования, участие в котором приняли кандидаты на военную службу ($N = 130$) были сформулированы две гипотезы.

1. Предпочитаемый подчиненными стиль управления не зависит от их личностных особенностей.

2. У военнослужащих, которые претендуют на управленческие должности, уровень субъективного контроля выше, чем у сотрудников, которые будут занимать исполнительные должности.

Методики. Для сбора эмпирических данных использовались такие методики, как 16-факторный опросник Кеттелла (Капустина, 2001; Батаршев, 2004), опросник К. Леонгарда — С. Шмишека «Методика изучения акцентуаций личности» (Ракович, 2002), УСК Дж. Роттера (Rotter, 1955; Stern, 1977; Wulry, 1965), методика экспертного опроса Блейка — Моутон (Моргунов, 2001).

Полученные в ходе исследования данные были подвергнуты методам анализа (расчет мер центральной тенденции, распределения частот в%) и математической статистики (критерий χ^2 , Манна — Уитни).

Результаты

По данным опросника Кеттелла выборка была разделена на 6 групп.

Представители первой группы склонны к добродушию, легко ведут беседы и выражают эмоции; готовы сотрудничать, всегда внимательны к людям, мягкосердечны, добры, приспосабливаются к любым ситуациям. Представители второй группы медленно понимают материал при обучении, мало доверяют людям, часто сомневаются и погружены в свое «Я», упрямы и интересуются внутренней психической жизнью. Респонденты, отнесенные к третьей группе, — эмоциональные, устойчивые и невозмутимые, всегда стараются соблюдать общественные моральные нормы, но иногда покоряются перед нерешенными эмоциональными проблемами. Представители четвертой группы очень требовательны к себе, руководствуются чувством долга, настойчивы, ответственны,

добросовестны, склонны морализировать, отдают предпочтение работающим людям, остроумны, бывают слабыми, часто мечтают и капризничают, разборчивы, требуют к себе внимания, помощи, зависимы, непрактичны. Респонденты, отнесенные к пятой группе, проявляют хитрость и при этом нерасчетливость, бывают проницательными, умеют контролировать свои эмоции и поведение. Представители шестой группы всегда практичны, реалистичны, мужественные, независимы, имеют чувство ответственности, при этом скептически относятся к субъективным и культурным аспектам жизни.

С помощью опросника акцентуаций характера Леонгарда — Шмишека был определен тип характера, свойственный респондентам данной выборки.

Демонстративный тип, к которому отнесено 7,5% опрошенных, характеризуется повышенной способностью к вытеснению, наличием маски собственного собеседника благодаря повышенной способности к эмпатии и самоотречению от возможности иметь большое постоянство внутреннего мира. Педантичный тип представлен также 7,5% респондентов, которые характеризуются повышенной ригидностью, инертностью психических процессов, не могут вытеснить травмирующие переживания, имеют гипертрофию упорядоченности внешнюю и внутреннюю, аккуратны и добросовестны, своевременно выполняют задания, хотя допускают манкирование ими, если они не выполнены качественно в данный срок. К застревающему типу также отнесено 7,5%. Данный тип отличается чрезмерной стойкостью и спонтанными аффектами, а это может привести к неустойчивому поведению, которое касается то одного, то другого «застревания». Когда происходит такая ситуация, то человек становится «борцом за идею, за правду, за честь и отмщение».

Ярче среди респондентов представлен возбудимый тип (15%), характеризующийся повышенной импульсивностью, ослабленным контролем над влечениями и побуждениями, бессознательным, а иногда и сознательным переносом личного состояния вовне. Также немало в исследуемой выборке представителей гипертермического типа (15%), для которых характерно повышенное настроение в сочетании с оптимизмом и высокой психической активностью. Люди этого типа умеют общаться, хорошие собеседники, часто меняют свое окружение и место работы, они энергичные, предприимчивые и увлекающиеся.

Дистимический тип, представленный 7,5% респондентов, отличается сниженным фоном настроения, пессимистичностью, фиксированием теневых сторон жизни, проявлением заторможенности. Таков же процент представителей аффективно-экзальтированного типа, для которого характерны легкость перехода от состояния восторга к состоянию печали. Восторг и печаль — основные состояния для данного типа. Они не имеют полутонов в эмоциях и чувствах, быстро могут перейти от «мировой скорби» к «безоблачному счастью». Также 7,5% респондентов можно отнести к эмотивному типу людей, похожему на аффективно-экзальтированный тип, но отличающийся по содержанию, его прояв-

ления менее сильны. Индивиды этого типа имеют высокую впечатлительность и чувствительность. Их эмоции доминируют над мотивациями поведения, они сильно и долго переживают любую ситуацию, для них характерны изящество чувств, мягкость, альтруизм, люди склонны к переживанию, состраданию и сочувствию, всегда желают помочь делом другим.

В наименьшей степени в исследуемой выборке оказался представлен тревожно-боязливый тип (4%). Для людей данного типа свойственна склонность к страхам и робости. Если происходят несущественные события, которые нарушают порядок отношений, это вызывает фобические переживания.

Циклотомический тип характерен для самой большой группы исследуемой выборки — 21%. Данный тип отличается постоянно неустойчивым настроением, привязанностями и эмоциями. Причиной такого поведения является смена фаз самочувствия от гипертимии до дистимии и обратно.

Далее, используя решетку Блейка — Моутон, был определен стиль руководства, который представляют себе кандидаты на военную службу: это стиль командный. Данный стиль предполагает одинаково бережное отношение руководителя как к подчиненным, так и ко всей возглавляемой им организации. Это обеспечивает высокий моральный настрой кандидатов на военную службу.

Сопоставив полученные результаты по характерологическим и личностным особенностям испытуемых, распределив их в матрице Блейка — Моутон, было определено, что значимых различий в представленности признака в группах испытуемых нет. То есть была доказана гипотеза о том, что независимо от личностных особенностей подчиненных (в лице военнослужащих на исполнительских должностях) предпочитаемый ими стиль в управлении будет одинаков: командный.

Для определения локализации субъективного контроля сотрудников был использован опросник уровня субъективного контроля Дж. Роттера, по результатам чего выборка была разделена на две группы: кандидаты на управленческие должности и кандидаты на подчиняемые должности.

У второй группы уровень субъективного контроля выше, чем у первой группы (критерий U-Манна Уитни; $p \leq 0,05$), что свидетельствует о преобладании интернальной направленности у подчиненных, занимающих управленческие должности в большей степени, нежели у сотрудников, занимающих исполнительные должности.

Соответственно кандидатам второй группы свойственно считать, что большинство важных событий в их жизни является результатом их собственных действий, что они могут ими управлять и, следовательно, берут на себя ответственность за свою жизнь в целом.

Таким образом, была доказана гипотеза о том, что у военнослужащих, претендующих на управленческие должности уровень субъективного контроля выше, чем у сотрудников, занимающих исполнительные должности, что сви-

Средние величины по шкалам опросника УСК Дж. Роттера в группах 1 и 2

Шкалы	Группа 1 (n = 50)	Группа 2 (n = 80)	U Манна Уитни	p
	Средний ранг			
Общая интернальность	43,45	56,68	897,5	0,022*
Интернальность в области достижений	51,92	48,04	1129	0,493
Интернальность в области неудач	52,32	47,63	1109	0,407
Интернальность в семейных отношениях	50,62	49,37	1194	0,826
Интернальность в области производственных отношений	55,03	44,87	973,5	0,067
Интернальность в области межличностных отношений	46,97	53,09	1073,5	0,232
Интернальность в области отношения к здоровью и болезни	54,69	45,21	990,5	0,065

* Уровень значимости $p < 0,05$.

детельствует о преобладании интернальной направленности у управленцев в большей степени, нежели у подчиненных.

Обсуждение

Анализ полученных данных позволяет делать предположения, что военнослужащие, претендующие на исполнительские должности, не поддаются устойчивой типологии. Личностные особенности подчинённых настолько разнообразны, что не представилось возможным их сгруппировать на основе статистических данных. Возможно, данная задача может быть решена на более крупной выборке. Зафиксированные различия в локусе контроля подчинённых и управленцев могут при соответствующем теоретическом обосновании привести к дополнительным исследованиям по данной проблеме.

Итак, полученные данные могут найти применение:

- в системе профотбора для военнослужащих, претендующих как на исполнительские, так и на управленческие должности;
- при выстраивании служебных взаимоотношений в личном составе начальниками в/ч и подразделений;
- в планировании и реализации системы управленческих воздействий на личность и коллективы военнослужащих.

Библиографический список

1. Азимов, Т. А., Безнощук, Л. Ю. (2016). Сравнение стилей руководства. *Молодой ученый*, 11, 590–593.

2. Батаршев, А. В. (2004). *Диагностика пограничных психических расстройств личности и поведения*. Москва.
3. Беляев, М. К., Максимчук, О. В., Навроцкий, Б. А., Ильина, Г. Н., Безнебеева, А. М., Некрасова, О. О. (2014). *Управление персоналом на предприятии: социально-психологические проблемы. Тренинг персонала* (Учебное пособие). Волгоград.
4. Богатырева, О. О. (2008). Взаимосвязь карьерных ориентаций и карьерного роста, как результативного показателя организационной социализации. *Вопросы психологии*, (3), 67.
5. Долинин, А. Ю. (2017). *Кадровый потенциал уголовно-исполнительной системы: оценка и развитие*. Москва.
6. Евтихов, О. В. (2010). *Психология управления персоналом: теория и практика*. Санкт-Петербург.
7. Журавлев, А. Л., Нестик Т. А. (2009). Управление совместной деятельностью в зарубежной психологии: тенденции и перспективы исследований. *Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики*, (1), 3–30.
8. Иванова, С. В. (2012). О влиянии внешних условий и специфике принятия решений в отечественной системе образования. *Ценности и смыслы*, (2), 4–17.
9. Капустина, А. Н. (2001). *Многофакторная личностная методика Р. Кэттелла*. Санкт-Петербург.
10. Коровкина, О. В. (2011). Стили руководства и их влияние на формирование морально-психологического климата в коллективе. *Экономика и социум: современные модели развития*, (1), 108–111.
11. Королев, А. М. (2016). *Психология управления* (Учебное пособие, 5-е издание). Москва.
12. Королев, А. М. (2017). *Психология управления* (Учебное пособие, 6-е издание). Москва.
13. Ксенофонтова, Е. Г. (2006). Исследование локализации контроля личности — новая версия методики «Уровень субъективного контроля». *Психологический журнал*, (2), 6.
14. Миллер, А. Е., Леонов, В. С. (2012). Особенности предпринимательского стиля управления. *Вопросы инновационной экономики*, 4 (14), 51–59.
15. Моргунов, Е. Б. (ред.). (2001). *Модели и методы управления персоналом: Российско-британское учебное пособие* (Серия «Библиотека журнала «Управление персоналом»). Москва.
16. Мухамедов, Т. Н. (2012). Индивидуальные стили управления и руководства. *Акмеология*, 2 (42), 130–132.
17. Петров, В. Е., Ходнаева, А. В. (2012). Исполнительская деятельность сотрудников органов внутренних дел как психологический феномен. *Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников министерства внутренних дел РФ*, (1), 60–63.
18. Ракович, Н. К. (2002). *Практикум по психодиагностике личности*. Минск.
19. Родыгина, Ю. К. (2013). *Психология управленческой деятельности* (Учебное пособие). Санкт-Петербург.

20. Романов, А. А., Ходырев, А. А. (2000). *Управление персоналом: психология влияния*. Тверь.
21. Соломатин, Е. В., Зотов, А. А., Утюганов, А. А. (2015). *Психология управления подчинёнными во внутренних войсках МВД России* (Учебное пособие). Новосибирск.
22. Федорова, В. Р. (2001). Психология поощрения в российском управлении. В *DIXI — 2011: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях* (Сборник научных трудов) (с. 206–214). Хабаровск.
23. Хасанова, Д. Н., Галяуова, Г. С. (2014). Психология личности в управлении. В *Инновации в современном мире: цели, приоритеты, решения* (Материалы Международного научно-практического форума) (с. 27–31). Екатеринбург.
24. Шелудченко, А. Ю. (2017). Основы психологии управления трудовым коллективом. *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*, 8–3 (55), 116–118.
25. Щербачков, Г. В., Долинин, А. Ю. (2016). Кадровая политика и эффективное управление персоналом кафедры образовательной организации ФСИН России. *Человек: преступление и наказание*, 2 (93), 53–58.
26. Armstrong, M. (2011). *Handbook of Human Resource Management Practice*. 12-th Edition. London.
27. Rotter, J. B. (1955). Generalized Expectancies for Internals Versus External Control of Reinforcement. *Psychology Monographs*, 80, 325–379.
28. Stern, G. S. (1977). Internal locus of control as a value. *J. of Research in Personality*, 2, 237–242.
29. Wulry, R., J. Rotter, J. (1965). Internal versus external control of reinforcement and design time. *J. of Personality*, 2, 598–604.
30. Torrington, D., Hell, L. (1991). *Personnel Management. A New Approach*. New York, London.

Статья поступила в редакцию 06.09.2017.

.....

PERSONAL CHARACTERISTICS OF SUBORDINATES AND THEIR PREFERRED MANAGEMENT STYLE (ON THE EXAMPLE OF THE MILITARY PERSONNEL)

Grigoriev M. V., Makarevskaya Y. E.

Grigoriev Mikhail Viktorovich, Sochi State University,
350000, Russia, Sochi, Sovetskaya Str., 26-a
E-mail: info_grigoriev@mail.ru

Makarevskaya Yuliya Eduardovna,
Sochi State University, 350000, Russia, Sochi, Sovetskaya Str., 26-a
E-mail: yuliya-sochi@mail.ru

The article reveals the problem of personal characteristics of subordinates and the management style they prefer. The theoretical aspects of the question are given in the text, as well as the practical study results in which the servicemen who apply for managerial or executive positions participated.

The style of management is considered in a new perspective: from the position of subordinates, which is relevant for management psychology, where mainly psychological aspects of managerial activity have been studied.

The previous studies of subordinates mostly were done on a sample of security and military structures representatives, since this sphere has a linear management structure and clearly defined vertical submission. However, in those studies, the identity of subordinates was not sufficiently disclosed. It will probably take more than one study to solve this problem in management psychology. The essence of the problem we see is that management activity by definition assumes the influence of the manager on the object of administrative influence, and such an object is the subordinate. Therefore, to develop any psychological recommendations for effective management, it is necessary to investigate not only the manager's personality, but also the subordinate's personality as the object of managerial influence.

In the paper it is shown that the leadership style preferred by military subordinates doesn't depend on their personal characteristics (according to the 18-factor questionnaire of Cattell) and characterological properties (accentuations of character). The servicemen applying for executive positions have a much more manifested common external control locus in comparison with the military servicemen who are apprenticed to managerial positions.

The results are reliable in terms of statistical criteria indicators, but they don't provide an overall solution to the problem the subordinate personality in the psychology of management.

Key words: management, management style, personal characteristics, psychology of subordinated.

References

1. Armstrong, M. (2011). *Handbook of Human Resource Management Practice*. 12-th Edition. London.
2. Azimov, T. A. & Beznoshchuk, L. Yu. (2016). Svravnenie stilej rukovodstva [Comparison of Styles of the Management]. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], 11, 590–593.
3. Batarshhev, A. V. (2004). *Diagnostika pogranych psihicheskikh rasstrojstv lichnosti i povedeniya* [Diagnosis of Boundary Mental Disorders of the Personality and Behavior]. Moscow.
4. Belyaev, M. K., Maksimchuk, O. V., Navrotsky, B. A., Ilyina, G. N., Beznebeeva, A. M. & Nekrasova, O. O. (2014). *Upravlenie personalom na predpriyatii: social'no-psihologicheskie problemy. Trening personala* [Human Resource Management at the Enterprise: Social and Psychological Problems. Personnel Training] (Manual). Volgograd.
5. Bogatyreva, O. O. (2008). Vzaimosvyaz' kar'ernyh orientacij i kar'ernogo rosta, kak rezul'tativnogo pokazatelya organizacionnoj socializacii [Interrelation of Career Orientations and Career Development, As Productive Indicator of Organizational Socialization]. *Voprosy psihologii* [Psychology Questions], (3), 67.
6. Chasanoff, D. N. & Galyaouov, G. S. (2014). Psihologiya lichnosti v upravlenii [Psychology of the Personality in Management]. In *Innovacii v sovremennom mire: celi, priority, resheniya* [Innovations in the Modern World: Purposes, Priorities, Decisions] (Materials of the International Scientific and Practical Forum) (pp. 27–31). Yekaterinburg.
7. Dolinin, A. Yu. (2017). *Kadrovyy potencial ugovolno-ispolnitel'noj sistemy: ocenka i razvitie* [Personnel Potential of a Penal Correction System: Assessment and Development]. Moscow.
8. Evtikhov, O. V. (2010). *Psihologiya upravleniya personalom: teoriya i praktika* [Human Resource Management Psychology: Theory and Practice]. St. Petersburg.

9. Fedorova, V. R. (2001). *Psikhologiya pooshchreniya v rossiyskom upravlenii* [Encouragement Psychology in the Russian Management. In *DIXI-2011: idei, gipotezy, otkrytiya v sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniyakh* [DIXI-2011: The Ideas, Hypotheses, Opening in Social and Humanitarian Researches] (Collection of scientific works) (pp. 206–214). Khabarovsk.
10. Ivanova, S. V. (2012). O vliyaniy vneshnih uslovij i specifike prinyatiya reshenij v otechestvennoj sisteme obrazovaniya [O Influence of External Conditions and Specifics of Decision-Making in a Domestic Education System]. *Cennosti i smysly* [Values and Meanings], (2), 4–17.
11. Kapustina, A. N. (2001). *Mnogofaktornaya lichnostnaya metodika R. Kehttella* [Multiple-Factor Personal Technique of R. Kettell]. St. Petersburg.
12. Korolev, L. M. (2016). *Psihologiya upravleniya* [Psychology of Management] (Manual, 5th edition). Moscow.
13. Korolev, L. M. (2017). *Psihologiya upravleniya* [Psychology of Management] (Manual, 6th edition). Moscow.
14. Korovkina, O. V. (2011). Stili rukovodstva i ih vliyanie na formirovanie moral'no-psihologicheskogo klimata v kollektive [Styles of the Management and Their Influence On Formation of Moral and Psychological Climate in Collective]. *Ehkonomika i socium: sovremennye modeli razvitiya* [Economy and Society: Modern Models of Development], (1), 108–111.
15. Ksenofontova, E. G. (2006). Issledovanie lokalizatsii kontrolya lichnosti — novaya versiya metodiki «Uroven' sub"ektivnogo kontrolya» [The Research of Localization of Control of the Personality — The New Version of a Technique "The Level of Subjective Control"]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], (2), 6.
16. Miller, A. E. & Leonov, V. S. (2012). Osobennosti predprinimatel'skogo stilya upravleniya [Of Feature of Enterprise Management Style]. *Voprosy innovacionnoj ehkonomiki* [Questions of Innovative Economy], 4 (14), 51–59.
17. Morgunov, E. B. (Ed.). (2001). *Modeli i metody upravleniya personalom: Rossijsko-britanskoe uchebnoe posobie* (Seriya "Biblioteka zhurnala 'Upravlenie personalom'") [Of Model and Methods of Management of Personnel: Russian-British Manual (Series "Library of the Upravleniye Personalom Magazine")]. Moscow.
18. Mukhamedov, T. N. (2012). Individual'nye stili upravleniya i rukovodstva [Individual management style and control style]. *Akmeologiya* [Akmeology], 2 (42), 130–132.
19. Petrov, V. E. & Hodnayeveva, A. V. (2012). Iсполнител'skaya deyatelnost' sotrudnikov organov vnutrennih del kak psihologicheskij fenomen [Performing Activity of Staff of Bodies of Internal Affairs as Psychological Phenomenon]. *Vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov ministerstva vnutrennih del RF* [Bulletin of the All-Russian Institute of Professional Development of Staff of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], (1), 60–63.
20. Rakovich, N. K. (2002). *Praktikum po psihodiagnostike lichnosti* [Workshop on Psychodiagnostics of the Personality]. Minsk.
21. Rodygina, Yu. K. (2013). *Psikhologiya upravlencheskoy deyatelnosti* [Psychology of Administrative Activity] (Manual). St. Petersburg.

22. Romanov, A. A. & Khodyrev, A. A. (2000). *Upravlenie personalom: psihologiya vliyaniya* [Human Resource Management: Influence Psychology]. Tver.
23. Rotter, J. B. (1955). Generalized Expectancies for Internals Versus External Control of Reinforcement. *Psychology Monographs*, 80, 325–379.
24. Scherbakov, G. V. & Dolinin, A. Yu. (2016). Kadrovaya politika i ehffektivnoe upravlenie personalom kafedry obrazovatel'noj organizacii FSIN Rossii [Personnel Policy and Effective Management of Personnel of Department of the Educational Organization FSIN of Russia]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Person: Crime and Punishment], 2 (93), 53–58.
25. Sheludchenko, A. Yu. (2017). Osnovy psihologii upravleniya trudovym kollektivom [Fundamentals of Psychology of Management of Labor Collective]. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ehkonomika, nauka, tekhnologii* [Competitiveness in the Global World: Economy, Science, Technologies], 8–3 (55), 116–118.
26. Solomatin, E. V., Zotov, A. A. & Utyuganov, A. A. (2015). *Psihologiya upravleniya podchinyonnyimi vo vnutrennih vojskakh MVD Rossii*. [Psychology of Management of Subordinates in Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation] (Manual). Novosibirsk.
27. Stern, G. S. (1977). Internal locus of Control as A Value. *J. of Research in Personality*, 2, 237–242.
28. Torrington, D. & Hell, L. (1991). *Personnel Management. A New Approach*. New York, London.
29. Wulry, R. & J. Rotter, J. (1965). Internal Versus External Control of Reinforcement and Design Time. *J. of Personality*, 2, 598–604.
30. Zhuravlev, A. L. & Nestik T. A. (2009). Upravlenie sovmestnoj deyatelnost'yu v zaru-bezhnoj psihologii: tendencii i perspektivy issledovanij [Management of Joint Activity in Foreign Psychology: Tendencies and Prospects of Researches]. *Chelovecheskij faktor: problemy psihologii i ehrgonomiki* [Human Factor: Problems of Psychology and Ergonomics], (1), 3–30.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ РЕГУЛЯЦИИ СТРЕСС-ПРЕОДОЛЕВАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ КАК СУБЪЕКТА ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

.....

Вольвич Ю. К.

Вольвич Юлия Константиновна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Эл. почта: Ulyasha_180286@mail.ru

В статье проведено обобщение данных эмпирического исследования, направленного на выявление психологических ресурсов регуляции стресс-преодолевающего поведения личности, включенной в организационные процессы разных сфер и видов деятельности. Установлено, что сочетание ресурсов может быть представлено в виде двух базовых моделей — малопродуктивной (Модель I) и конструктивной (Модель II), верифицирующихся в шести подтипах, фокусирующих специфику регуляции стресс-преодолевающего поведения у субъектов разных сфер деятельности.

Три подтипа, верифицирующие Модель I, имеют наибольшую выраженность в среде торговых работников мужского пола (подтип 1), а также представляют женский тип преодолевающего поведения работников банка (подтип 2) и вуза (подтип 3). Ресурсную роль в подтипах Модели I имеют:

- мотивация избегания, направленность на себя, стремление брать на себя сверхнагрузки в работе, копинг «бегство/избегание», высокая требовательность по отношению к другим, стремление к постоянному росту, совершенствованию, ценность высокого уровня межличностного доверия, компонентов клановой ОК (подтип 1);

- стремление к высоким показателям в деятельности, мотивация успеха, направленность на дело, ценность собственных принципов в совместной деятельности, сочетание стратегий избегания и принятия ответственности в копинг-ресурсах, высокая значимость межличностного доверия, ценности клановой модели организационной культуры (подтип 2);

- высокий уровень нервно-психического напряжения, мотивации успеха в сочетании с ценностью потенциальных достижений; направленность на задачу, копинги «бегство», «принятие ответственности»; малая значимость традиций организации, высокий уровень доверия другим, ценность принципов и норм клановой организационной культуры (подтип 3).

Подтипы, верифицирующие Модель II, характерны преимущественно для мужчин, занятых в банковской сфере (подтипы 4 и 5) и научно-педагогических работников вуза (подтипы 5 и 6). Для подтипов Модели II характерны:

- принятие ценностей других, гибкость поведения, направленность на себя и на избегание неудач, стремление быть причастным к ближнему кругу власти в организации, реализация потенциальных достижений; сочетание гиперактивности копинга «дистанцирование» с инвариантной для данной модели копинг-стратегии «поиск социальной поддержки»; малая значимость неформальных отношений в коллективе, оценка суще-

ствующей организационной культуры как бюрократической при желании видеть в ней более выраженные элементы рыночных отношений (подтип 4);

– умение принимать ценности других, гибкость поведения, мотивация успеха, направленность на дело; стремление использовать возможности влиять на других и иметь перспективы реализации потенциальных достижений; малая ценность стабильности неформальных групп, организационного доверия, карьерного продвижения; максимальная активность копинг-стратегии «поиск социальной поддержки» при оптимальной выраженности копингов «дистанцирование» и «планирование решения проблемы»; предпочтение трансформации существующей «бюрократической» организационной культуры в культуру кланового типа (подтип 5);

– устойчивое преобладание мотивации успеха, направленности на дело; ресурсная роль копинг-стратегий «поиск социальной поддержки» (инвариантная) и специфической для данного подтипа высоко активной стратегии «планирование решения проблемы»; развитые гибкость поведения и широта интересов; высоко выраженные ценности потенциальных достижений, материального интереса, стабильности в организации, организационного доверия; низкая значимость нормативности деятельности, традиций организации, стабильности неформальных групп; предпочтение в перспективе организационной культуры кланового типа (подтип 6).

Полученные данные позволяют выделить мишени психологического воздействия при оказании поддержки личности, обладающей качествами, моделирующими первые подтипы ресурсов регуляции стресс-преодолевающего поведения.

Ключевые слова: стресс; психическое напряжение; организационный стресс; стресс-преодолевающее поведение; ресурсы регуляции; личность как субъект организационных процессов; модель психологических ресурсов регуляции поведения.

Постановка проблемы

Существенное значение для изучения природы стресса, механизмов его регуляции и преодоления имеют положения ряда психологических теорий и концепций, которые являются методологической основой для понимания сущности развития этого состояния у человека и особенностей его поведения в стрессогенных ситуациях. Поскольку организационные процессы относятся преимущественно к трудовой деятельности человека, имеет смысл рассматривать состояния психического напряжения, которыми маркируется переживание стресса субъектом этих процессов, как следствие интенсивного влияния технологических, организационных, социальных, экологических факторов организационной среды, т.е. как профессиональный стресс (Леонова, 2004; Барабанщикова, 2017). Однако многие авторы отмечают, что в сфере исследований стресса, связанного с процессами труда, не сложилось еще достаточной систематизации ни на концептуальном уровне, ни в обозначении границ предметной области (Купер, Маршалл, 1995; Леонова, 2004; Барабанщикова, 2017 и др.), что затрудняет возможность дифференцировать профессиональный стресс и другие типы стресса. Именно это обстоятельство обусловило выделение нескольких видов стресса, в разной мере связанных с профессиональной, трудовой деятельностью человека. В литературе (Леонова, 2013) приведены пять видов таких стрессов, содержащих в себе, с одной стороны, механизмы возникновения и динамики, типичные для стресса как психофизиологического явления, но с другой — так или иначе связанных с трудовой (профессиональной) деятельностью субъекта.

Это: «рабочий стресс» (job stress); «профессиональный стресс» (occupational stress); «организационный стресс» (organizational stress); информационный стресс; стресс на рабочем месте.

Понятие «рабочий стресс» (job stress) используется для определения стресса, вызываемого условиями осуществления рабочей деятельности и спецификой конкретного вида труда (должности).

«Профессиональный стресс» — это вид стресса, обуславливающийся спецификой содержания труда и особенностей профессиональной среды (Бодров, 2000). В контексте психологии функциональных состояний профессиональный стресс рассматривается как *психическое состояние* субъекта труда, вызванное повышенными требованиями к адапционным ресурсам человека и их деструктивными последствиями под воздействием факторов, присущих как конкретной трудовой ситуации, так и профессиональной жизни человека в целом (Леонова, 2004).

Организационный стресс (organizational stress), по мнению К. Купера и соавторов (Купер, Дэйв, О'Драйсколл, 2007), отражает возможности адаптации персонала организации к напряженным условиям работы в группе, которые могут затруднять эффективное функционирование всей организации. Системный подход позволяет определять организационный стресс как нарушение адаптации коллективного субъекта (персонала организации) в связи с изменениями внешних и внутренних условий, повышающих напряженность совместной деятельности и затрудняющих эффективное функционирование организации в целом. Основываясь на иерархической модели анализа взаимодействий персонала, принятой в современной организационной психологии (переживания и поведение человека в пределах организации на микро-, мезо- и макроуровнях), исследователи предлагают трехуровневую модель организационного стресса (Багрий, Леонова, 2009). На индивидуальном (микро-) уровне он проявляется в общей стрессогенности ситуации и доминирующих стресс-факторов на рабочем месте. Микроуровневыми маркерами организационного стресса, в частности, являются превалирующий тип функциональных состояний, испытываемых работниками в процессе труда, комплексы эмоционально-аффективных переживаний, трудовая мотивация. На групповом (мезо-) уровне организационный стресс маркируется неблагоприятным социально-психологическим климатом, слабой групповой сплоченностью, неэффективным управленческим стилем. На организационном (макро-) уровне в диагностике организационного стресса важно выявить показатели эффективности деятельности всей организации, включая степень принятия коллективным субъектом организационных норм, организационной культуры, оценки взаимоотношений персонала и руководителей всех уровней, удовлетворенность трудом и т.д.

Информационный стресс В. А. Бодровым (Бодров, 2000) описывается как категория, характеризующая состояние человека-оператора, возникающее в экс-

тремальных условиях деятельности. В общем виде сегодня информационный стресс определяется как состояние напряжения, вызванное значительным превышением информационных нагрузок на человека его индивидуальным возможностям (Ясько, 2015).

С. Картрайт и К. А. Купер (2004) ввели понятие «стресс на рабочем месте». В их интерпретации рабочее место является комплексным источником стресса, а его основные причины – организационные изменения, дизайн работы, корпоративная культура, нагрузки на менеджеров.

В проводимом исследовании мы не обращаемся к какому-либо определенному виду стресса, а используем, опираясь на имеющийся научный опыт (Барабанщикова, 2017), некое собирательное понятие, обобщающее смысловые контексты различной терминологии, встречающейся в современной литературе при анализе явления стресса.

Проблема стресс-резистентности личности, стресс-преодолевающего поведения, психологических ресурсов, обуславливающих успешное противодействие стресс-факторам, является одним из ракурсов психологических исследований стресса.

Л. А. Китаев-Смык (Китаев-Смык, 1983) выделяет два вида эмоционально-поведенческого реагирования на стресс: активное и пассивное. При активном реагировании личность активизирует защитные действия и направляет их на противодействие стрессору или выход из стрессогенной ситуации. Переживание стресс-фактора, сопровождающееся астенизацией, снижением активности, имевшейся до начала действия стрессора, характеризует пассивный вид эмоционально-поведенческого реагирования.

Способность человека эффективно преодолевать затруднительные ситуации без негативных последствий для физического и психического здоровья рассматривается как стресс-резистентность (Величковский, 2005, 81). На основе когнитивной теории стресса Р. Лазаруса Б. Б. Величковский предлагает диспозиционную модель стресс-резистентности, в которой высокий уровень личностной тревожности и хронического утомления выделены как психодиагностические индикаторы сниженной стресс-резистентности. Показано, что ведущим механизмом слабой индивидуальной устойчивости к стрессу является трудновосполнимое истощение функциональных резервов организма. Естественным следствием предвосхищения субъектом дисбаланса между требованиями ситуации и индивидуальными возможностями организма становится рост тревожности, которая как следствие может послужить источником развития ряда других негативных стрессовых реакций, вплоть до личностных деформаций (Величковский, 2005, 82).

Как и в определении стресса, в понятии «стрессоустойчивость» единой точки зрения также не сложилось. В разных исследованиях этот феномен обозначается: как способность человека активно противостоять невротизирующим

факторам (Гримак, 1989); как толерантность к стрессу (stress tolerance) или нейропсихологическая резистентность (Lub-Moss, 1997); как интегративное свойство человека, характеризующее степень его адаптации к воздействию экстремальных факторов (Бодров, 1995).

Особое место в поиске ресурсов, обуславливающих успешное противодействие стресс-факторам, сегодня занимают исследования в области совладающего поведения (поведения преодоления; «Coping behavior»). Л. И. Анцыферова выделила три класса стратегий преодоления, при этом каждый из классов включает в себя несколько специфических стратегий (Анцыферова, 1994). К первому классу отнесены конструктивные или активные стратегии, когда человек считает ситуацию подконтрольной себе. Ко второму — неконструктивные или пассивные стратегии, актуализируемые, когда человек рассматривает ситуацию как неустраимую. Деструктивными являются стратегии преодоления, отнесенные к третьему классу. Это самопоражающие стратегии, актуализируемые, когда в трудной жизненной ситуации человек не может или не хочет воспользоваться психологическими приемами самосохранения.

Имеются исследования, раскрывающие взаимосвязи между развитием синдрома профессионального выгорания в отдельных видах деятельности и системой копинг-ресурсов личности (Водопьянова, 2011; Deklava, Circenis, Millere, 2014 и др.).

Однако, отмечая прикладную полезность и продуктивность понятия совладания, А. Н. Демин делает акцент на том, что копинг-поведение, как правило, ситуативно, радиус его действия уже, чем жизненный путь. Именно поэтому в трудные периоды жизни особо значима для преодоления кризиса субъектная зрелость личности, в частности, сформированность таких субъектных характеристик, как активность, самоорганизация (Демин, 2004).

В. А. Бодров (Бодров, 2006б) предложил шесть крупных типов стратегий по преодолению стресса: преобразования ситуации; приспособления к трудным ситуациям; контроля за стрессом; самораскрытия и катарсиса; избегания трудных ситуаций; самопоражающие стратегии. При этом, определяя сущность ресурсов в психологии преодолевающего поведения, В. А. Бодров отмечал, что они являются физическими и духовными возможностями человека, мобилизация которых обеспечивает выполнение его программы и стратегий поведения для предотвращения или купирования стресса (Бодров, 2006а).

При значительно выраженном внимании исследователей к проблеме стресса и стресс-преодолевающего поведения отмечается, что основным объектом анализа является личность и ее субъектная репрезентация (личность как субъект бытия и со-бытия, как субъект деятельности и др.). Психология стресс-преодолевающего поведения личности, включенной в организационные процессы разных сфер и видов деятельности, исследована эпизодически, несмотря на высокую практическую востребованность научно обоснованных данных об

условиях и факторах обеспечения устойчивости, жизнеспособности (resilience) личности в организации.

Цель проведенного нами исследования состояла в определении психологических ресурсов регуляции стресс-преодолевающего поведения личности, включенной в организационные процессы разных сфер и видов деятельности.

Проверялась гипотеза: сочетание личностных и организационно-психологических ресурсов регуляции стресс-преодолевающего поведения может быть представлено в виде двух базовых моделей — конструктивной и малоконструктивной, верифицирующихся в подтипах, фокусирующих специфику регуляции стресс-преодолевающего поведения у субъектов разных сфер деятельности.

Организация исследования

Для проверки гипотезы была сформирована эмпирическая выборка, в которую вошли сотрудники и руководители организаций различных сфер профессиональной деятельности: работники банка, образовательного учреждения высшего образования, предприятия торговой сферы. В выборке участвовали 186 респондентов.

Применен пакет психодиагностических методик: опросники («Нервно-психическое напряжение»; «Направленность личности»; «Мотивация успеха и избегания неудач»; «Ценностные регуляторы организационного поведения»; «Организационное доверие»); Шкала организационного стресса Маклина; Копинг-тест Лазаруса; анкета «Пространство организационных проблем» В. Снеткова; «Управленческая решетка» Р. Блейка и Д. Мутон; тест на измерение организационной культуры (тест OCAI) К. Камерона и Р. Куинна. Математико-статистический анализ эмпирических данных включал методы параметрической и непараметрической статистики (t-критерий Стьюдента, корреляционный анализ по Пирсону, критерий углового преобразования Фишера, факторный, дисперсионный, кластерный анализ).

Результаты и их обсуждение

Применение Шкалы Маклина, позволяющей определить уровень эмоционального напряжения личности, включенной в организационные процессы, позволило установить, что в целом по выборке средний показатель находится в диапазоне высоких значений ($M=51,8\pm 6,04$), т.е. в организациях имеются системные стресс-факторы дезадаптирующего влияния. Анализ, дифференцированный по уровням выраженности стресса, показал, что 123 обследованных (66,1%) демонстрируют поведение типа «А», т.е. высокий уровень стресса. Устойчивость к стрессу (поведение типа «В») не выявлена. У 63 обследованных (33,9%) обнаружено поведение типа «АВ», которое характеризуется средним уровнем предрасположенности к различным стресс-синдромам.

Нервно-психической напряжением (НПН) в целом по совокупной выборке находится в диапазоне показателей умеренного уровня ($M=58,4\pm 7,52$). Сравнение данных в группах респондентов, дифференцированных по служебным должностям и полу, показывает, что более всех чрезмерное напряжение испытывают руководители (45,2%) и мужчины (34,0%). Незначительное, слабое напряжение обнаружила лишь пятая часть опрошенных (39 чел.; 21,0%).

Корреляционный анализ выявил, что имеется непосредственная связь между переживаемым нервнопсихическим напряжением и организационным стрессом. Наиболее высокие показатели корреляционной связи имеются в группах респондентов, испытывающих чрезмерное НПН ($r=0,438$). Это наблюдение свидетельствует о том, что стресс, переживаемый личностью под влиянием организационных стресс-факторов, носит системный характер, влияя на нейрорпсихические регуляторы поведения человека в целом.

Дальнейший анализ был направлен на поиск дифференцирующих признаков ресурсов регуляции стресс-преодолевающего поведения у субъектов, обнаруживших сниженные стресс-реакции («стресс-толерантные»; 63 чел.) и подверженных высокому уровню переживания организационного стресса («стресс-напряженные»; 123 чел.).

Дисперсионному анализу по каждой обозначенной группе был подвергнут массив из 42 переменных, в котором зависимой переменной рассматривались показатели по шкале организационного стресса. В результате выделены две модели, раскрывающие психологические качества, обуславливающие два типа ресурсов — конструктивные и малоконструктивные.

Первая модель (*Модель I*) выделяет комплекс личностных и организационно-психологических переменных, оказывающих регулирующее влияние на стресс-преодолевающее поведение личности с высоким уровнем переживания стресса («стресс-напряженная» личность). Исходя из того, что все респонденты, опирающиеся на такую модель поведения, обнаружили высокие показатели переживания стресса и нервно-психической напряженности, мы определяем результативность такого сочетания предикторов как *малопродуктивную*, отражающую слабо сформированную способность личности к самодетерминации в преодолении стресса.

В системе личностно-психологических регуляторов, определяющих малопродуктивный тип стресс-преодолевающего поведения, на высоком и среднем уровнях активности находятся: требовательность к другим в части выполнения ими обязательств (перфекционизм по отношению к другим участникам совместной деятельности); субъектная значимость стабильности объема и содержания деятельности; возможность оказывать влияние на других людей или ход событий в организации; комфортные условия труда; «социальное лицо» личности и его сохранение. Слабо выражена личностная значимость ценностей стабильности положения (в широком смысле); поддержки и стабильности не-

формальной группы; сроков исполнения обязательств; нормативности деятельности и оценки результатов труда руководством; профессиональной карьеры; поиска возможности получения более высоких заработков. Названные ценности дополняются гиперактивностью малопродуктивных копинг-стратегий «конфронтация» и «принятие ответственности», а также слабо развитой гибкостью поведения и узостью жизненных интересов. Организационно-психологические регуляторы поведения представлены высокой сосредоточенностью личности на состоянии кадрового, материально-технического и социально-психологического модулей в пространстве организационных проблем. Внешним условием реализации личностью малопродуктивной модели преодоления стресса является преобладание управленческого стиля «Авторитет — подчинение» в системе менеджмента организации.

Вторая модель (*Модель II*) выделяет комплекс ресурсов *конструктивной* регуляции стресс-преодолевающего поведения личности. Инвариантными компонентами, определяющими сниженные показатели переживания стресса в организации, выступают средне-слабая нервно-психическая напряженность, достаточная выраженность способности самопознания, регулирующая индивидуальную реакцию ответа на организационные стресс-факторы, а также оптимально выраженные трудовая активность и стремление к продуктивности в деятельности. Ценностно-смысловой комплекс стресс-толерантной личности образован приоритетом у большинства респондентов мотивации успеха, а также высокой значимостью перспективы потенциальных достижений, стабильности объема деятельности при невысокой значимости ее содержания. На среднем уровне выражены ценности исполнения другими своих обязательств, оценки работника руководством. Обеспокоенность сохранением «социального лица», как и стабильностью положения неформальной группы, не имеет выраженности у субъекта, обладающего конструктивной моделью преодоления стресса в организации. На личностно-психологическом уровне, помимо названных выше маркеров, регулирующих ответную реакцию на стресс-факторы, следует отнести преобладание конструктивных стратегий в копинг-ресурсах («дистанцирование»; «поиск социальной поддержки»; «планирование решения проблемы»), при этом наиболее высокую активность имеет стратегия поиска социальной поддержки. Организационно-психологическими регуляторами поведения в преодолении стресса выступают значительно более высокая, чем для представителей первой модели, субъектная значимость проблем кадрового, материально-технического и социально-психологического модулей в пространстве организационных проблем. Это свидетельствует о том, что личностная вовлеченность в реализацию задач, стоящих перед организацией, является значимым ресурсом устойчивости к стресс-факторам организационной среды.

Личностно-психологические ресурсы регуляции стресс-преодолевающего поведения субъектов различных сфер деятельности.

Для выявления специфики психологических ресурсов регуляции стресс-преодолевающего поведения субъектов, включенных в разные виды деятельности, был проведен иерархический кластерный анализ по массивам данных, образовавшим первую и вторую модели.

Модель I верифицируется в шести кластерах, маркирующих специфические для отдельных подгрупп респондентов психологические предикторы. Наиболее выражены их конфигурации в трех кластерах (3, 4 и 5-й), объединяющих в целом 66,0% стресс-напряженных респондентов. Остальные три кластера (1, 2 и 3-й) малочисленны и по сути не различаются по уровню переживания стресса. По этим основаниям мы полагаем, что для субъектов, включенного в каждый из трех первых кластеров, ресурсом развития эффективных психологических механизмов преодоления стресса является фокус на выделенных в основной модели инвариантных образованиях.

Остановимся на характеристике трех подтипов специфических психологических качеств субъектов, включенных в кластеры 3–5.

Подтип 1. В этом кластере объединены психодиагностические данные по 25 испытуемым (20,3% от выборки). В сравнении с другими кластерами здесь значительно представлена мужская часть выборки: если в совокупной выборке доля мужчин составила 26,9%, то в кластере, образовавшем Подтип 1, доля мужчин представлена 60,0% респондентов. Почти все представители этого типа поведения (24 чел., т.е. 96,0%) являются работниками торговых предприятий. Все это дает основание рассматривать данный тип ресурсов как *предпочитаемый мужчинами, занятыми в сфере коммерции и торговли.*

Специфика поведения этих работников обуславливается наиболее выраженными высокими показателями восприимчивости к стрессу ($M=56,8$). Катализатором переживания этого уровня стресса выступают: слабо развитая когнитивность (способность самопознания); недостаточно сформированные умения регулировать собственную активность и продуктивность в организации, следствием чего служит стремление брать на себя рабочие нагрузки, выходящие за пределы реальных возможностей их выполнения.

В системе организационных ценностей для субъекта ведущими являются стабильность в организации и достижение намеченного результата. При этом материальные интересы занимают среднее положение в совокупности лично значимых организационных ценностей, что отличает данную группу от субъектов, включенных в 4 и 5-й кластеры (подтипы 2 и 3). Сложившуюся организационную культуру представители этой группы склонны оценивать как преимущественно рыночную, но выражают надежду на ее динамику в перспективе к ценностям клановой ОК — культуре взаимопомощи и авторитетного единоначалия.

В личных стремлениях им свойственна преимущественная ориентация на избегание (боязнь неудачи), направленность на себя. Регулирующую роль в пре-

одолении стресса в группе, образующей данный подтип, выполняет неконструктивный копинг «бегство/избегание», имеющий в среднем по группе выраженность 75,3% от максимального значения. Организационно-психологическими факторами, влияющими на специфику стресс-преодолевающего поведения в подтипе 1, являются выраженное стремление иметь доверительные отношения с сослуживцами, их последовательность в выполнении взаимных обязательств. При этом ценность проявления заботы о людях не столь высоко значима для субъекта совместной деятельности.

Подтип 2. Эта модель объединяет показатели по 28 респондентам, что составляет 22,8% от совокупной выборки, включенной в группу стресс-напряженных испытуемых. Большую часть ее определили данные по работникам банка (75,0% от общего состава данной подгруппы). В отличие от предыдущего этот подтип представлен преимущественно лицами женского пола. Эти обстоятельства дают основание рассматривать данный тип поведения как женский и наиболее характерный для банковских служащих.

Личностно-психологическими регуляторами поведения выступают: высоко выраженная мотивация успеха, тесно связанная с направленностью на дело, стремление брать на себя рабочие нагрузки, выходящие за пределы реальных возможностей их выполнения, коррелирующее с тревогой по поводу сохранения места работы, получения максимально возможного заработка. Для субъекта высокой ценностью являются традиции организации, их поддержание и сохранение. Организационно-психологическим регулятором поведения служит ценность результативности других в совместной деятельности как основы межличностного доверия. Оценивая сложившуюся организационную культуру учреждений как преимущественно бюрократическую, работники не видят ее перспективной и надеются, что в будущем произойдет смена ценностей в сторону активизации корпоративных норм ОК рыночного типа. Можно из этого заключить, что управление организацией на основах бюрократических принципов выступает одним из фрустрирующих внешних факторов и в определенной мере генерирует стресс для сотрудников.

Подтип 3. Данный подтип представлен группой из 28 респондентов. Основную часть из них (20 чел.; 71,4%) составили представители образовательной сферы. По полу эта модель образована, как и предыдущая, преимущественно представителями женской части выборки (75,0%). По этим основаниям мы определяем *подтип 3* как модель поведения *женщин*, преимущественно *представителей сферы высшего образования*.

Повышенной стресс-реакции этой части респондентов сопутствует умеренно выраженное нервно-психическое напряжение. Внутренними регуляторами поведения выступают недостаточная рефлексия собственной профессиональной активности, отражающая слабо сформированные способности когнитивного оценивания профессиональных возможностей и ресурсов; преобладание мо-

тивации успеха над мотивами избегания, сочетающаяся с преимущественной направленностью на задачу. В организационных ценностях приоритеты отдаются потенциальным достижениям, при этом ценности достижения намеченного результата, собственных принципов в деятельности, причастности к ближнему кругу топ-менеджмента, как и традиции организации, не имеют выраженной значимости. Характерная особенность данного подтипа — равно умеренная активность неконструктивных копингов «бегство» и «принятие ответственности».

Повышенное переживание стресса обуславливается также определенными организационно-психологическими факторами. К ним относятся: стремление видеть в поведении сотрудников и руководства последовательность и проявление заботы о людях. Можно предположить, что в этом находит отражение психологическая специфика педагога как субъекта образовательной деятельности. В этой группе респондентов констатируется в позиции «теперь» доминирование ценностей и норм рыночной организационной культуры, при этом выражается предпочтение ее трансформации в клановый тип. Поскольку данный тип ОК характеризуется преобладанием ценностей коллективизма, взаимной поддержки и стабильности, можно объяснить его взаимосвязь с высоким уровнем демонстрируемого межличностного доверия.

Верификация конструктивной модели (*Модель II*) сосредоточена в пяти кластерах, позволяющих маркировать специфические для отдельных подгрупп респондентов психологические предикторы регуляции стресс-преодолевающего поведения. Наиболее многочисленные три кластера (1, 2 и 3-й), объединяющие в целом данные по 53-м респондентам, что составляет 84,1% от общей численности данной группы (63 чел.). Далее обозначим их как подтипы 4, 5 и 6.

Подтип 4 образован показателями по 10 респондентам (15,9% от выборки). Все они — работники банковской сферы, что позволяет верифицировать данный подтип как модель поведения стрессоустойчивой личности организаций *банковско-финансовой сферы*. Для них характерны минимальные, в сравнении с остальными участниками обследований, показатели уровня нервно-психического напряжения и организационного стресса, который имеет сниженный уровень за счет умения принимать ценности других и проявлять навыки гибкости поведения. Мотивационно-ценностным ядром регулирующего влияния являются преимущественная направленность на себя и на избегание неудач, стремление быть причастным к ближнему кругу власти в организации и иметь возможность реализации потенциальных достижений. Снижению стрессовых реакций способствует также невысокая ценность собственных принципов, поддержания неформальных групп и неформальных отношений в коллективе, традиций организации. В совокупности личностно-психологических факторов наиболее выраженным регулирующим влиянием в этой группе обладает сочетание гиперактивности копинга «дистанцирование» с аналогичной активностью инвариантной для данной модели копинг-стратегии «поиск социальной поддержки». Низкая

ценность неформальных отношений в коллективе позволяет предположить, что источник социальной поддержки для данной личности находится вне организации: возможно, это семья, круг друзей. Организационно-психологическими регуляторами преодолевающего поведения являются: нейтральное отношение к организационному доверию, а также оценка существующей организационной культуры как бюрократической при желании видеть в ней более выраженные элементы рыночных отношений.

Подтип 5 включил данные 33,3% «стресс-толерантных» респондентов. В этой группе в равной мере представлены работники образовательной и финансовой сфер деятельности, что дает основание интерпретировать данное сочетание ресурсов как модель поведения стресс-устойчивой личности организаций *банковско-финансовой и вузовской сфер*. Особенность данного подтипа — выраженность показателей организационного стресса в диапазоне, близком к границе со средним уровнем. Личностно-психологические регуляторы образованы сочетанием инвариантных компонентов с несколькими специфическими в виде: умения принимать ценности других; гибкости поведения; преобладания направленности на дело в сочетании с выраженностью мотивации успеха. В ценностях организации для личности высоко значимы возможность влиять на других (ценность «власть») и перспектива реализации потенциальных достижений. При этом не имеют выраженной личностной ценности стремление к собственной безопасности в организации, стабильность неформальных групп и карьерные продвижения. В преодолении стресса личность преимущественно опирается на поиск социальной поддержки — стратегию, имеющую инвариантную выраженность в Модели II, но в данной подгруппе отмечается ее максимальная активность при оптимальной выраженности опоры на копинги «дистанцирование» и «планирование решения проблемы».

Организационно-психологические регуляторы фокусируются на предпочтении трансформации существующей бюрократической организационной культуры в культуру кланового типа, а также на среднем уровне выраженности организационного доверия.

Подтип 6 образован 34,9% респондентами группы «стресс-толерантных». Его особенность — в полной представленности в кластере данных по группе педагогов вуза, что дает основание рассматривать переменные, включенные в данный подтип, как совокупность регуляторов стресс-преодолевающего поведения субъекта *научно-педагогической деятельности*.

Отличительной особенностью анализируемой подгруппы является состояние нервно-психического напряжения, близкое к границе с умеренным уровнем. Вместе с тем конструктивному противодействию стрессу способствуют развитые гибкость поведения и широта интересов. В системе личностно-психологических ресурсов выделяются высоко выраженные ценности потенциальных достижений, материального интереса, стабильности в организации, которые сочетаются с ин-

вариантными для данной модели ценностями стабильности содержания и объема деятельности, исполнения всеми участниками педагогического процесса своих обязательств. Не оказывают значимого влияния на поведение педагогов вуза организационные ценности в виде соблюдения нормативности деятельности, традиций организации, стабильности неформальных групп. В совокупность личных качеств, образующих *подтип 6*, входят устойчивое преобладание мотивации успеха, направленности на дело. Ресурсную роль в копинг-поведении играют две гиперактивные конструктивные стратегии: инвариантная «поиск социальной поддержки» и специфически высоко активная стратегия «планирование решения проблемы».

Названные личностно-психологические регуляторы сочетаются с организационно-психологическим в виде самого высокого по всей совокупной выборке интегрального показателя организационного доверия. Он образован главным образом под влиянием выраженных в научно-педагогической среде компонентов *последовательности* работников и проявления *взаимной заботы* участников совместной деятельности.

В оценках сложившейся организационной культуры педагога вуза отмечают преобладание ценностей и норм рыночного типа, но предпочитают видеть в перспективе совместную деятельность, основанную на коллективистских нормах и традициях (ОК «клан»).

Здесь следует отметить, что такое сочетание организационно-психологических факторов, влияющих на регуляцию стресс-преодолевающего поведения личности, идентично в подтипах 3 и 6, несмотря на то, что ими верифицируются типологически разные модели преодоления стресса — малоконструктивная и конструктивная. С нашей точки зрения, объяснение этого феномена в том, что оба подтипа представляют преимущественно субъектов организационного взаимодействия в системе высшего образования. При этом столь очевидное совпадение дает основание отметить, что в формировании стресс-преодолевающего поведения субъекта организационного взаимодействия первостепенная роль принадлежит ценностно-смысловой и субъектно-личностной сферам, по отношению к которым организационно-психологические факторы вторичны.

Выводы

Резюмируя приведенные аналитические данные, можно заключить, что в них нашла подтверждение гипотеза о возможности психологического моделирования конструктивных и малоконструктивных ресурсов регуляции стресс-преодолевающего поведения с выделением подтипов, фокусирующих специфику регуляции стресс-преодолевающего поведения у субъектов разных сфер деятельности.

Переменные, образующие модель малоконструктивных ресурсов (*Модель 1*), мы рассматриваем как мишени развивающего воздействия при оказании психо-

логической поддержки личности, высоко восприимчивой к организационным стресс-факторам и предрасположенной к поведению типа «А».

Сравнение маркеров, полученных по результатам проведенного кластерного анализа и обозначенных в выделенных подтипах, дает возможность определить подтипы, не только верифицирующие названные модели, но и объясняющие специфику сочетания мотивационно-ценностных и личностных ресурсов преодоления стресса у субъектов разных сфер деятельности.

Проведенный дифференцированный анализ позволяет выделить мишени психологического воздействия при оказании поддержки личности, обладающей качествами, моделирующими первые подтипы психологических ресурсов регуляции стресс-преодолевающего поведения.

Библиографический список

1. Анцыферова, Л. И. (1994). Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита. *Психологический журнал*, (1), 3–16.
2. Багрий, М. А., Леонова, А. Б. (2009). Особенности развития профессионального стресса у врачей различных специализаций. *Российский научный журнал*, (1), 92–105.
3. Барабанщикова, В. В. (2017). *Профессиональные деформации специалиста в инновационных видах деятельности*. Москва.
4. Бодров, В. А. (2006а). Проблема преодоления стресса. Ч. 2. Процессы и ресурсы преодоления стресса. *Психологический журнал*, 27 (2), 113–123.
5. Бодров, В. А. (2006б). Проблема преодоления стресса. Ч. 3. Стратегии и стили преодоления стресса. *Психологический журнал*, 27 (3), 106–116.
6. Бодров, В. А. (2000). *Информационный стресс*. Москва.
7. Величковский, Б. Б. (2005). Психологические индикаторы сниженной стресс-резистентности. В *Прикладная психология как ресурс социально-экономического развития современной России* (Материалы межрегиональной научно-практической конференции) (с. 81–82). Москва.
8. Водопьянова, Н. Е. (2011). *Профилактика и коррекция синдрома выгорания: методология, теория, практика*. Санкт-Петербург.
9. Гримак, Л. П. (1989). *Резервы человеческой психики: введение в психологию активности*. Москва.
10. Демин, А. Н. (2004). *Личность в кризисе занятости: стратегии и механизмы преодоления кризиса*. Краснодар.
11. Картрайт, С., Купер, К. Л. (2004). *Стресс на рабочем месте*. Харьков.
12. Китаев-Смык, Л. А. (1983). *Психология стресса*. Москва.
13. Купер, К. Л., Маршалл, Дж. (1995). Источники стресса «белых воротничков». В А. Б. Леонова, О. Н. Чернышева (ред.) *Психология труда и организационная психология: современное состояние и перспективы развития* (с. 179–204). Москва.

14. Купер, К. Л., Дэйв, Ф. Дж., О'Драйсколл, М. П. (2007). *Организационный стресс. Теории, исследования и практическое применение*. Харьков.
15. Леонова, А. Б. (2004). Комплексная стратегия анализа профессионального стресса: от диагностики к профилактике и коррекции. *Психологический журнал*, 25 (2), 75–85.
16. Леонова, А. Б. (ред.). (2013). *Организационная психология* (Учебник). Москва.
17. Ясько, Б. А. (2015). *Профессиональный стресс: причины, диагностика, профилактика* (Практикум). Краснодар.
18. Deklava, L., Circenis, K., Millere I. (2014). Stress Coping Mechanisms and Professional Burnout among Latvian Nurses. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 159, 261–267.
19. Lub-Moss, M. M., Eurelings-Bontekoe, E. H. (1997). Clinical Experience with Patients Suffering from Hyperemesis Gravidarum (Severe Nausea and Vomiting During Pregnancy): Thoughts About Subtyping of Patients, Treatment and Counseling Models. *Patient Educ. Couns.*, 31, (1), 65–75.

Статья поступила в редакцию 15.09.2017.

.....

PSYCHOLOGICAL RESOURCES OF PERSON'S STRESS-RESISTANCE AS A SUBJECT OF ORGANIZATIONAL PROCESSES

Volvich Yu.K.

Volvich Yulia Konstantinovna, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar, Stavropolskaya Str., 149
E-mail: Ulyasha_180286@mail.ru

The article summarizes the data of an empirical study aimed at identifying psychological resources of person's stress resistance, which is included in organizational processes in various spheres and types of activity. It is proved that the combination of resources can be represented in the form of two basic models — a little-constructive (Model I) and constructive (Model II), which are verified in six subtypes that focus the specificity of the regulation of stress resistance in subjects of different spheres of activity.

Model I resource role is poorly developed flexibility of behavior, narrow-mindedness of vital interests, coping strategies — "confrontation" and "admission of responsibility," high demands towards others, the importance of stability in the scope and content of activities, the ability to influence other people or the course events in the organization, the low importance of normalization of activity and professional life.

The three subtypes verifying Model I have the highest completeness among male trade workers (subtype 1) and they represent the female type of resources for stress resistance of bank (subtype 2) and university (subtype 3) employees as well.

Model II is characterized by an ability to self-knowledge, expressed in an optimal way labor activity and a desire for productivity at work, the motivation for success, the high importance of the prospect of potential achievements, the stability of the scope of activities, the prevalence of coping strategies "search for social support", "problem solving planning", "distancing".

The subtypes verifying Model II are typical for men involved in banking sphere (subtypes 4 and 5) and scientific and pedagogical staff of the university (subtypes 5 and 6).

Variables that form a low-structural model of stress-resistance and its subtypes are considered as targets of developmental impact when providing psychological support to an individual who is highly sensible to organizational stress factors and predisposed to behavior of A type.

Key words: stress; mental strain; organizational stress; stress resistance; psychological resources; individual as a subject of organizational processes.

References

1. Ancyferova, L. I. (1994). Lichnost' v trudnyh zhiznennyh usloviyah: pereosmyslivanie, preobrazovanie situacij i psihologicheskaja zashhita [Personality in Difficult Living Conditions: Re-Thinking, Transformation of Situations and Psychological Protection]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], (1), 3–16.
2. Bagrij, M. A. & Leonova, A. B. (2009). Osobennosti razvitija professional'nogo stressa u vrachej razlichnyh specializacij [Peculiarities of Professional Stress Development in Doctors of Different Specializations]. *Rossijskij nauchnyj zhurnal* [Russian Scientific Journal]. (1), 92–105.
3. Barabanshnikova, V. V. (2017). *Professional'nye deformacii specialista v innovacionnyh vidah dejatel'nosti* [Specialist's Professional Deformations in Innovative Activities]. Moscow.
4. Bodrov, V. A. (2000). *Informacionnyj stress* [Informational Overload]. Moscow.
5. Bodrov, V. A. (2006a). Problema preodolenija stressa. Ch. 2. Processy i resursy preodolenija stressa [The Problem of Stress Overcoming. Part 2. Processes and Resources for Coping with Stress]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 27 (2), 113–123.
6. Bodrov, V. A. (2006b). Problema preodolenija stressa. Ch. 3. Strategii i stili preodolenija stressa [The Problem of Stress Overcoming. Part 3. Strategies and Styles of Stress Overcoming]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 27 (3), 106–116.
7. Deklava, L., Circenis, K. & Millere I. (2014). Stress Coping Mechanisms and Professional Burnout among Latvian Nurses. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 159, 261–267.
8. Diomin, A. N. (2004). *Lichnost' v krizise zanjatosti: strategii i mehanizmy preodolenija krizisa* [Individual in The Employment Crisis: Strategies and Mechanisms to Overcome the Crisis]. Krasnodar.
9. Grimak, L. P. (1989). *Rezervy chelovecheskoj psihiki: vvedenie v psihologiju aktivnosti* [Reserves of The Human Psyche: An Introduction to The Psychology of Activity]. Moscow.
10. Jas'ko, B. A. (2015). *Professional'nyj stress: prichiny, diagnostika, profilaktika* [Professional Stress: Causes, Diagnosis, Prevention] (Practical work). Krasnodar.
11. Kartrajt, S. & Kuper, K. L. (2004). *Stress na rabochem meste* [Stress in the Workplace]. Har'kov.
12. Kitaev-Smyk, L. A. (1983). *Psihologija stressa* [Psychology of Stress]. Moscow.
13. Kuper, K. L. & Marshall, Dzh. (1995). Istochniki stressa "belyh vorotnichkov" [Sources of "White-Collar Workers" Stress]. In A. B. Leonova, O. N. Chernysheva (Eds.) *Psihologija truda i organizacionnaja psihologija: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija* [Psychology of Work and Organizational Psychology: Current State and Prospects of Development] (pp. 179–204). Moscow.
14. Kuper, K. L., Djev, F. Dzh. & O'Drajskoll, M. P. (2007). *Organizacionnyj stress. Teorii, issledovanija i prakticheskoe primenenie* [Organizational Stress. Theories, Studies and Practical Application]. Har'kov.
15. Leonova, A. B. (2013). *Organizacionnaja psihologija* [Organizational Psychology] (Textbook). Moscow.
16. Leonova, A. B. (2004). Kompleksnaja strategija analiza professional'nogo stressa: ot diagnostiki k profilaktike i korrekcii [Complex Strategy for Analyzing Professional Stress: From Diagnosis to Prevention and Correction]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 25 (2), 75–85.

17. Lub-Moss, M. M. & Eurelings-Bontekoe, E. H. (1997). Clinical Experience with Patients Suffering from Hyperemesis Gravidarum (Severe Nausea and Vomiting During Pregnancy): Thoughts About Subtyping of Patients, Treatment and Counseling Models. *Patient Educ. Couns.*, 31, (1), 65–75.
18. Velichkovskij, B. B. (2005). *Psichologicheskie indikatory snizhennoj stress-rezistentnosti. In Prikladnaja psihologija kak resurs social'no-jekonomicheskogo razvitija sovremennoj Rossii* [Psychological Indicators of Reduced Level of Stress-Resistance] (Materials of an Interregional Scientific and Practical Conference) (pp. 81–82). Moscow.
19. Vodop'janova, N. E. (2011). *Profilaktika i korrrekcija sindroma vygoranija: metodologija, teorija, praktika* [Prevention and Correction of Burnout Syndrome: Methodology, Theory, Practice]. St. Petersburg.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Ковалева Н. В.

Ковалева Наталья Владимировна,
Адыгейский государственный университет, 385000, Россия, Республика Адыгея,
г. Майкоп, ул. Первомайская, 208
Эл. почта: natkov2007@rambler.ru

В статье международная образовательная деятельность вузов рассматривается как дополнительный фактор развития субъектности обучающихся через самопонимание и готовность понять и принять культуру и ценности не только представителей другой этнической группы, но и другого государства. Раскрывается значение параметров образовательной развивающей среды: возможности личностного и профессионального роста, организационная ясность, поощрение стремления к совершенству и т.д. Приводятся данные исследования, в котором выявлены сходства и различия влияния стрессогенных факторов среды в группах российских и иностранных студентов. Выявлено, что у студентов доминируют проблемы самореализации себя в качестве субъектов. Но у россиян они связаны со смыслами и значениями, а у иностранных студентов — с операциональной стороной деятельности. Показано, что преодолению стрессовых переживаний способствуют рефлексия, готовность к адекватным действиям против стрессоров. Определены направления профилактики стрессов обучающихся: обеспечение понимания студентами целей своего обучения и личных целей, социальной ответственности; проектирование индивидуальной образовательной программы; создание условий для переживания ситуаций успеха от завершения тех или иных видов учебно-образовательной деятельности; поддержание в силе развивающей образовательной среды. Указанные меры способствуют повышению у обучающихся самооценки, уверенности, оптимизма — важных условий для совладания со стрессогенными факторами, влияющими на взаимодействие и эффективность обучения.

Ключевые слова: международная образовательная деятельность, субъекты образовательного процесса, развивающая образовательная среда.

Особенности образовательной среды вуза в условиях международной деятельности

Международная образовательная деятельность стала одним из приоритетных направлений деятельности современного вуза, так как является одним из стратегических путей расширения его образовательного пространства. Поликультурность в рамках международного сотрудничества создает дополнительные возможности для самопознания и взаимопонимания обучающихся.

Е. А. Пугачева подчеркивает, что полиэтническая образовательная среда вуза представляет собой духовно насыщенную атмосферу деловых и межличностных контактов, обуславливающую кругозор, стиль мышления и поведение включенных в нее субъектов, стимулирующую в них потребность приобщения к общенациональным и общечеловеческим духовным ценностям (Пугачева, 2008). М. А. Гусаковский, Л. А. Яценко и др. отмечают, что каждый из студентов в новой образовательной системе индивидуально конструирует себя как субъекта, способного проявлять ситуационную изменчивость, сохраняя свою идентичность, самоидентификацию с целью выявления и поддержания собственной индивидуальности и личностной устойчивости как субъектов образования (Гусаковский, 2004). Р. Д. Хунагов отмечает, что в результате образовательного взаимодействия происходит сближение обучающихся из разных государств, культур, этносов, но одновременно сохраняются и различия — расово-антропологические, языковые, этнокультурные (Хунагов, 2015).

По мнению Т. Н. Никитиной и А. Ю. Шакировой, приезд иностранных студентов для получения образования поднимает вопросы готовности молодежной среды принять чужую культуру, воспринимать иные ценности, находиться в едином образовательном пространстве (Никитина, Шакирова, 2016). В этих условиях важно конечно понимать, что каждый студент является представителем своей этнической группы, как совокупности людей, осознающих себя носителями целого ряда общих традиций, не характерных для других людей, в контакте с которыми они находятся. Это и народные религиозные верования, и обряды, и язык, и чувство исторической принадлежности, осознание общего происхождения. (Белик, 2001). По мнению И. А. Аполлонова, этнический характер носят гендерные модели и роли, факторы поколенных связей и различий, представления о нормативности межличностных отношений (Аполлонов, 2013). Но наряду с этим, обучающиеся одновременно являются представителями различных государств, имеющих отличительные политические, социальные, гражданско-правовые отношения. По мнению С. Бенхабиб, любой процесс понимания других — это не только акт познания, это также моральное и политическое действие (Бенхабиб, 2005). К тому же, как считают Л. Росс и Р. Нисбетт, этнические культуры являются напряженными системами, представляющими собой сложный баланс сил, который обычно очень устойчив, но при возникновении новых влияний может стать проводником социальных изменений (Ross, Nisbett, 1991). Определенным образом организованные пространства бытия другого человека, тем более представителя другой этнической культуры, региона, могут быть как поддерживающим ресурсом, так и депривирующим фактором для другой личности (Знаков, Рябкина, 2017).

Все эти позиции актуализируются обстоятельствами неопределенности (условий, результата и т.д.), сопровождающими взаимодействие людей в современном обществе, в том числе и в системе образования. Неопределенность выступает

тем «полем» взаимодействий, на котором разворачивается активность человека, отвечающего вызовам как конкретной ситуации, так и, в более широком контексте, собственной судьбы (Корнилова, Чумакова, Корнилов, Новикова, 2010).

В этих условиях участникам образовательного процесса требуется приложить дополнительные усилия для установления и поддержки толерантных отношений, эмпатии, выявления и преодоления деструктивных стереотипов, установок при формировании единых норм, ценностей, целей, правил и схем поведения. Усиливается переживание личностью своей идентичности, важной индивидуально-личностной характеристики, включающей в себя осознание своей принадлежности к отдельным социальным общностям, переживание постоянства своего Я и тождественности самому себе, которые конструируются прижизненно в ходе взаимодействия и социального сравнения (Иванова, Румянцева, 2009). Важным психическим механизмом становится самопонимание студентов. По мнению В.В. Знакова, самопонимание является таким интегративным феноменом, который воплощает в себе и психические действия по углублению субъекта в себя, и направленность на выход в пространство межличностных взаимодействий (Знаков, 2016). Он подчеркивает, что «самопонимание является и неотъемлемой составляющей любого понимания. Даже если субъект пытается понять что-то внешнее по отношению к себе, он выражает самого себя, познает, расширяет и понимает свой внутренний мир».

В этой связи особая роль отводится образовательной среде, в которой реализуются задачи совместного обучения и развития будущих профессионалов. Важно помнить, что адаптация, переживаемая студентами, стремится не столько к равновесию, сколько к развитию человека, увеличению его ресурсов для взаимодействия с внешней средой (Журавлев, Купрейченко, 2007). Образовательная среда рассматривается М. А. Гусаковским, Л. А. Яценко и др. как область, в которой происходят трансформации опыта и идентичности участников образования (Гусаковский, 2004). По их мнению, она включает в себя: а) составную часть образовательной субъективности, которая, в свою очередь, является частью среды; б) эффект осуществления определенной образовательной практики, условием которой она одновременно выступает; в) дифференциальную целостность, конструируемую в актуальных образовательных ситуациях. Подчеркивается, что среда есть эффект реализации множества различных культур, создающий условия для появления новых культур. В новой системе образования она не является предзаданной и не навязывается извне субъекту или группе, а выступает продуктом совместного конструирования в рамках актуальной коммуникации. В условиях международного сотрудничества необходимо учитывать, что восприятие образовательной ситуации, как компонент коммуникации, у обучающихся принимает вид переживания (Барабанщиков, Носуленко, 2004). За переживанием стоит позиция человека и его отношение к действительности, поэтому содержание восприятия всегда пристрастно, а получаемая информация носит

избирательный характер, структурируется в соответствии с потребностями, намерениями, ценностями и ожиданиями. По мнению А. Ю. Прохорова и Л. Р. Фахрутдинова, переживание осуществляет взаимосвязь между внутренним и внешним бытием субъекта, между собственным Я и иными сущностями (Я и Другие) (Прохоров, Фахрутдинов, 2010).

Отличительными характеристиками образовательной среды считаются конструирование образовательной ситуации, динамичность, неопределенность, неоднородность, акцентуированность на внутренних формах самоотношения участников образовательного процесса, содержит в себе различные потенциалы ситуаций (Гусаковский, 2004). Фактором эффективности образовательной среды, особенно в условиях международного сотрудничества, выступает ее развивающий характер. Дж. Равен среди наиболее важных параметров организационного климата развивающей среды называет:

- возможность соприкоснуться с компонентами эффективного поведения и изучить его персональные последствия;
- поддержка руководителем (в нашем случае администрацией, педагогами) эффективного поведения;
- формы поощрения подчиненных (обучающихся) за эффективное решение самостоятельно сформулированных ими задач;
- деятельность руководителя по постановке целей, планированию и формированию обратной связи;
- возможности роста, организационная ясность, поощрение новаторства и стремления к совершенству и т.д. (Raven, 1984).

Его исследования показывают, что в учебных заведениях развивающая среда, заинтересованность в нововведениях и компетентное руководство встречаются реже, чем в других учреждениях, поэтому школы и университеты оказываются наименее плодородной почвой для роста у обучающихся тех качеств, в которых так остро нуждается общество (Raven, 1984).

Наши исследования, проведенные в рамках ЕЗН (2008–2013 гг.), участие в разработке и выполнении международного проекта Темпус IV по разработке учебного плана бакалавриата по направлению «социальная работа» (2008–2011 гг.), также выявили ряд организационных, методических и психологических проблем среди преподавателей, студентов по выполнению требований реформы высшей школы. Наиболее значительные среди них — низкая мотивация к нововведениям, управленческие ошибки введения инноваций, отчуждение от инновационной, творческой деятельности и т.д. отмечена проблема постоянной занятости, перегрузки, приводящие к утомлению (Ковалева, 2010; Макарова, Ковалева, 2011). Л. А. Китаев-Смык считает, что в ситуации постоянной занятости, одно-временного потока не завершающихся дел, человек переживает дистресс, оказывающий большое деструктивное влияние на продуктивность его поведения,

самочувствия и взаимодействия с окружающими. (Китаев-Смык, 2012; 2015). Одним из последствий, спровоцированных напряженной психологической атмосферой в учебном, рабочем коллективе, является более высокий уровень заболеваемости (Хинш, Виттманн, 2005). Сформировалась серьезная научно-практическая проблема: с одной стороны, поликультурная образовательная среда должна выступать необходимым ресурсом эффективности новых образовательных технологий, с другой — в ней не всегда срабатывают психические механизмы, обеспечивающие эту эффективность. Исследование особенностей образовательной среды вуза в условиях международного сотрудничества на фоне введения образовательных инноваций приобретает особую значимость.

Организация исследования

С целью получения новых знаний об особенностях современной инновационно-образовательной среды вуза специалистами Центра социально-психологических проблем НИИ комплексных проблем Адыгейского госуниверситета в 2016/17 учебном году было организовано и проведено исследование психологических особенностей субъектов образовательного процесса в условиях реализации программ международного сотрудничества.

Эмпирическую базу составили 65 студентов АГУ в возрасте 18–22 лет (40 граждан Российской Федерации и 25 граждан Сирии, Туркменистана, Украины, Молдовы).

Цель исследования: выявить возможности повышения эффективности образовательного процесса вуза в рамках международного сотрудничества через повышение субъектных качеств обучающихся.

Задачи:

1. Выявить содержание, уровни образовательных трудностей и связанных с ними факторов стрессовых переживаний обучающихся в поликультурной инновационно-образовательной среде вуза.
2. Определить субъектные характеристики личности обучающихся, способствующих преодолению стрессовых переживаний, сделать сравнительно-сопоставительный анализ проявления субъектности и стрессовых переживаний российских и иностранных студентов.
3. Определить направления деятельности по снижению деструктивных переживаний и повышению субъектности обучающихся в полиэтнической образовательной среде.

Для сбора информации применялись специально разработанные опросники «Диагностика состояний», «Самооценка стресса». Опросник «Диагностика состояний» направлен на выявление доминирующих состояний и трудностей субъектов образовательной среды, переживаемых ими в течение прошедшего семестра, в котором респонденты указывали содержание трудностей, степень

их сложности (конфликт, кризис) и с кем эта трудность была связана (студенты, педагоги или администрация). Кроме того, нужно было отметить доминирующие состояния и способы действий, позволяющие преодолеть проблему.

Опросник «Самооценка стресса» содержит вопросы, касающиеся пяти комплексных потенциально стрессогенных факторов, вызывающих профессиональный стресс:

- организация рабочего места;
- содержание, род, вид деятельности;
- негативное влияние особенностей организации деятельности;
- информационный стресс;
- личностные особенности, влияющие на учебную деятельность.

Студентам предложено оценить наличие у себя степени напряженности, переживаемой ими в рамках каждого из указанных параметров по шкале от 1 балла (напряжение отсутствует) до 5 баллов (переживается напряжение очень высокого уровня).

Корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена применялся для выявления системы значимых корреляций при r , соответствующем уровню статистической значимости $p \leq 0,05$ и сильных, высоких, значимых корреляций $p \leq 0,01$ (Бреслав, 2010; Сидоренко, 2000).

Обсуждение результатов исследования

Опросник «Диагностика состояний» определил, что для иностранных студентов главной трудностью является межличностная и деловая коммуникация — 75% из них имеют проблемы в учебе из-за плохого знания русского языка. На втором месте находятся проблемы мотивации и самоорганизации (25%), на третьем — семейные и материальные трудности.

Для россиян главными препятствиями стали такие позиции, как организация времени (55%), низкая мотивация (43%), состояния утомления, усталости, здоровья (25%), а также трудности обучения (усвоение, объем учебного материала).

Все студенты переживают конфликты и кризисы, но в группе иностранных студентов преобладают конфликты с однокурсниками, изредка с преподавателями по поводу недопонимания и выполнения домашних заданий. У россиян доминируют кризисы (т.е. ситуации, требующие высокого уровня напряжения и нестандартного мышления), связанные с содержанием учебных заданий, качества их выполнения.

Данные позволяют сделать вывод о том, что в обеих группах доминируют проблемы, связанные с проявлением и реализацией себя именно как субъектов образовательной системы. Но в группе россиян преобладают проблемы, связанные с самоорганизацией, мотивацией и т.д., а в группе иностранных

студентов — знание языка, личные проблемы вне учебы. Различны и способы преодоления стрессовых состояний. У россиян преобладают пассивные способы — слушание музыки, сон, чтение, общение с близкими, кофе. У второй группы доминируют активные способы — занятия спортом, прогулки, переключение на другую деятельность.

Опросник «Самооценка стресса» выявил у иностранных студентов только три комплексных признака напряженности среднего уровня: информационные перегрузки, временные ограничения, склонность к повышенной тревоге. Признаки напряженности (стресса) высокого уровня в этой группе отсутствуют. В то же время группе российских студентов признаков напряженности обнаружено в шесть раз больше, среди них наиболее интенсивные:

- недостаток профессионального опыта, уровня знаний;
- информационные перегрузки;
- жесткие временные ограничения;
- принятие решения при высокой степени ответственности;
- неопределенность, дефицит необходимой информации;
- склонность к повышенной тревоге.

Следовательно, в образовательном процессе российские студенты чувствуют себя более напряженно, чем их однокурсники из стран дальнего и ближнего зарубежья.

Корреляционный анализ данных в группах респондентов позволил распределить стрессогенные факторы в разной иерархической последовательности, которая представлена в таблице.

Распределение стрессогенных факторов по количеству и интенсивности значимых корреляционных связей

Ранг	Иностранные студенты	Российские студенты
1	Негативное влияние особенностей организации деятельности	Содержание, род, вид деятельности
2	Содержание, род, вид деятельности	Информационный стресс
3	Личностные особенности участников образовательного процесса	Негативное влияние особенностей организации деятельности
4	Организация рабочего места	Личностные особенности участников образовательного процесса
5	Информационный стресс	Организация рабочего места

Таблица позволяет сделать вывод о том, что иерархические структуры стрессогенных факторов образовательной среды у студентов-россиян и студентов-граждан других государств имеет сходства и различия. Сходство заключается

в том, что первые позиции в обеих группах занимают факторы «Содержание, род, вид учебной деятельности и ее компоненты» и «Личностные особенности участников образовательного процесса». Значимые различия связаны с тем, что на российских студентов большое стрессовое воздействие оказывает информационный стресс, а во второй группе респондентов его влияние оказывается незначительным.

Выводы и рекомендации

В студенческой среде доминируют проблемы, связанные с проявлением и реализацией себя именно как субъектов образовательной системы. Но в группе россиян преобладает внутренний, смысловой характер, а в группе иностранных студентов — операциональный.

Субъектными характеристиками личности обучающихся, способствующих преодолению стрессовых переживаний, являются рефлексия, готовность совладать со стрессорами и действия в этом направлении, а также стремление поддерживать свой потенциал (здоровый образ жизни, занятия спортом, активный отдых). В группе российских студентов преобладает рефлексия, а в группе иностранных респондентов чаще, чем у россиян, встречаются готовность совладать со стрессорами и активность в их преодолении.

Направления профилактики чрезмерного напряжения и поддержания его в оптимальных пределах для мобилизации ресурсов субъектов образовательного процесса будут общими, но их реализация должна носить индивидуальный характер и должна обеспечить:

- понимание обучающимися целей своего обучения, их ясность, реальность;
- осознание личных жизненных целей с точки зрения их ясности, реальности;
- формирование социальной ответственности;
- осознание своего ролевого статуса, снижения конфликта ролей и ролевой неопределенности;
- определение уровня имеющихся знаний и проектирование индивидуальной образовательной программы;
- создание условий для переживания ситуаций успеха от завершения тех или иных видов учебно-образовательной деятельности. Это способствует повышению уровня самооценки и оптимизма — важных условий для совладания со стрессорами.

Формирование реальной развивающей образовательной среды, которая предоставляет возможности для проявления творческих способностей, приобретения профессионального опыта, способствует снижению негативных состояний, переживаний как российских, так и иностранных студентов, повысит их успеваемость и адаптивность к разным социально-психологическим, экономическим условиям будущей самостоятельной производственной деятельности.

Библиографический список

1. Александров, Ю. И., Александрова, Н. А. (2009). *Субъективный опыт, культура и социальные представления*. Москва.
2. Аполлонов, И. А. (2013). Этничность как герменевтический горизонт личности. В З. И. Рябикина, В. В. Знаков (ред.) *Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А. В. Брушлинского): материалы VI Всерос. науч-практ. конф., (с иностранным участием)* (с. 54–56). Москва, Краснодар.
3. Барабанщиков, В. А., Носуленко, В. Н. (2004). *Системность. Восприятие. Общение*. Москва.
4. Белик, А. А. (ред.). (2001). *Личность. Культура. Этнос: современная психологическая антропология*. Москва.
5. Бенхабиб, С. (2005). *Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру*. Москва.
6. Бреслав, Г. М. (2010). *Основы психологического исследования (Учебное пособие)*. Москва.
7. Джерелиевская, М. А. (2014). Ценностно-смысловые образования как основа личностной идентичности и ее устойчивости в ситуации инноваций. В З. И. Рябикина, В. В. Знаков (ред.) *Личностная идентичность: вызовы современности: материалы Всерос. Психол. науч-практ. конф. (с иностранным участием)* (с. 51–53). Майкоп, Краснодар, Москва.
8. Журавлев, А. А., Купрейченко, А. Б. (2007). Самоопределение, адаптация и социализация: соотношение и место в системе социально-психологических понятий. В А. Г. Дикая, А. А. Журавлев (ред.) *Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы*. Москва.
9. Знаков, В. В. (2016). Понимание субъектом социокультурной реальности мира человека. *Человек. Сообщество. Управление*, 17 (1), 6–23.
10. Знаков, В. В., Рябикина, З. И., Сергиенко, Е. А. (ред.). (2010). *Психология субъекта и психология человеческого бытия*. Краснодар.
11. Знаков, В. В., Рябикина, З. И. (2017). *Психология человеческого бытия*. Москва.
12. Иванова, И. Д., Румянцева, Т. В. (2009). *Социальная идентичность: теория и практика*. Москва.
13. Китаев-Смык, Л. А. (2012). *Организм и стресс: стресс жизни и стресс смерти*. Москва.
14. Китаев-Смык, Л. А. (2015). *Сознание и стресс: Творчество. Совладание. Выгорание. Невроз*. Москва.
15. Ковалева, Н. В. (2010, июль). Психологические барьеры преподавателей, связанные с переходом вуза на двух уровневое образование. *Вестник Московского областного государственного университета. Серия Психологические науки*, 2 (2), 119–124.
16. Корнилова, Т. В., Чумакова, М. А., Корнилов, С. А., Новикова М. А. (2010). *Психология неопределенности: Единство интеллектуально-личностного потенциала человека*. Москва.
17. Макарова, Л. С., Ковалева, Н. В. (2011). Опыт участия вуза в реализации программы Темпус. *Высшее образование в России*, (2), 65–70.

18. Никитина, Т. Н., Шакирова, А. Ю. (2016). Концептуальные основы толерантности и практика современной российской высшей школы. В *Толерантность — «оливковая ветвь» человечества на этапе человеческого разлома: сборник мат. Межд. гуманитарного форума, посвященного 75-летию ООН и ЮНЕСКО*. Казань, 2–3 февраля 2016 г. (с. 437–140). Казань.
19. Пугачева Е. А. (2008). *Формирование толерантности студентов в поликультурной среде вуза* (Автореферат канд. диссертации). Нижний Новгород.
20. Сидоренко, Е. В. (2000). *Методы математической обработки в психологии*. Санкт-Петербург.
21. Гусаковский, М. А. (ред.). (2004). *Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе*. Минск.
22. Хинш, Р., Виттманн, С. (2005). *Социальная компетенция*. Харьков.
23. Хунагов, Р. Д., Шадже, А. Ю., Ляшова, С. А. (ред.). (2015). *Этносоциальные процессы: региональное измерение*. Майкоп.
24. Raven, J. (1984). *Competence in Modern Society: Its Identification, Development and Realize*. London.
25. Ross, L., Nisbett, R. (1991). *The Person and the Situation: Perspectives of Social Psychology*. New York, London, Toronto.

Статья поступила в редакцию 04.07.2017.

.....

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF SUBJECTS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION MEDIUM WITHIN THE CONTEXT OF THE INTERNATIONAL COOPERATION

Kovaleva N. V.

Kovaleva Natal'ja Vladimirovna, Adyge State University, 385000, Russia, Maikop,
Pervomayskaya Str., 208
E-mail: natkov2007@rambler.ru

This work conceives of the international educational activity at higher education institutions as an additional factor of development of students' subjectness through self-comprehension and readiness to understand and accept culture and values not only of representatives of another ethnic group, but also of other state. The publication discloses the value of parameters of the educational developing medium: possibilities of personal and professional growth, organizational clarity, encouragement of commitment to excellence etc. Data of researches which reveal similarities and differences in impact of the stress-producing factors of medium in groups of the Russian and foreign students are given. It has been established that problems of self-realization as subjects dominate at students. But at Russians this is related to meanings and values, and at foreign students — to activity. Overcoming stressful feelings is shown to be promoted by a reflection, readiness and adequate actions against stress factors. The directions of prophylactic treatment of stresses at students are defined, including ensuring understanding of the purposes of the training and personal purposes, social responsibility; design of the individual educational program; creation of conditions for experience of situations of success from finishing these or those types of educational activity; maintenance in force of the developing educational medium. The specified measures promote rising at students of a self-rating, confidence and optimism — important conditions to cope with the stress-producing factors influencing interaction and learning efficiency.

Key words: The international educational activity, subjects of educational process, the developing educational medium.

References

1. Alexandrov, Yu. I. & Alexandrova, N. L. (2009). *Subjektivnyj opyt, kultura i sotsyalnye predstavleniya* [Subjective Experience, Culture and Social Representations]. Moscow.
2. Apollonov, I. A. (2013). Etnichnost kak germenivticheskiy gorizont lichnosti [Ethnicity as Hermeneutical Horizon of the Personality. In Z. I. Ryabikina & V. V. Znakov (Eds.) *Lichnost i bytiye: subektnyj podkhod (k 80-letiju F. V. Brushlinskogo): materialy VI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s inostrannym uchastiem)* [Personality and Life: Subject Approach (To The 80th Anniversary Since the Birth of A. V. Brushlinsky): Materials of VI Russian Sci. Conf. (With Foreign Participation)] (pp. 54–56). Moscow, Krasnodar.
3. Barabanshchikov, V. A. & Nosulenko, V. N. (2004). *Sistemno. Vospriyatie. Obschenie* [Systemicity. Perception. Communication]. Moscow.
4. Belik, A. A. (Ed.) (2001). *Lichnost. Kultura. Etnos: sovremennaya psikhologicheskaya antropologiya* [Personality. Culture. Ethnos: Modern Psychological Anthropology]. Moscow.
5. Benkhabib, S. (2005). *Priyazaniya kultury. Ravenstvo i raznoobrazie v globalnuyu eru* [Claims of Culture. Equality and Diversity in the Global Era]. Moscow.
6. Breslav, G. M. (2010). *Osnovy psikhologicheskogo issledovaniya* [Bases of a psychological research] (Education Guidance). Moscow.
7. Dzherelievskaya, M. A. (2014). Tsennostno-smyslovye obrazovaniya kak osnova lichnostnoy identichnosti i yeye ustoychivosti v situatsii innovatsyy. [Value and Semantic Units as A Basis of Personal Identity and Its Stability in A Situation of Innovations]. In Z. I. Ryabikina & V. V. Znakov (Eds.) *Lichnostnaya identichnost: vyzovy sovremennosti: materialy Vseros. psikholog. nauch.-praktich. konf. (s inostrannym uchastiem)* [Personal Identity: Present Challenges: Materials of Russian Psychological Sci. Conf. (With Foreign Participation)] (pp. 51–53). Maykop, Krasnodar, Moscow.
8. Gusakovskiy, M. A. (Ed.). (2004). *Universitet kak tsentr kulturoporozhdayushchego obrazovaniya. Izmenenie form kommunikatsii v uchebnom protsesse* [University as Center of Culture-Producing Education. Change of Forms of Communication in Educational Process]. Minsk.
9. Hinsh, R. & Wittmann, S. (2005). *Sotsialnaya kompetentsiya* [Social Competence]. Kharkov.
10. Ivanova, I. D. & Rummyantseva, T. V. (2009). *Sotsialnaya identichnost: teoriya i praktika* [Social Identity: Theory and Practice]. Moscow.
11. Khunagov, R. D. Shadzhe, A. Yu. & Lyausheva, S. A. (Eds.). (2015). *Etnosotsialnye protsessy: regionalnoe izmerenie* [Ethnosocial Processes: Regional Measurement]. Maikop.
12. Kitaev-Smyk, L. A. (2012). *Organism and stress: stress zhizni I stress smerti* [Organism and Stress: Stress of Life and Stress of Death]. Moscow.
13. Kitaev-Smyk, L. A. (2015). *Soznaniye i stress: Tvorchestvo. Sovladaniye. Vygoraniye. Nevroz.* [Consciousness and Stress: Creativity. Mastering. Burning Out. Neurosis]. Moscow.

14. Kornilova, T. V., Chumakova, M. A., Kornilov, S. A. & Novikova, M. A. (2010). *Psikhologiya neopredelennosti: edinstvo intellektualno-lichnostnogo potentsiala cheloveka* [Psychology of Uncertainty: Unity of Intellectual and Personal Potential of the Person]. Moscow.
15. Kovaleva, N. V. (2010, July). *Psikhologicheskiye baryery prepodavateley, svyazannye s perekhodom vuza na dvukhurovnevoe obrazovanie* [The Psychological Barriers of Teachers Connected with Transition of Higher Education Institution to Two-Level Education]. *Vestnik moskovskogo oblastnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series Psychological Sciences], 2 (2), 119–124.
16. Makarova, L. S. & Kovaleva, N. V. (2011). *Opyt uchastiya vuza v realizatsii programmy Tempus* [Experience in Participation of Higher Education Institution in Implementation of the Tempus Program]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], (2), 65–70.
17. Nikitina, T. N. & Shakirova, A. Yu. (2016). *Kontseptualnye osnovy tolerantnosti i praktika sovremennoy rossiyskoy vysshey shkoly*. [Conceptual Bases of Tolerance and The Practice of the Modern Russian Higher School]. In *Tolerantnost — "olivkovaya vetv" chelovechestva na etape chelovecheskogo razloma: sbornik mat. Mezhd. Gumanitarnogo foruma* [Tolerance — "An Olive Branch" Of Mankind at A Stage of a Human Break: Collection of Materials of Intern. Arts Forum] (pp. 437–140). Kazan.
18. Pugacheva, E. A. (2008). *Formirovanie tolerantnosti studentov v polikulturnoy srede vuza* [Formation of Tolerance in Students in The Multicultural Environment of Higher Education Institution] (Abstract of Cand. Dissertation). Nizhny Novgorod.
19. Raven, J. (1984). *Competence in Modern Society: Its Identification, Development and Realize*. London.
20. Ross, L. & Nisbett, R. (1991). *The Person and the Situation: Perspectives of Social Psychology*. New York, London, Toronto.
21. Sidorenko, E. V. (2000). *Metody matematicheskoy obrabotki v psikhologii* [Methods of Mathematical Processing in Psychology]. St. Petersburg.
22. Zhuravlev, A. L. & Kupreichenko, A. B. (2007). *Samoopredelenie, adaptatsiya i sotsializatsiya: sootnoshenie i mesto v sisteme sotsialno-psikhologicheskikh ponyatiy* [Self-Determination, Adaptation and Socialization: Correlation and The Place in The System of Social and Psychological Concepts]. In L. G. Dikaya & A. L. Zhuravlev (Eds.) *Psikhologiya adaptatsii i sotsialnaya sreda: sovremennye podkhody, problemy, perspektivy* [Psychology of Adaptation and The Social Environment: Modern Approaches, Problems, Prospects]. Moscow.
23. Znakov, V. V. & Ryabikina, Z. I. (2017). *Psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [Psychology of Human Life]. Moscow.
24. Znakov, V. V. (2016). *Ponimanie subyektom sotsiokulturnoy realnosti mira cheloveka* [Understanding with Subject of Sociocultural Reality of the World of the Person]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 17 (1), 6–23.
25. Znakov, V. V., Ryabikina, Z. I. & Sergienko, E. A. (Eds.) (2010). *Psikhologiya subyekta i psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [Psychology of the Subject and Psychology of Human Life].

НАШИ АВТОРЫ

.....

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Вольвич Юлия Константиновна, аспирант кафедры управления персоналом и организационной психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Глухова Александра Викторовна, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия.

Григорьев Михаил Викторович, магистр психологии, Сочинский государственный университет, Сочи, Россия.

Давыдов Алексей Андреевич, младший научный сотрудник Центра североамериканских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Ейбоженко Виктория Юрьевна, психолог, Центр современного психоанализа «Гермес», Краснодар, Россия.

Ковалёва Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент Адыгейского государственного университета, Майкоп, Россия.

Кольба Алексей Иванович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Макаревская Юлия Эдуардовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и социальных коммуникаций Сочинского государственного университета, Сочи, Россия.

Мелконян Нвард Араиковна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и социальных технологий Ереванского государственного университета, Ереван, Армения.

Мирошниченко Инна Валерьевна, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Михайлова Татьяна Александровна, кандидат социологических наук, старший преподаватель Южного федерального университета, филиал в г. Геленджик, Геленджик, Россия.

Рябченко Наталья Анатольевна, кандидат политических наук, заместитель декана факультета управления и психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Соколов Александр Владимирович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета, Ярославль, Россия.

Студеникина Елена Станиславовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Хлыщева Елена Владиславовна, доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой культурологии Астраханского государственного университета, Астрахань, Россия.

Шлыкова Юлия Борисовна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

OUR AUTHORS

.....

Baranov Andrey Vladimirovich, Doctor of Political Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Chair of Political Science and Political Management of the Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Davydov Alexey Andreevich, Junior Research Fellow of Center for North American Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Eibozhenko Viktoria Yuryevna, psychologist of Center for Contemporary Psychoanalysis "Hermes", Krasnodar, Russia.

Gluhova Aleksandra Viktorovna, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Political Science, Voronezh State University, Voronezh, Russia.

Grigoriev Mikhail Viktorovich, Master of Psychology, Sochi State University, Sochi, Russia.

Khlysheva Elena Vladislavovna, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Cultural Studies, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.

Kol'ba Alexey Ivanovich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of Department of State Policy and Public Administration of the Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Kovaleva Natalia Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Adyghe State University, Maikop, Russia.

Makarevskaya Yuliya Eduardovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General Psychology and Social Communications of Sochi State University, Sochi, Russia.

Melkonyan Nvard Araikovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Work and Social Technologies of Yerevan State University, Yerevan, Armenia.

Mikhaylova Tatyana Aleksandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer of Southern Federal University, Branch in Gelendzhik, Gelendzhik, Russia.

Miroshnichenko Inna Valeryevna, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of Department of State Policy and Public Administration of the Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Ryabchenko Natalia Anatolievna, Candidate of Political Sciences, Deputy Dean of the Faculty of Management and Psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Shlikova Yulia Borisovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Personality Psychology and General Psychology of Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Sokolov Aleksandr Vladimirovich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Social and Political Theories of the Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia.

Studenikina Elena Stanislavovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology of the Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Volvich Yulia Konstantinovna, Postgraduate Student, of Department of Human Recourse and Organizational Psychology of the Kuban State University, Krasnodar, Russia.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе (-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется **Библиографический список**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных.

Правила оформления

В ТЕКСТЕ

Используйте метод цитирования «дата — автор» (фамилия автора, год публикации).

Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камиль, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) показывают, что...
- In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
- Walker (2000) compared reaction times...
- Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... — *первое цит.*, *затем:* (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... — *первое цит.*, *затем:* (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждений сообщения группы) цитируйте только в тексте:

- (Р. А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R. A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ссылки должны включать: автора, редактора (если он есть), год издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите название на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите редактора на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовка, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «pp.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабадош, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа, 1*, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyeblink conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience, 123*, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. *Спортивный психолог*, 2 (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psiholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia? *Psychology Today*, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. *Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга*, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobytij na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration of St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), сс. 1-2.
- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five — second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

КНИГИ

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies*. (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarenniy rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора (ов) (печатная копия)

- Люсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). *Handbook of consumer psychology*. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Socialniy i emocionalniy intellekt: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A. N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U. D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O. K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О. К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы *журнала* или *книгоиздателя*.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгуев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Rastorguyev, S. V. (2013). Opyt biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, 4 (2): 43-50. Retrieved from <http://ojs.lib.swin.edu.au/index.php/ejap/article/view/8/157>

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. *Эксперт Сибирь*, 25 (422). Режим доступа <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir'* [Expert Siberia], Retrieved from <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology*, 40 (8). Retrieved from <http://www.apa.org/monitor/>

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). *Los Angeles Times*, Retrieved from <http://www.latimes.com>
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). *Газета.ру*, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

- Koryagin, V. Net nasiliyu ["No" to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). *Rossyiskyi gendernyi poryadok. Sotsiologicheskiy podkhod* [Russian gender order. A sociological approach]. doi: 10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). *Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices*. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

- Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R. P. Carlisle et al. (Eds.), *Encyclopedia of play in today's society*. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

- Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from <http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/>

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

- U. S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009). *Autism Fact Sheet (NIH Publication No. 09-1877)*. Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/disorders/autism/detail_autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

- Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). *Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years)*. [Monograph]. Retrieved from <http://eric.ed.gov>

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

- Helsel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity*. (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствии с настоящим стандартом.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 800-1000 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список.

Авторская справка должна включать в себя сведения о учёной степени и звании, месте работы, должности, а также адрес электронной почты и почтовый адрес учреждения, в котором работает автор.

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

TO THE AUTHORS OF HUMAN. COMMUNITY. MANAGEMENT JOURNAL

.....

Research articles, reviews and surveys are accepted not more than 32000 characters long incl. spaces (up 0.8-quire long) as a MS Word for MS Windows document attached to an e-mail at chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (please e-mail at both accounts).

Authorial information. A manuscript must include the information about author/s: full name/s, scientific degree, scientific title, place of work, job position, telephone No., e-mail and postal address.

Designing references. An author must mention the sources in which he/she takes citations, statistical data, and other information. **References** list must appear at the end of an article, in which the cited/mentioned sources must be grouped alphabetically, each numbered. Bibliographical description of a source must include the place of publishing, the name of publishers (except for periodicals), and the year of publishing. Russian-language sources should appear on the list first followed by those of foreign language/s

Making-up reference list. References must be arranged according to APA standard: <http://library.tamu.edu/help/help-yourself/citing-sources/files/Using%20APA%20Format.pdf>

The editor's board reserves the right to return a manuscript to make up references according to the requirements mentioned.

Abstract. A manuscript must include the article's insightful abstract not more than 800-1000 characters long, containing the description of the research message essence (basic idea and goal, methods, results) in Russian and in English, keywords (not more than 10). The following data must accompany the article: the title of the article in English, the author' full name transliterated in Latin characters, the reference list transliterated in Latin characters and translated into English.

The journal publishes articles in the fields of political science, political, public and municipal management and local economies, managerial consulting, general, personal, social, pedagogical, economic and labor psychology, developmental psychology, etc.

Author's certificate must include information about the scientific degree and title, place of work, position, and e-mail address and the institution address where the author works.

.....

Editor's board address: Kuban State University, room 149412H, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (4th floor of the university new building, room 414H, open Mon — Fri, 10 am — 5 pm).

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ РУКОПИСЕЙ

.....

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

REVIEWING THE ARTICLES

.....

The materials are considered for publication unpublished before and freshness. In 5 days upon arrival an author receives the acknowledgement letter informing him/her that his/her article has arrived and queued up for peer-reviewing by either editor's board/committee members and/or other highly qualified scientists/experts with deep professional knowledge and practical experience in a specified scientific field, among them being mostly Doctors of Science and Professors. Neither author/s nor co-author/s can be a reviewer. The article presented is analyzed by double-blind peer-reviewing. In 30 days upon the article is accepted the author is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to publish, (2) the article is recommended to publish after revision, (3) the article is not recommended to publish. The editor's board is not to supply the applicant with review texts of review but informs him/her about remarks and recommendations if the revision is necessary.